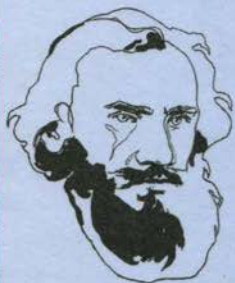
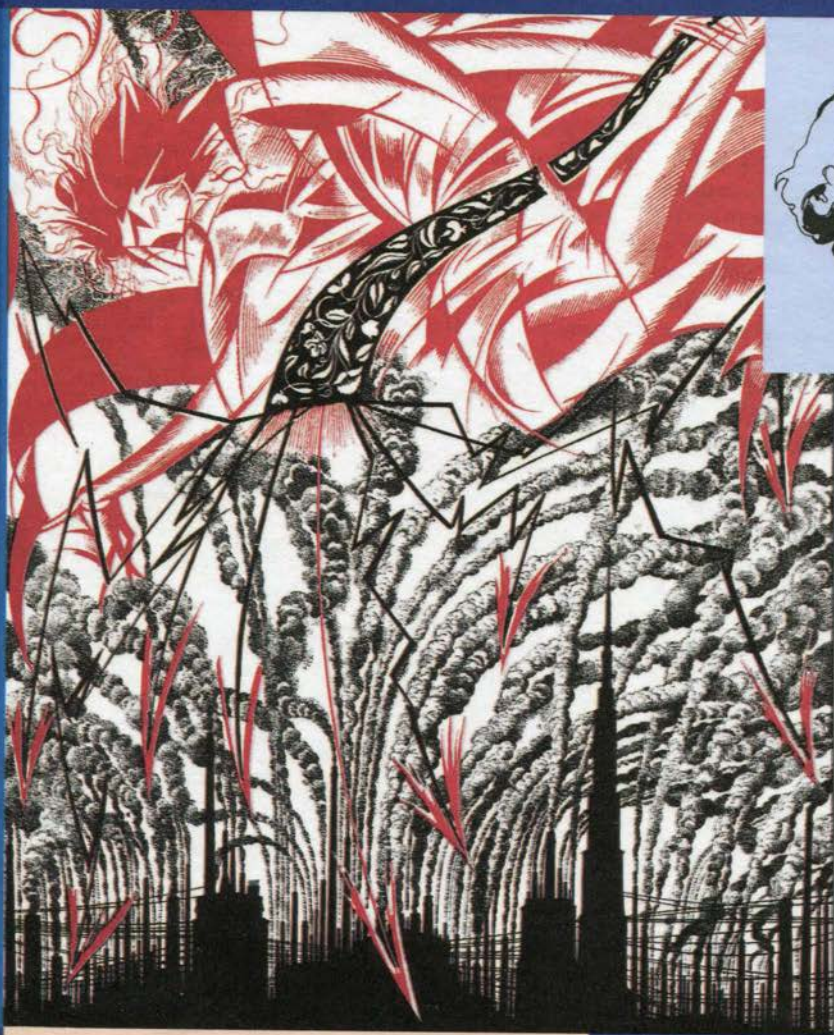

Г.С. Меркин

ЛИТЕРАТУРА

8 КЛАСС

Портрет
Н.П. Жданович
за фортепиано.
Художник
П.А. Федотов.
Ок. 1850 г.

Крестьянка
с васильками.
Художник
А.Г. Венецианов.
1830-е гг.

Панорама
Москвы.
Вид на
Замоскворечье
и Каменный мост.
Художник
Д. Индейцев.
1850 г.

Литература

8 класс

**Учебник
для общеобразовательных
учреждений**

**В двух частях
Часть II**

Автор-составитель
Г.С. Меркин

9-е издание

*Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации*

(экспертиза РАН и РАО 2007 г.)

**Москва
«Русское слово»
2013**

УДК 373.167.1:82*08(075.3)

ББК 83.я721

Л 64

Литература. 8 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 2 / авт.-сост. Г.С. Меркин. — 9-е изд. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-91218-782-7 (ч. 2)

ISBN 978-5-91218-780-3

Учебник «Литература. 8 класс» соответствует программе по литературе для 5—11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник предназначен для общеобразовательных учреждений: школ, гимназий и лицеев. Методический аппарат учебника позволяет организовать обучение как на базовом, так и на углублённом уровне.

Учебник соответствует требованиям Федерального компонента государственного стандарта основного общего образования.

УДК 373.167.1:82*08(075.3)

ББК 83.я721

ISBN 978-5-91218-782-7 (ч. 2)
ISBN 978-5-91218-780-3

© Г.С. Меркин, 2004, 2013
© ООО «Русское слово — учебник», 2004, 2013

ИВАН
СЕРГЕЕВИЧ
ТУРГЕНЕВ
1818—1883

Иван Сергеевич Тургенев приобрёл широкую известность после выхода в свет книги очерков «Записки охотника». Даже Гоголя знали только в России, Тургенева, первого из русских писателей, стали читать и за границей.

...В 1850 году умерла Варвара Петровна, мать Тургенева, и оставила сыну громадные, прекрасно устроенные имения. Он внезапно стал богачом, человеком безусловно свободным и безусловно независимым. Что же сделал он для своих крестьян? Вот его собственные слова: «Я немедленно отпустил дворовых на волю, пожелавших крестьян перевёл на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть — и в главном имении не взял ничего за усадебную землю, что составило крупную сумму. Другой, быть может, на моём месте сделал бы больше и скорее, но я обещался сказать правду и говорю её, какова она ни на есть. Хвастаться ею нечего; но и бесчестия, я полагаю, она принести не может».

В 50-х годах XIX столетия с особой силой разгорелась полемика по поводу путей освобождения крестьянства от крепостной зависимости. Здесь столкнулись мнения тех, кто считал необходимым дать крестьянам волю «сверху», без потрясений и бунта, и тех, кто уверял в необходимости «к топору звать Русь». Тургенев был на стороне первых.

...В феврале 1852 года умер Гоголь. Тургенев написал некролог, но петербургская цензура запретила печатать его, и он появился в «Московских ведомостях». У Тургенева возникли неприятности. «16 апреля, — рассказывает он, — я заслушание и нарушение цензурных правил... был посажен на месяц на арест в часть...»

После этого Тургенев, сопровождаемый жандармом, отправился в Спасское. «Всё к лучшему, — говорил он. — Пребы-

«Флигель изгнанника» в имении Спасское-Лутовиново, где И.С. Тургенев жил во время ссылки 1852–1853 гг. Фотография. XX в.

вание под арестом, а потом в деревне принесло мне несомненную пользу: оно сблизило меня с такими сторонами русского быта, которые при обыкновенном ходе вещей, вероятно, ускользнули бы от моего внимания».

Домашний арест в Спасском не был строг, и Тургеневу скоро разрешили навещать в Петербург по своим делам. Единственное лишение, которое он испытывал, было то, что ему не давали заграничного паспорта, так что вплоть до 1856 года он делил своё время между столицами и деревней. Работал он много, ещё больше охотился и почти никогда не оставался один, даже в Спасское то и дело наезжали его друзья: Д. Григорович, В. Боткин, А. Дружинин¹.

Вопросы и задания

1. Какой эпизод из жизни писателя в 1850-е годы можно назвать поступком в высоком значении этого слова? Аргументируйте свой ответ.
2. Как вы думаете, о каких сторонах русского быта говорит Тургенев, вспоминая своё пребывание в Спасском после ареста?

¹ Краткие сведения об упоминаемых писателях содержатся в Словаре имён в конце учебника.

I

Мне было тогда лет двадцать пять, — начал Н. Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «окончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись — я жил без оглядки, делал что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золочёные, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придёт время — и хлебца напросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лон-лакея¹ возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошёл в дрезденском «Грюне Гевёлбе»². Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых её красот, необыкновенных гор, утёсов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и от-
радно; мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения:

<http://kurokam.ru>

¹ Лон-лакей — лакей, которого берут за плату; здесь: проводник.

² Грюне Гевёлбе — дословно: «Зелёные своды» — знаменитая сокровищница в Дрездене, часть Дрезденской галереи.

я только что был поражён в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощёкому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почёл долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в 3.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подношвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, — а главное, своим хорошим вином. По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после захождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голоском: «Guten Abend!»¹ — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие каменья мостовой чётко рисовались в её неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый её светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по чёрному гляncу речки; тоненькие свечки (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на трёхугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен» — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

Городок 3. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя Мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзённым мечами, печально выглядывала из его вет-

¹ «Добрый вечер!» (нем.)

вей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытященной на берег и опрокинутой насмолённым брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенно-го рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли, или братства (Landsmannschaft). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни, Landesvater, Gaudeamus, курят, бранят филистеров¹; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой гостиницей под вывескою Солнца, в саду, выходившем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на

¹ Краткий толковый словарь помещён в конце учебника.

лица студентов; их объятия, восклицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — всё это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд — куда бы то ни было, лишь бы вперёд, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнёс за мною мужской голос по-русски.

— Подождём ещё, — отвечал другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю верхнюю часть её лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновенье, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нём. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновенье — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень милостивой. Было что-то своё, особен-

ное, в складе её смугловатого круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стёкла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живём за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Чрез низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все ещё обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил её и повёл нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зелёных лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика, с косыми чёрными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несёт молоко. Guten Abend, Madamel..¹ Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыбался и перекачивался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася её нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распоряжайся. Вели всё сюда подать. Мы станем ужи-

¹ Добрый вечер, мадам!.. (нем.)

нать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственное имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ёжиться! он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна; мы её рóспили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; я, однако, видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граёных стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умиравшие площадки, зажжённые студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид.

Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Перевозчик, бодрый старик, с напряжением погружал вёсла в тёмную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять её голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку. Словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чём не думал... Я был счастлив.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблён?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.

III

На другое утро (я уже проснулся, но ещё не вставал) стук палки раздался у меня под окном, и голос, который я тотчас признал за голос Гагина, запел:

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбуджу...

Я поспешил отворить ему дверь.

— Здравствуйте, — сказал Гагин, входя, — я вас раненько потревожил, но посмотрите, какое утро. Свежесть, роса, жаворонки поют...

С своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками он сам был свеж, как утро.

Я оделся; мы вышли в садик, сели на лавочку, велели подать себе кофе и принялись беседовать. Гагин сообщил мне свои планы на будущее: владея порядочным состоянием и ни от кого не завися, он хотел посвятить себя живописи и только сожалел о том, что поздно хватился за ум и много времени потратил попустому; я также упомянул о моих предположениях, да, кстати, поверил ему тайну моей несчастной любви. Он выслушал меня с снисхождением, но, сколько я мог заметить, сильного сочувствия к моей страсти я в нём не возбудил. Вздохнувши вслед за мной раза два из вежливости, Гагин предложил мне пойти к нему посмотреть его этюды. Я тотчас согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словам хозяйки, отправилась на «развалину». Верстах в двух от города Л. находились остатки феодального замка. Гагин раскрыл мне все свои картоны. В его этюдах было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни один из них не был окончен, и рисунок показался мне небрежен и неверен. Я откровенно высказал ему моё мнение.

— Да, да, — подхватил он со вздохом, — вы правы; всё это очень плохо и незрело, что делать! Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берёт своё. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом; землю, кажется, сдвинул бы с места — а в исполнении тотчас ослабеешь и устаешь.

Я начал было ободрять его, но он махнул рукой и, собравши картоны в охапку, бросил их на диван.

— Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь, — промолвил он сквозь зубы, — не хватит, останусь недорослем из дворян. Пойдёмте-ка лучше Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV

Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне её бежал ручей и шумно прядал через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за тёмной гранью круто расщеплённых горных гребней. Гагин обратил моё внимание на некоторые счастливо освещённые места; в словах

его слышался если не живописец, то уж наверное художник. Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четырёхугольная башня, вся чёрная, ещё крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривлённые деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменная тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

— А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая!

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул её в неосторожности.

— Полноте, — сказал мне шёпотом Гагин, — не дразните её; вы её не знаете: она, пожалуй, ещё на башню взберётся. А вот вы лучше подивитесь смыслённости здешних жителей.

Я оглянулся. В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду. Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжёлых оловянных кружек довольно холодное пиво. Ася продолжала сидеть неподвижно, подобрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик её отчётливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприятным чувством посматривал на неё. Уже накануне заметил я в ней что-то напряжённое, не совсем естественное... «Она хочет удивить нас, — думал я, — к чему это? Что за детская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у ней стакан воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? — промолвила она, обратившись к брату, — нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она, с стаканом в руке, пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блестевших на солнце. Её движения были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на неё, хотя я невольно лю-

Иллюстрации к повести «Ася» —
художник К.А. Клементьева. 1939 г.

бовался её лёгкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало ещё досаднее.

— Да она как коза лазит, — пробормотала себе под нос старушка, оторвавшись на мгновение от своего чулка.

Наконец, Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подёргивала её брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились тёмные глаза.

«Вы находите моё поведение неприличным, — казалось, говорило её лицо, — все равно: я знаю, вы мной любуетесь».

— Искусно, Ася, искусно, — промолвил Гагин вполголоса.

Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно под села к нам, как виноватая. Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел её лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уже всё побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты её мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полбобовались видами. Между тем час обеда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагин спросил ещё кружку пива и, обернувшись ко мне, воскликнул с лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А разве у него, — разве у вас есть такая дама? — спросила вдруг Ася.

— Да у кого же её нет? — возразил Гагин.

Ася задумалась на мгновенье; её лицо опять изменилось, опять появилась на нём вызывающая, почти дерзкая усмешка.

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила её к себе на плечо, как ружьё, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее своё платье, тщательно причёсанная, перетянутая и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть перед мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всём. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребёнок; будьте снисходительны». Как только кончился обед, Ася встала, сделала нам книксен и, надевая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвечал он с своей неизменной, на этот раз несколько смущённой улыбкой, — разве тебе скучно с нами?

— Нет, но я вчера ещё обещала фрау Луизе побывать у ней; притом же я думала, вам будет лучше вдвоём: господин Н. (она указала на меня) что-нибудь ещё тебе расскажет.

Она ушла.

— Фрау Луизе, — начал Гагин, стараясь избегать моего взора, — вдова бывшего здешнего бургомистра, добрая, впрочем пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причиною этому всегда бывает гордость. Она у меня порядком избалована, как видите, — прибавил он, помолчав немного, — да что прикажете делать? Взыскивать я ни с кого не умею, а с неё и подавно. Я обязан быть снисходительным с нею.

Я промолчал. Гагин переменял разговор. Чем больше я узнавал его, тем сильнее я к нему привязывался. Я скоро его понял. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нём ключом; она светилась тихим светом. Он был очень мил и умён, но я не мог себе представить, что с ним станется, как только он возмужает. Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь, — нет! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумеешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце так и влеклось к нему. Часа четыре провели мы вдвоём, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом; и в эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце село, и мне уже пора было идти домой. Ася всё ещё не возвращалась.

— Экая она у меня вольница! — промолвил Гагин. — Хотите, я пойду провожать вас? Мы по пути завернём к фрау Луизе; я спрошу, там ли она? Крюк не велик.

Мы спустились в город и, свернувши в узкий, кривой переулочек, остановились перед домом в два окна шириною и вышиною в четыре этажа. Второй этаж выступал на улицу больше первого, третий и четвёртый ещё больше второго; весь дом с своей ветхой резьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутым в виде клюва воротом на чердаке казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася! — крикнул Гагин, — ты здесь?

Освещённое окошко в третьем этаже стукнуло и отворилось, и мы увидели тёмную головку Аси. Из-за неё выглядывало беззубое и подслеповатое лицо старой немки.

— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — приба-

Ася бросает из окна ветку гераниума

вила она, бросая Гагину ветку гераниума, — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмеялась.

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася, — в таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцеловала фрау Луизе. Гагин протянул мне молча ветку. Я молча положил её в карман, дошёл до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразил сильный, знакомый,

но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими?» — воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришёл домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти рассерженным и долго не мог успокоиться. Непонятная мне самому досада меня разбирала. Наконец я сел и, вспомнив о своей коварной вдове (официальным воспоминанием об этой даме заключался каждый мой день), достал одну из её записок. Но я даже не раскрыл её; мысли мои тотчас приняли иное направление. Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» — произнёс я громко.

Я разделся, лёг и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой «капризной девочке с натянутым смехом...». «Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине, — шептал я, — да; и она ему не сестра...»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, белея в лучах луны.

V

На следующее утро я опять пошёл в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но втайне меня тянуло посмотреть, что станет делать Ася, так же ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостинной, и, странное дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася показалась мне совершенно русской девушкой, да простою девушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку». Я глядел на

её желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня рисовать этюд с натуры; я спросил его, позволит ли он мне провожать его, не помещаю ли ему?

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать.

Он надел круглую шляпу à la Van Dyck, блузу, взял картон под мышку и отправился; я поплёлся вслед за ним. Ася осталась дома. Гагин, уходя, попросил её позаботиться о том, чтобы суп был не слишком жидок: Ася обещалась побывать на кухне. Гагин добрался до знакомой уже мне долины, присел на камень и начал срисовывать старый дуплистый дуб с раскидистыми сучьями. Я лёг на траву и достал книжку; но я двух страниц не прочёл, а он только бумагу измарал; мы всё больше рассуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко рассуждали о том, как именно должно работать, чего следует избегать, чего придерживаться и какое собственно значение художника в наш век. Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мною, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чём-то, вернулись мы домой. Я нашёл Асю точно такую же, какою я её оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть её в неестественности.

— А-га! — говорил Гагин, — пост и покаяние на себя наложила.

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чём: этот день прошёл в трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. От него, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, так и веяло мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином, а она не походила на барышню; во всех её движениях было что-то беспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино ещё бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней об её жизни в России, об её прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал её раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво! — сказал я, подходя к ней, — как вы прилежны!

Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею». Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, приникла ухом, тихонько под села ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал её, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домохозяйкой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертой. Не долго думавши, добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченно-

го мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносившей следующие слова:

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин, — ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно, — твердил он, слегка проводя рукой по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним?.. Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к оgrade, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако, — думал я, — умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VII

Я спал дурно и на другое утро встал рано, привязал походную котомочку за спину и, объявив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З. Эти горы, отрасли хребта, называемого Собачьей спиной (Hundsrück), очень любопытны в геологическом отношении; в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоёв; но мне было не до геологических наблюдений. Я не отдавал себе отчёта в том, что во мне происходило; одно чувство было мне ясно: нежелание видаться с Гагиными. Я уверял себя, что единственной причиной моего внезапного нерасположения к ним была досада на их лукавство. Кто их принуждал выдавать себя за родственников? Впрочем, я старался о них не думать; бродил не спеша по горам

и долинам, засиживался в деревенских харчевнях, мирно беседуя с хозяевами и гостями, или ложился на плоский согретый камень и смотрел, как плыли облака, благо погода стояла удивительная. В таких занятиях я провёл три дня, и не без удовольствия, — хотя на сердце у меня щемило по временам. Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края.

Я отдал себя всего тихой игре случайности, набегавшим впечатлениям; неторопливо сменяясь, протекали они по душе и оставили в ней, наконец, одно общее чувство, в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, — всё: тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пёстрыми форелями на песчаном дне, не слишком смелые очертания гор, хмурые скалы, чистенькие деревеньки с почтенными старыми церквями и деревьями, аисты в лугах, уютные мельницы с проворно вертящимися колёсами, радушные лица поселян, их синие камзолы и серые чулки, скрипучие, медлительные возы, запряжённые жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами...

Даже и теперь мне приятно вспоминать мои тогдашние впечатления. Привет тебе, скромный уголок германской земли, с твоим незатейливым довольством, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы... Привет тебе и мир!

Я пришёл домой к самому концу третьего дня. Я забыл сказать, что с досады на Гагиных я попытался воскресить в себе образ жестокосердой вдовы; но мои усилия остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидел перед собою крестьянскую девочку лет пяти, с круглым любопытным личиком, с невинно выпученными глазёнками. Она так детски-простодушно смотрела на меня... Мне стало стыдно её чистого взора, я не хотел лгать в её присутствии и тотчас же окончательно и навсегда раскланялся с моим прежним предметом.

Дома я нашёл записку от Гагина. Он удивлялся неожиданности моего решения, пенял мне, зачем я не взял его с собою, и просил прийти к ним, как только я вернусь. Я с неудовольствием прочёл эту записку, но на другой же день отправился в Л.

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упрёками; но Ася, точно нарочно, как только увидала меня, расхохоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить её. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал в моё отсутствие. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнатку и убегала снова; я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва меня удерживал, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал её пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статушкой Мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошёл тут между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — начал вдруг Гагин, с своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Её надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у ней сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, её нельзя винить, и если б вы знали её историю...

— Её историю?.. — перебил я, — разве она не ваша...

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на моё замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам всё.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара её не вынес. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро;

я остался после неё шести месяцев. Отец увёз меня в деревню и целые двенадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... но, попавши в Петербург, скоро позабыл наше тёмное и невесёлое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешёл в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил отца моего всё более и более грустным, в себя углублённым, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидел у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на неё; она была дика, проворна и молчалива, как зверёк, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днём зажигались свечи, она тотчас пряталась за вольтеровское кресло его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался ещё молодым человеком. Представьте же мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он извещает меня о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то

умоляющим взором и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привёл её: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты всё узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню её высокую стройную фигуру, её благообразное, строгое, умное лицо, с большими тёмными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной. Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошёлся с нею несколько лет спустя после смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всём были рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? какая я барыня? Так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видывал Татьяну только по праздникам, в церкви. Повязанная тёмным платком, с жёлтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — её строгий профиль чётко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увёз меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь её при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда её взяли к барину. Она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шёлковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала её очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был её учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал её,

то есть не нянчился с нею; но он любил её страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин её отец; но она так же скоро поняла своё ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) заставить *целый мир* забыть её происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в её годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы её направила. Полная независимость во всём! да разве легко её вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, её била лихорадка, ласки мои повергали её в тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполнину.

Я привёз её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансионов. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказать её нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрячилась, глядела букой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и кололи как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из

Закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей долее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, а она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей всё нипочём, — мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Всё так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык.

— А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видела же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдёте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвечал; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце; точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа.

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал её холодные пальчики. Мне стало очень жаль её; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: её внутреннее беспокойство, неумение держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. Я заглянул в эту душу: тайный гнёт давил её постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но всё существо её стремилось к правде. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня: её душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мною по винограднику. Она тотчас согласилась, с весёлой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.

— И вам не скучно было без нас? — начала Ася.

— А вам без меня было скучно? — спросил я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да, — отвечала она. — Хорошо в горах? — продолжала она тотчас, — они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно ж вам было уходить, — заметил я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду, — прибавила она с доверчивой лаской в голосе, — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я рад, что вернулся, — промолвил я.

Ася повела плечами, как это часто делают дети, когда им хорошо.

— О, я умею отгадывать! — продолжала она, — бывало, я по одному папашину кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

До того дня Ася ни разу не говорила мне о своём отце. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорил я и вдруг, к великой моей досаде, почувствовал, что краснею.

Она ничего не отвечала и покраснела тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него.

— Что же вы не рассказываете? — прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня? — спросил я.

— Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее? Ведь это её скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луизе мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизе есть чёрный кот с жёлтыми глазами...

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ах, мне хорошо, — проговорила она.

В это мгновение долетели до нас отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными расстановками повторяли молитвенный напев: толпа богомольцев тянулась вниз по дороге с крестами и хоругвями...

— Вот бы пойти с ними, — сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов.

— Разве вы так набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?

— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить...

— А разве это невозможно?

«Невозможно», — чуть было не повторил я... Но я взглянул в её светлые глаза и только промолвил:

— Попробуйте.

— Скажите, — заговорила Ася после небольшого молчания, в течение которого какие-то тени пробежали у ней по лицу, уже успевшему побледнеть, — вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил её здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Я засмеялся.

— Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

— А что вам нравится в женщинах? — спросила Ася, закинув голову с невинным любопытством.

— Какой странный вопрос! — воскликнул я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать всё, что мне в голову входит. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите ради Бога, не бойтесь, — подхватил я, — я так рад, что вы, наконец, перестаете дичиться.

Ася потупилась и засмеялась тихим и лёгким смехом; я не знал за ней такого смеха.

— Ну, рассказывайте же, — продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая их себе на ноги, точно она усаживалась надолго, — рассказывайте или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали из «Онегина»...

Она вдруг задумалась...

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной матерью моей! —

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не так, — заметил я.

— А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она всё так же задумчиво. — Рассказывайте, — подхватила она с живостью.

Но мне было не до рассказов. Я глядел на неё, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я ещё не летал. Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — отвечал я, несколько озадаченный.

— Так пойдёмте, пойдёмте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь её девически строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мне тёмные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживлённом лице, резво обвеянном кудрями.

Х

Весь этот день прошёл как нельзя лучше. Мы веселились, как дети. Ася была очень мила и проста. Гагин радовался, глядя на неё. Я ушёл поздно. Въехавши на середину Рейна, я попросил перевозчика пустить лодку вниз по течению. Старик поднял вёсла — и царственная река понесла нас. Глядя кругом, слушая, вспоминая, я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в этой тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звёзды; тревожное оживление мне чудилось повсюду — и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков. Слёзы закипали у меня на глазах, но то не были слёзы беспредметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, ещё недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё любит... Нет! во мне зажглась жажда счастья. Я ещё не смел назвать его по имени, — но счастья, счастья до пресыщения — вот чего хотел я, вот о чём томился... А лодка всё неслась, и старик перевозчик сидел и дремал, наклонясь над вёслами.

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблён ли я в Асю, но я много размышлял о ней, её судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только с вчерашнего дня я узнал её; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась, наконец, передо мною, каким пленительным светом озарился её образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния стыдливо в нём сквозили...

Бодро шёл я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошёл в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение её лица не шло к её наряду: оно было печально. А я пришёл таким весёлым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над собою — и осталась. Гагин находился в том особенном состоянии художнического жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно овладевает дилетантами, когда они вообразят, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост». Он стоял, весь взъерошенный и выпачканный красками, перед натянутым холстом и, широко размахивая по нём кистью, почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накиннулся на свою картину. Я не стал мешать ему и подсел к Асе. Медленно обратились ко мне её тёмные глаза.

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на её губы.

— Нет, не такая, — возразила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего. Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чём?

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: ещё с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом ещё раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной, должно быть, очень скучно.

— Вы несправедливы к себе, — возразил я. — Вы много читали, вы образованны, и с вашим умом...

— А я умна? — спросила она с такой наивной любознательностью, что я невольно засмеялся; но она даже не улыбнулась. — Брат, я умна? — спросила она Гагина.

Он ничего не отвечал ей и продолжал трудиться, беспрестанно меняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня в голове, — продолжала Ася с тем же задумчивым видом. — Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам не следует читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна делать? Я всё буду делать, что вы мне скажете, — прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне.

Я не тотчас нашёлся, что сказать ей.

— Ведь вам не будет скучно со мной?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну, спасибо! — возразила Ася, — а я думала, что вам скучно будет.

И её маленькая горячая ручка крепко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнул в это мгновение Гагин, — не тёмн этот фон?

Я подошёл к нему. Ася встала и удалилась.

ХП

Она вернулась через час, остановилась в дверях и подозвала меня рукою.

— Послушайте, — сказала она, — если б я умерла, вам было бы жаль меня?

— Что у вас за мысли сегодня! — воскликнул я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мне иногда кажется, что всё вокруг меня со мною прощается. Умереть лучше, чем жить так... Ах! не глядите так на меня; я, право, не притворяюсь. А то я вас опять бояться буду.

— Разве вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата, — возразила она. — Видите, я уж и смеяться не могу...

Она осталась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило в ней, чего я не понимал. Её взор часто останавливался на мне; сердце моё тихо сжималось под этим зага-

дочным взором. Она казалась спокойною — а мне, глядя на неё, всё хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась. Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в её побледневших чертах, в её нерешительных, замедленных движениях — а ей почему-то воображалось, что я не в духе.

— Послушайте, — сказала она мне незадолго до прощанья, — меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы вперёд всегда верьте тому, что я вам говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...

Это «честное слово» опять заставило меня засмеяться.

— Ах, не смейтесь, — проговорила она с живостью, — а то я вам скажу сегодня то, что вы мне сказали вчера: «Зачем вы смеетесь?» — и, помолчав немного, она прибавила: — Помните, вы вчера говорили о крыльях?... Крылья у меня выросли — да лететь некуда.

— Помилуйте, — промолвил я, — перед вами все пути открыты...

Ася посмотрела мне прямо и пристально в глаза.

— Вы сегодня дурного мнения обо мне, — сказала она, нахмутив брови.

— Я? дурного мнения? о вас!..

— Что это вы точно в воду опущенные, — перебил меня Гатин, — хотите, я, по-вчерашнему, сыграю вам вальс?

— Нет, нет, — возразила Ася и стиснула руки, — сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что, — повторила она, бледнея.

.....
«Неужели она меня любит?» — думал я, подходя к Рейну, быстро катившему тёмные волны.

XIII

«Неужели она меня любит?» — спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось; у ней голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая,

с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу — не мог; хотел ничего не делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова.

— Вы ли господин Н.? — раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлейн Annette, — прибавил он, подавая мне записку.

Я развернул её — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Придите ради Бога, вы всё узнаете... Скажите посланному: да».

— Будет ответ? — спросил меня мальчик.

— Скажи, что да, — отвечал я.

Мальчик убежал.

XIV

Я пришёл к себе в комнату, сел и задумался. Сердце во мне сильно билось. Несколько раз перечёл я записку Аси. Я посмотрел на часы: и двенадцати ещё не было.

Дверь открылась — вошёл Гагин.

Лицо его было пасмурно. Он схватил меня за руку и крепко пожал её. Он казался очень взволнованным.

— Что с вами? — спросил я.

Гагин взял стул и сел против меня.

— Четвёртого дня, — начал он с принуждённой улыбкой и запинаясь, — я удивил вас своим рассказом; сегодня удивлю ещё более. С другим я, вероятно, не решился бы... так прямо... Но вы благородный человек, вы мне друг, не так ли? Послушайте: моя сестра, Ася, в вас влюблена.

Я весь вздрогнул и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

— Да, да, — перебил меня Гагин. — Я вам говорю, она сумасшедшая и меня с ума сведёт. Но, к счастью, она не умеет лгать — и доверяет мне. Ах, что за душа у этой девочки... но она себя погубит, непременно.

— Да вы ошибаетесь, — начал я.

— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела, впрочем, не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру у ней сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашёл её нераздетою, в лихорадке, в слезах; голова у ней горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти её как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь её успокоить... Рыдания её усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверяю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на неё так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю. Она говорит, что привязалась к вам с первого взгляда. Оттого она и плакала на днях, когда уверяла меня, что, кроме меня, никого любить не хочет. Она воображает, что вы её презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказав ли я вам её историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуткость её — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — и тогда только она заснула. Я подумал, подумал и решился — поговорить с вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уехать нам обоим отсюда. И я сегодня же бы увёз её, если б не пришла мне в голову мысль, которая меня остановила. Может быть... как знать? — вам сестра моя нравится? Если так, с какой стати я увезу её? Я вот и решился, отбросив в сторону всякий стыд... При том же я сам кое-что заметил... Я решился... узнать от вас... — Бедный Гагин смутился. — Извините меня, пожалуйста, — прибавил он, — я не привык к таким передёртам.

Я взял его за руку.

— Вы хотите знать, — произнёс я твёрдым голосом, — нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится...

Гагин взглянул на меня.

— Но, — проговорил он запинаясь, — ведь вы не женитесь на ней?

— Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю,— перебил меня Гагин.— Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой — верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнём шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... Другая умела бы всё скрыть и выждать — но не она. С нею это в первый раз, — вот что беда! Если б вы видели, как она сегодня рыдала у ног моих, вы бы поняли мои опасения.

Я задумался. Слова Гагина «свиданье вам назначить» кольнули меня в сердце. Мне показалось постыдным не отвечать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, — сказал я наконец, — вы правы. Час тому назад я получил от вашей сестры записку. Вот она.

Гагин взял записку, быстро пробежал её и уронил руки на колени. Выражение изумления на его лице было очень забавно, но мне было не до смеху.

— Вы, повторяю, благородный человек, — проговорил он, — но что же теперь делать? Как? она сама хочет уехать, и пишет к вам, и упрекает себя в неосторожности... и когда это она успела написать? Чего ж она хочет от вас?

Я успокоил его, и мы принялись толковать хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять.

Вот на чём мы остановились наконец: во избежание беды я должен был идти на свиданье и честно объясниться с Асей; Гагин обязался сидеть дома и не подавать вида, что ему известна её записка; а вечером мы положили сойтись опять.

— Я твёрдо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, — пощадите и её и меня. А уезжаем мы всё-таки завтра, — прибавил он, вставая, — потому что ведь вы на Асе не женитесь.

— Дайте мне срок до вечера, — возразил я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Он ушёл, а я бросился на диван и закрыл глаза. Голова у меня ходила кругом: слишком много впечатлений в неё нахлынуло разом. Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, её любовь меня и радовала и смущала. Я не мог понять, что заставило её всё высказать брату; неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня...

«Жениться на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!» — сказал я, вставая.

В условленный час переправился я через Рейн, и первое лицо, встретившее меня на противоположном берегу, был самый тот мальчик, который приходил ко мне поутру. Он, по-видимому, ждал меня.

— От фрейлейн Annette, — сказал он шёпотом и подал мне другую записку.

Ася извещала меня о перемене места нашего свидания. Я должен был прийти через полтора часа не к часовне, а в дом к фрау Луизе, постучаться внизу и войти в третий этаж.

— Опять: да? — спросил меня мальчик.

— Да, — повторил я и пошёл по берегу Рейна.

Вернуться домой было некогда, я не хотел бродить по улицам. За городской стеною находился маленький сад с навесом для кеглей и столами для любителей пива. Я вошёл туда. Несколько уже пожилых немцев играли в кегли; со стуком катились деревянные шары, изредка раздавались одобрительные восклицания. Хорошенькая служанка с заплаканными глазами принесла мне кружку пива; я взглянул в её лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да, — промолвил тут же сидевший толстый и краснощёкий гражданин, — Ганхен наша сегодня очень огорчена: жених её пошёл в солдаты.

Я посмотрел на неё; она прижалась в уголок и подперла рукою щёку; слёзы капали одна за другой по её пальцам. Кто-то спросил пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на своё место. Её горе подействовало на меня; я начал думать об ожидавшем меня свидании, но мои думы были заботливые, невесёлые думы. Не с лёгким сердцем шёл я на это свидание, не предаваться радостям взаимной любви предстояло мне; мне предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. «С ней шутить нельзя» — эти слова Гагина, как стрелы, впились в мою душу. А ещё четвёртого дня в этой лодке, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможным — и я колебался, я отталкивал, я должен был оттолкнуть его прочь... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, с её огненной головой, с её прошедшим, с её воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мне чувства. Назначенный срок приближался. «Я не могу на ней жениться, — решил я, наконец, — она не узнает, что и я полюбил её».

Я встал — и, положив талер в руку бедной Ганхен (она даже не поблагодарила меня), направился к дому фрау Луизе. Вечерние тени уже разливались в воздухе, и узкая полоса неба, над тёмной улицей, алела отблеском зари. Я слабо стукнул в дверь; она тотчас отворилась. Я переступил порог и очутился в совершенной темноте.

— Сюда! — послышался старушечий голос. — Вас ждут.

Я шагнул раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, фрау Луизе? — спросил я.

— Я, — отвечал мне тот же голос, — я, мой прекрасный молодой человек.

Старуха повела меня опять вверх, по крутой лестнице, и оставилась на площадке третьего этажа. При слабом свете, падавшем из крошечного окошка, я увидел морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно-лукавая улыбка растягивала её ввалившиеся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мне на маленькую дверь. Судорожным движением руки отворил я её и захлопнул за собою.

XVI

В небольшой комнатке, куда я вошёл, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её. Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала, как мёртвая, на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшие слёзы... Я глядел на неё; было что-то тро-

гательно-беспомощное в её робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел, как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе — покорно повиновалась её рука, всё её тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг её стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вижу с вами.

Ася опустилась на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. — Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла ещё прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

— Останьтесь, — воскликнул я, — останьтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком — да, с честным человеком. Но, ради Бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне

какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришёл сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — слышался испуганный шёпот Аси, — он пришёл сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она простодушно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в её устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо её быстро покраснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил, как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперёд — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слёз: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради Бога, перестаньте... — Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстрого молнии бросилась к двери и исчезла...

Когда несколько минут спустя фрау Луизе вошла в комнату — я всё ещё стоял по самой середине её, уж точно как громом поражённый. Я не понимал, как могло это свидание так быстро, так глупо кончиться — кончиться, когда я и сотой доли не сказал того,

что хотел, что должен был сказать, когда я ещё сам не знал, чем оно могло разрешиться...

— Фрейлейн ушла? — спросила меня фрау Луизе, приподняв свои жёлтые брови до самой накладки.

Я посмотрел на неё как дурак — и вышел вон.

XVII

Я выбрался из города и пустился прямо в поле. Досада, досада бешеная меня грызла. Я осыпал себя укоризнами. Как я мог не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания, как не оценить, чего ей стоило прийти к этой старухе, как я не удержал её! Наедине с ней в той глухой, едва освещённой комнате у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть её от себя, даже упрекать её... А теперь её образ меня преследовал, я просил у ней прощения; воспоминания об этом бледном лице, об этих влажных и робких глазах, о развityх волосах на наклонённой шее, о лёгком прикосновении её головы к моей груди — жгли меня. «Ваша...» — слышался мне её шёпот. «Я поступил по совести», — уверял я себя... Неправда! Разве я точно хотел такой развязки? Разве я в состоянии с ней расстаться? Разве я могу лишиться её? «Безумец! безумец!» — повторял я с озлоблением...

Между тем ночь наступала. Большими шагами направился я к дому, где жила Ася.

XVIII

Гагин вышел ко мне навстречу.

— Видели вы сестру? — закричал он мне ещё издали.

— Разве её нет дома? — спросил я.

— Нет.

— Она не возвращалась?

— Нет. Я виноват, — продолжал Гагин, — не мог утерпеть: против нашего уговора, ходил к часовне; там её не было; стало быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы её не видели?

Я должен был сознаться, что я её видел.

— Где?

— У фрау Луизе. Я расстался с ней час тому назад, — прибавил я, — я был уверен, что она домой вернулась.

— Подождём, — сказал Гагин.

Мы вошли в дом и сели друг подле друга. Мы молчали. Нам очень неловко было обоим. Мы беспрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконец Гагин встал.

— Это ни на что не похоже! — воскликнул он, — у меня сердце не на месте. Она меня уморит, ей-богу... Пойдёмте искать её.

Мы вышли. На дворе уже совсем стемнело.

— О чём же вы с ней говорили? — спросил меня Гагин, на-двигая шляпу на глаза.

— Я виделся с ней всего минут пять, — отвечал я, — я говорил с ней, как было условлено.

— Знаете ли что? — возразил он, — лучше нам разойтись; этак мы скорее на неё наткнуться можем. Во всяком случае, приходите сюда через час.

XIX

Я проворно спустился с виноградника и бросился в город. Быстро обошёл я все улицы, заглянул всюду, даже в окна фрау Луизе, вернулся к Рейну и побежал по берегу... Изредка попадались мне женские фигуры, но Аси нигде не было видно. Уже не досада меня грызла, — тайный страх терзал меня, и не один страх я чувствовал... нет, я чувствовал раскаяние, сожаление самое жгучее, любовь — да! самую нежную любовь. Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я бы дал всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою... Она была так близка, она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость... и я не прижал её к своей груди, я лишил себя блаженства увидеть, как её милое лицо расцвело бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня с ума сводила.

«Куда могла она пойти, что она с собою сделала?» — восклицал я в тоске бессильного отчаяния... Что-то белое мелькнуло вдруг на самом берегу реки. Я знал это место; там, над могилой человека, утонувшего лет семьдесят тому назад, стоял до половины вросший в землю каменный крест с старинной надписью. Сердце во мне замерло... Я подбежал к кресту: белая фигура исчезла. Я крикнул: «Ася!» Дикий голос мой испугал меня самого — но никто не отозвался...

Я решил пойти узнать, не нашёл ли её Гагин.

XX

Быстро взбираясь по тропинке виноградника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило.

Я подошёл к дому; дверь внизу была заперта, я постучался. Неосвещённое окошко в нижнем этаже осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли? — спросил я его.

— Она вернулась, — отвечал он мне шёпотом, — она в своей комнате и раздевается. Всё в порядке.

— Слава Богу! — воскликнул я с несказанным порывом радости, — слава Богу! Теперь всё прекрасно. Но вы знаете, мы должны ещё переговорить.

— В другое время, — возразил он, тихо потянув к себе раму, — в другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — промолвил я, — завтра всё будет решено.

— Прощайте, — повторил Гагин. Окно затворилось.

Я чуть было не постучал в окно. Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновение.

Я не помню, как дошёл я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья. Я прошёл мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье.

XXI

Когда, на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были растворены и дверь тоже была раскрыта; какие-то бумажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

— Уехали! — брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?..

— Уехали?.. — повторил я. — Как уехали? Куда?

— Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Постойте, ведь вы, кажется, господин Н.?

— Я господин Н.

— К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?.. — начал было я. Служанка тупо посмотрела на меня и принялась мести.

Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, — пока мы оба молча ожидали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторенным, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить её у меня...» Я схватил себя за голову...

Служанка начала громко кликать хозяйку: её испуг заставил меня прийти в себя. Одна мысль во мне загорелась: сыскать их, сыскать во что бы то ни стало. Принять этот удар, примириться с такою развязкой было невозможно. Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну. Я отправился в контору: там мне сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошёл домой с тем, чтобы тотчас улечься и поплыть вслед за ними. Мне пришлось идти мимо дома фрау Луизе... Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидел в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошёл было мимо; но она мне крикнула вслед, что у ней есть что-то для меня. Эти слова меня остановили, и я вошёл в её дом. Как передать мои чувства, когда я увидел опять эту комнатку...

— По-настоящему, — начала старуха, показывая мне маленькую записку, — я бы должна была дать вам это только в случае, если б вы зашли ко мне сами, но вы такой прекрасный молодой человек. Возьмите.

Я взял записку.

На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом:

«Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю её... Да я и не мог произнести тогда это слово. Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного сознания моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её... но уж тогда было поздно. «Да это невозможно!» — скажут мне; не знаю, возможно ли это, — знаю, что это правда. Ася бы не уехала, если б в ней была хоть тень кокетства и если б её положение не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы; я этого не понял. Недобрый мой гений остановил признание на устах моих при последнем свидании с Гагиным перед потемневшим окном, и последняя нить, за которую я ещё мог ухватиться, — выскользнула из рук моих.

В тот же день вернулся я с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кёльн. Помню, пароход уже отчаливал, и я мысленно прощался с этими улицами, со всеми этими местами, которые я уже никогда не должен был позабыть, — я увидел Ганхен. Она сидела возле берега на скамье. Лицо её было бледно, но не грустно; молодой красивый парень стоял с ней рядом и, смеясь, рассказывал ей что-то; а на другой стороне Рейна маленькая моя Мадонна всё так же печально выглядывала из тёмной зелени старого ясеня.

XXII

В Кёльне я напал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, долго упорствовал, но я должен был отказаться, наконец, от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Тёмные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, несколько лет спустя, я мельком увидал за границей, в вагоне железной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мне незабвенные черты... но я, вероятно, был обманут случайным сходством. Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какую я знал её в лучшую пору моей жизни, какую я её видел в последний раз, наклонённой на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслию, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным. Разве не может повториться то, что было, думал я, и ещё лучше, ещё прекраснее?.. Я знал других женщин, — но чувство, возбуждённое во мне Асей, то жгучее, нежное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И сам я — что стало со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

1857

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОВЕСТИ

В конце 50-х годов И.С. Тургенев много путешествовал по Европе: был в Зинциге, Баден-Бадене, Париже, Булоне, Куртавнеле, Лионе, Марселе, Ницце, Генуе, Риме.

Знакомая Тургенева Н.А. Островская передаёт рассказ Тургенева о «зинцигском» впечатлении, которое явилось толчком к началу работы над «Асей»: «Проездом остановился я в ма-

И.С. Тургенев. Художник А.П. Никитин. 1857—1858 гг.

леньком городке на Рейне. Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке. Вечер был прелестный. Ни об чём не думая, лежал я в лодке, дышал тёплым воздухом, смотрел кругом. Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она и зачем она в этом домике, какие её отношения к старухе, — и так тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула рассказа».

В черновом автографе Тургенев оставил точную запись относительно работы над повестью: «Ася. Рассказ. Начат в Зинциге на берегу Рейна 30 июня 1857 года в воскресенье, кончен в Риме 15 ноября того же года в пятницу». За эти несколько месяцев писатель вносил в первоначальный вариант существенные изменения. Впервые повесть была напечатана в первом номере журнала «Современник» за 1858 год с подзаголовком «Рассказ Н.Н.».

Повесть «Ася» переведена на ряд европейских языков: французский (выполнен ещё в 1858 году; Тургенев остался не-

доволен им и в 1869 году сам перевёл повесть на французский язык); немецкий (авторизованный перевод); итальянский, шведский, датский (появились при жизни писателя); английский.

ПОГОВОРИМ О ПРОЧИТАННОМ

Тургенев писал из Рима 15 ноября 1857 года: «Рим именно такой город, где легче всего быть одному; а захочешь оглянуться — не пустые рассеянья ожидают тебя — а великие следы великой жизни, которые не подавляют тебя чувством твоей ничтожности перед ними, как бы следовало ожидать — а, напротив, поднимают тебя и дают душе настроение несколько печальное, но высокое и бодрое. Если я и в Риме ничего не сделаю, — останется только рукой махнуть». В том же письме Тургенев, как бы подводя итог прошедшему и думая о будущем, писал: «В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое; горе тому, кто не умеет их чувствовать, — и либо упорно придерживается мёртвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жиз-

Площадь Св. Петра в Риме во время папского благословения.
Художник Г.Г. Чернецов. 1850 г.

ни то, что ещё не созрело. Часто я погрешал то нетерпением, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла — и пора мне сделаться если не дельным человеком, то по крайней мере человеком, знающим, куда он идёт и чего хочет достигнуть». «Я ничем не могу быть, как только литератором — но я до сих пор был больше дилетантом. Этого впредь не будет».

Дилетантизмом страдает один из персонажей повести — Гагин. Его художественные работы при потенциальном таланте нет-нет да и обнаруживают незавершённость, поверхностность, а сам герой однажды с горечью замечает: «Не учился я как следует». Показательна в этом отношении и реплика Гагина: «Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь... не хватит, останусь недорослем из дворян».

Раздумья Тургенева над исторической судьбой людей своего поколения проявились в образе Н.Н. Психологически он наиболее близок писателю; в его фигуре угадываются автобиографические детали, одна из них содержится в намёке на то, что будущее героя — литературное поприще.

Центральный персонаж, давший название всей повести, — Ася. Её образ один из интереснейших и лучших в галерее тургеневских девушек. Судьба героини трагична. Ася мечтает пойти «куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг», она стремится «прожить не даром, след за собой оставить...». Но её мечты остаются неосуществлёнными. Чиста, светла и прекрасна первая любовь Аси, неудержимо её стремление к счастью, к свободе. Но мечты разрушаются в столкновении с эгоизмом и безволием слабого человека, которого она приняла за героя, в столкновении с «обычным порядком» окружающей её жизни.

Характер героини очень поэтичен. И он окрашивает лиризмом всю повесть, лиризмом, который был высоко оценён ещё современниками писателя. Сразу после прочтения «Аси» Некрасов писал о ней Тургеневу: «...она прелесть как хороша. От неё веет душевной молодостью, вся она — чистое золото поэзии. Без натяжки пришлась эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте. Даже Чернышевский в искреннем восторге от этой повести». Тургенев отвечал: «Я очень рад, что „Ася“ тебе понравилась; желаю, чтобы и публике она пришлась по вкусу, хотя время теперь, кажется, вовсе не туда глядит».

Тихо и мирно проходили в Спасском дни за днями, но вдруг это идиллическое спокойствие было нарушено — Варваре Петровне стало известно, что Иван Сергеевич увлёкся простой девушкой, работавшей в Спасском белошвейкой по вольному найму. Была она из московских мещанок, и звали её Авдотьей Ермолаевной.

Как только слухи о любви Ивана Сергеевича к Авдотье дошли до Варвары Петровны, она разгневалась и распорядилась немедленно же удалить «провинившуюся» из Спасского. Авдотье Ермолаевне пришлось уехать в Москву. Весною 1842 года у неё родилась дочь Пелагея (впоследствии получила имя Полина), которая вскоре после рождения была взята у матери и отправлена в Спасское. Авдотья Ермолаевна впоследствии вышла замуж за мещанина Калугина. Тургенев пожизненно выплачивал ей ежегодную пенсию. В 1875 году она умерла, о чём Иван Сергеевич получил уведомление через тульского губернатора.

По Н.В. Богословскому

Л.Н. Толстой считал, что сюжет повести близок автору, в значительной мере автобиографичен. Толстой встречался в Париже с Тургеневым и знал, как Тургенев решил для себя и своей внебрачной дочери вопрос, который в характере и судьбе героини его повести так много значил. Тургенев переселил Полину в Париж, к своей знакомой Полине Виардо. Девушка получила образование французской барышни и разрешение носить фамилию отца. Видеться с матерью ей было запрещено.

Подобная точка зрения отрицается исследователем Н.М. Гутяром: «При жизни Тургенева рассказывали, да и в настоящее время ещё держатся того мнения, будто в своей „Асе“ Иван Сергеевич изобразил характер и отчасти самую судьбу дочери. <...> ничего общего между двумя названными девушками не было. Оригиналom для „Аси“ на самом деле послужила побочная дочь его дяди, взятая на воспитание Варварой Петровной Тургеневой, девочка, носившая тоже имя Анны».

Существует и другой взгляд на этот вопрос: образы и ситуации повести «Ася» складывались под впечатлением многих лиц, на основе ряда живых наблюдений писателя.

Одним из прототипов Аси действительно могла быть внебрачная дочь Н.Н. Тургенева — Анна. В письме к П. Виардо от 31 августа 1850 года Тургенев рассказывает подробно об оригинальном характере этой девочки. Многие её черты: пылкость, правдивость, чуткость — напоминают черты Аси, героини будущей его повести. Однако, несмотря на ряд черт, дающих основание считать дочь Н.Н. Тургенева прототипом её «тёзки» в повести, нельзя согласиться с Гутьяром, который на этом основании отрицает какое бы то ни было влияние на создание образа Аси событий в жизни дочери И.С. Тургенева Полины.

Судьба собственной дочери волновала писателя, заставляла его каждый раз с глубокой болью задумываться над вопросом о положении «незаконных» детей. Текст повести содержит немало подробностей, восходящих к истории Полины. Так, резкий перелом от положения «холопки» к положению барышни был именно в жизни Полины. Тургенев рассказывал о жизни своей дочери в доме В.П. Тургеневой: «...вернувшись в Спасское, я узнал следующее: у прачки была девочка, которую вся дворня злорадно называла барышней, и кучера преднамеренно заставляли её таскать непосильные ей вёдра с водою. По приказанию моей матери, девочку одевали на минуту в чистое платье и приводили в гостиную, а покойная мать моя спрашивала: „Скажите, на кого эта девочка похожа?“» Писатель живо интересовался переживаниями своей дочери в момент её переезда в дом Виардо. В декабре 1850 года он писал П. Виардо: «...ни на одну минуту не переставал думать о вас... и о маленькой Полине» — и спрашивал: «Напишите мне, какого цвета её самое красивое платье. <...> Я всё возвращаюсь к этому ребёнку...» Подобно Асе Полина оказалась перед тем фактом, что «в России никакое образование не в силах вывести девушек из фальшивого положения».

После 1857 года Тургенев был вынужден взять Полину из семьи Виардо, так как она не могла ужиться со старшей дочерью хозяйки дома. Уколы самолюбия, которые испытала Ася в пансионе, в окружении барышень «из хороших фамилий», очевидно, тоже воспроизводят переживания Полины. Уже в 1850 году Тургенев был вынужден «придумывать» ей фамилию на случай поступления в пансион и лишь через семь лет, в 1857 году, с торжеством сообщил: «Моё дорогое дитя, прошу тебя впредь подписываться П. Тургенева и передать г-же Аран (директрисе пансиона, в котором училась Полина. — Л.Л.), чтобы это имя писалось всюду, где речь идёт о тебе». О. Аргамакова передаёт

рассказ Тургенева: «Дочь моя одно время стала скучать, хиреть и, видимо, страдала. <...> Наконец, она сама призналась, что влюблена в одного из учителей того пансиона, в котором воспитывалась. Я обратился к молодому человеку, но он отвечал: „...я не расстанусь со своей свободой“».

К числу лиц, так или иначе оказавших влияние на творческий замысел писателя, невольно подсказавших ему отдельные ситуации повести, возможно, относятся Фет и его сестра Надежда Шеншина, которые путешествовали по Германии, Франции и Италии и осенью 1856 года (до конца января 1857-го) встречались с Тургеневым в Париже. Фет нежно любил свою сестру и чрезвычайно заботился о ней. В пору своего пребывания в Париже страстная и болезненно экстравагантная сестра Фета тяжело переживала свой неудачный роман с неким Эрбелем. Болезнь, слёзы, истерики, которыми сопровождались эти переживания, заставили Фета задуматься над тем, чтобы выйти в отставку и поселиться вместе с сестрой. Помимо этих обстоятельств беседы с Фетом, в течение всей жизни страдавшим от своего положения «незаконного» сына, возможно, ещё раз ставили перед Тургеневым и без того мучивший его вопрос.

По Л.М. Лотман

Безусловно, не одни только личные переживания заставляли писателя постоянно обращаться к нравственным проблемам — основным в повести «Ася». Тургенев сосредоточил на них главное внимание, хорошо понимая, как непосредственно они связаны с вопросами воспитания и формирования характера человека.

Вопросы и задания

1. Используя материалы учебника, составьте развёрнутый план ответа по теме «Творческая история повести „Ася“».
2. Вспомните элементы фабулы. Все ли они представлены в повести? Установите границы каждого из них.
3. Рассказ о событиях ведётся от лица рассказчика-персонажа Н.Н. Назовите известные вам произведения, где использован сходный приём. Что он привносит в художественное произведение?

4. Назовите слова, которые «оживляют» картину в нижеприведенном фрагменте. Какими средствами художественной речи они являются?

«Вид был, точно, чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте».

5. Прочитайте фрагмент со слов «Ася вопросительно посмотрела на меня...» до слов «...её душа мне нравилась». Назовите ключевые слова, характеризующие Асю.

6. Как в героине повести проявляется чувство влюблённости? Зачитайте фрагменты текста, которые бы с различных сторон характеризовали переживания Аси.

7. Гагин — художник. Какие детали в его облике, речи, поведении подчёркивают это?

8. Найдите и прочитайте фразу из IV главы повести, в которой характеризуется духовный облик Гагина, воспринятый и переданный Н.Н.

9. Почему Ася и Гагин скрывали свои взаимоотношения? Этот вопрос задаёт себе Н.Н.

«Однако, — думал я, — умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

Дайте ответы на эти вопросы, но уже не от имени рассказчика, а от имени читателя.

10. «Я не отдавал себе отчёта в том, что во мне происходило; одно чувство было мне ясно: нежелание видаться с Гагиными», — говорит Н.Н.

Искренен ли в своих чувствах рассказчик? Или всё сложнее и тоньше? В каком эпизоде это ощущение получило своё объяснение?

11. Прочитайте диалог Н.Н. и Гагина со слов «— Я решился... узнать от вас...» до слов «Женитьба на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!». Как характеризует Н.Н. его реакция на вопрос Гагина? Дайте развёрнутый ответ.

12. Какие детали и эпизоды кажутся вам самыми существенными в истории Аси, рассказанной Гагиным?

13. Какие слова, сказанные во время объяснения Н.Н. и Аси, наиболее точно передают их душевное состояние? Запишите эти слова (словосочетания) [Глава XVI].
14. Сформулируйте тезисы для рассуждений и выводов о характере Аси.
15. Какие нравственные качества свойственны героям повести: Асе, Н.Н., Гагину?
- 16*. Как разрешился основной конфликт повести и на какой стадии развития действия (определите её терминологически) он дан?
17. Можно ли назвать то, что происходит с героями, «испытанием любовью»? Как вы понимаете это словосочетание?
- 18*. Определите основную идею повести И.С. Тургенева «Ася». Как в сюжете произведения отразилось представление писателя о счастье?

ПОВЕСТЬ В ОЦЕНКЕ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКИ

Редакция «Современника» была в восторге от новой тургеневской вещи. Некрасов писал, что лишь у него было одно замечание «и то неважное: в сцене свидания <...> герой неожиданно выказал ненужную грубость натуры, которой от него не ждёшь, разразившись упреками: их бы надо смягчить и поубавить, я и хотел, да не посмел». Это замечание Некрасова другие члены редколлегии не разделяли. Так, Н.Г. Чернышевский в статье «Русский человек на rendez-vous», вспоминая об этих разногласиях, замечал: «От многих мы слышали, что повесть вся испорчена этой возмутительной сценой, что характер главного лица не выдержан, что если этот человек таков, каким представляется в первой половине повести, то не мог поступить он с такой пошлой грубостью, а если мог так поступить, то он с самого начала должен был представиться нам совершенно дрянным человеком.

Очень утешительно было бы думать, что автор в самом деле ошибся, но в том и состоит грустное достоинство его повести, что характер героя верен нашему обществу».

Л.М. Лотман отметила, что «сцена объяснения героя с Асей не случайно явилась источником споров ещё до появления повести в печати. Сочетание в ней кульминации действия с мгновенной его развязкой, резкий поворот сюже-

¹ Здесь и далее знаком * отмечены задания повышенной сложности.

та, неожиданно для читателя освещающий новым светом существо отношений и характеров героев, составляли отличительную черту этой повести. Чернышевский построил все рассуждения своей статьи на этом небольшом по объёму эпизоде. Значительных творческих раздумий потребовал этот эпизод от самого Тургенева. Следует отметить, что Тургенев сам шёл по линии усиления грубости и непоследовательности поведения своего героя».

По завершении работы над повестью Тургенев обратился к некоторым своим друзьям с просьбой высказать своё мнение об «Асе». Ему было важно вновь ощутить необходимость, востребованность своего писательского дара, а мнение взыскательных товарищей по творческому труду было особенно показательным. Первые одобрительные отклики были получены из редакции «Современника». Один из издателей журнала И.И. Панаев писал: «Повесть твоя — прелесть. Спасибо за неё: это, по-моему, самая удачная из повестей твоих. Я читал её вместе с Григоровичем, и он просил написать тебе, что внутри у тебя цветёт фиалка». В подзаголовке своей статьи «Русский человек на rendez-vous» Чернышевский поставил: «Размышления по прочтении повести г. Тургенева „Ася“». Он сознательно отвлёкся от лирической стороны сюжета и обратился к социально-политической проблематике, отталкиваясь от произведения Тургенева, хотя, по его же словам, «повесть имеет направление чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной из так называемых чёрных сторон жизни».

Однако не все литераторы приняли повесть безоговорочно. В.П. Боткин писал А.А. Фету: «Ася далеко не всем нравится. Мне кажется, что лицо Аси не удалось — и вообще вещь имеет прозаически придуманный вид. О прочих лицах нечего и говорить. Как лирик, Тургенев хорошо может выражать только пережитое им». Л.Н. Толстой не принял тургеневскую повесть при её первой публикации. «„Ася“ Тургенева, по моему мнению, самая слабая вещь из всего, что он написал», — заметил он в письме к Некрасову от 21 января 1858 года. Однако Толстой неоднократно возвращался к повести, перечитывал её и ценил ряд её художественных достоинств, о чём не раз вспоминал сын писателя С.Л. Толстой.

Восторженную оценку тургеневской героине дал критик Д.И. Писарев, видевший в ней «свежую энергическую девуш-

ку», «милое, свежее, свободное дитя природы». Для Писарева характер Аси — ещё одно неоспоримое подтверждение необходимости эмансипации женщин, в которых таятся необъятные творческие и нравственные силы. Критику особенно важно в Асе, что она «умеет по-своему обсуживать свои собственные поступки и произносить над собою приговор», «в одно время живёт и думает о жизни» в противовес господину Н.Н., который, по мнению Писарева, весь во власти чужих идей, «осилить и переварить» их не может. Н.Н., убеждён критик, совершенно не оригинален, не способен к действию.

Вопросы и задания

1. Запишите тезисы данной статьи.
2. Чью точку зрения на повесть вы разделяете, а чью — нет? Аргументируйте свой ответ.

Живое слово

1. Подготовьте сообщение на одну из нижеприведённых тем:
 - а) Образ главной героини повести «Ася».
 - б) Мотив России в повести.
 - в) Неоднозначное восприятие повести — свидетельство разнообразия литературных вкусов или различных социальных убеждений?
 - г) Анализ одного из эпизодов повести.
- д) «Чистое золото поэзии». О художественном своеобразии повести И.С. Тургенева.
2. Некоторые высказывания Тургенева о языке вам уже известны. Прочитайте ещё и эти. Вдумайтесь в них и подготовьте сообщение на тему «И.С. Тургенев о русском языке». Запишите план сообщения.
 - а) «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

б) «У нас ещё господствует ложное мнение, что тот-де народный писатель, кто говорит народным язычком, подделывается под русские шуточки, часто изъясняет в своих сочинениях горячую любовь к родине и глубочайшее презрение к иностранцам... Но мы не так понимаем слово „народный“. В наших глазах тот заслуживает это название, кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотреховой и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом».

в) «Как бы то ни было, заслуги Пушкина перед Россией велики и достойны народной признательности. Он дал окончательную обработку нашему языку, который теперь по своему богатству, силе, логике и красоте формы признаётся даже иностранными филологами едва ли не первым после древнегреческого».

г) «Возвратимся к Пушкину... нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и потомкам нашим остаётся только идти по пути, проложенному его гением».

После уроков

1. Подумайте, какую бы вы выбрали тему для дискуссии по повести И.С. Тургенева «Ася». Организуйте и проведите дискуссию.
2. Подготовьте литературно-музыкальную композицию по повести «Ася». Возможные темы: «Город на страницах повести»; «Ася и Гагин».
3. Проведите конкурс на лучшую иллюстрацию к повести.

Советуем прочитать

Лебедев Ю.В. Тургенев. М., 1990 (ЖЗЛ).

Тропа к Тургеневу. М., 1983.

Якушин Н.И. И.С. Тургенев в жизни и творчестве. М., 2009.

НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ

1821—1877

Сын помещика, «барин» по происхождению, Н.А. Некрасов барином, однако, себя никогда не считал и таковым по сути своей не являлся. С юных лет он решительно отказался от образа жизни своей среды, ему ненавистны были жестокость и бессердечие по отношению к крепостным крестьянам. «Хлеб полей, возделанных рабами, / Нейдёт мне впрок», — написал он в стихотворении 1855 года. А в конце жизни говорил: «Судьбе угодно было, чтобы я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но, будучи наследником своих отцов... не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли...»

С самой ранней юности Некрасов трудом зарабатывал себе на жизнь: трудом разночинца-бедняка и голодающего литератора. В несовершенных юношеских стихах из пьесы для детей «Юность Ломоносова» есть строки, в которых угадываются автобиографические детали:

Трудов немало перенёс я:
Нередко даже голодал,
С людьми боролся и с судьбою,
Дороги сам себе искал.

В стихах из поэмы «Мать» — тот же мотив:

Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив ни мёртв (я голодал подолгу),
Но горделив — приехал я домой...

Поэзия Некрасова, тысячами нитей связанная с традициями и творчеством замечательных русских писателей — Пушкина, Тургенева, Фета, Тютчева, Толстого, — тем не менее глубоко оригинальна и самобытна. В своих стихах он не просто пишет о бесправии народа, его многотерпении, но и даёт крестьянину возможность заговорить собственным голосом о своей судьбе, о своей жизни, о своих надеждах, о своём отчаянье.

Бедная! Слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснём;
Купит хозяин с проклятьем три гроба —
Вместе свезут и положат рядком...
(«Еду ли ночью по улице тёмной...»)

Только такое «утешение» мог предложить убитой горем матери её бесправный и нищий муж, отец умершего ребёнка. Такие пронзительные слова ещё не выходили из-под пера русских поэтов. В литературе предшествующего времени, может быть, только в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева сказано было нечто близкое.

Часто и справедливо пишут о народности поэзии Некрасова. При этом в доказательство приводятся фольклорные образы и приёмы, к использованию которых прибегает поэт в своих произведениях. Однако высшее проявление его народности заключено в другом: в умении почувствовать и изнутри, не фальшиво, точно по тональности, настроению, психологическому состоянию передать думы, чаяния, боль народа, с одной стороны, и с другой — его силу, величие духа, нравственную красоту.

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел

Святые, искренние слёзы —
То слёзы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1856

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «ВНИМАЯ УЖАСАМ ВОЙНЫ...»

Однажды — это было утром 14 июня 1854 года — около Кронштадта появилась целая эскадра военных кораблей; они вошли в Балтийское море и пытались атаковать кронштадтскую крепость. Это были суда англо-французской коалиции, ещё в марте объявившей войну России и теперь готовившей высадку морского десанта; до этого (в апреле) союзники уже бомбардировали Одессу. Так начинался новый и главный этап так называемой Крымской войны, в центре которой оказалась тяжёлая оборона Крымского полуострова, многомесячная героическая защита Севастополя.

Неслыханную самоотверженность проявили защитники осаждённого Севастополя. В труднейших условиях почти год они удерживали черноморскую крепость, нанося при этом огромный урон противнику. В поэме «Тишина» Некрасов воспел мужество Севастополя — «твердыни, избранной славой»:

Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Ещё и небо не метало
С нерукотворных облаков!

Для лучших людей того времени вся Севастопольская эпопея была свидетельством могучих сил, таящихся в народе, они понимали, что укрепощённый народ прославил себя севастопольской обороной, и ждали больших перемен в жизни страны. Лев Толстой, сам участник событий, в разгар военных действий записал в своём дневнике 2 ноября 1854 года: «Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разобьётся в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастной России, оставит надолго следы в ней». Толстой считал, что «Россия или должна пасть, или со-

Севастополь. Памятник герою обороны города, выдающемуся военному инженеру Э.И. Тотлебену. Скульптор И.Н. Шредер. Установлен в 1909 г.

вершенно преобразоваться». Так думали и многие другие его современники.

Некрасов преклонялся перед подвигом русского солдата, в прошлом обыкновенного крестьянина, оторванного от земли и дома. В стихах и в публицистической прозе он постоянно обращался к теме Крымской войны. В журнале «Современник» он напечатал множество материалов, рисующих ход военных действий, подробности отдельных операций, иллюстрирующих патриотический дух солдат и матросов. В одном номере журнала появился присланный Толстым рассказ его севастопольского приятеля, участника боёв Аркадия Дмитриевича Столыпина, — «Ночная вылазка в Севастополе», в другом — интересные очерки поэта и переводчика Николая Васильевича Берга, служившего при главном штабе армии, — «Из крымских заметок».

Эта война отразилась в нескольких стихотворениях Некрасова: «14 июня 1854 года», «Тишина», «Коробейники», «Пир — на весь мир». Поэт горячо переживал события и одно время стремился попасть на боевые позиции. «Хочется ехать в Севастополь. Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьёзно...» — писал он Тургеневу 30 июня 1855 года.

Возможно, непосредственным поводом к написанию стихотворения послужило знакомство с рассказом Л.Н. Толстого

«Севастополь в августе 1855 года». Отдельные главы Толстой читал Некрасову ещё 27 декабря 1855 года. Рассказ глубоко взволновал Некрасова, и по поводу гибели героя Володи Козельцова поэт писал: «Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях севастопольской осады. И сколько слёз будет пролито и уже льётся теперь над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! вот как пали ваши милые дети...»

По В.В. Жданову

Вопросы и задания

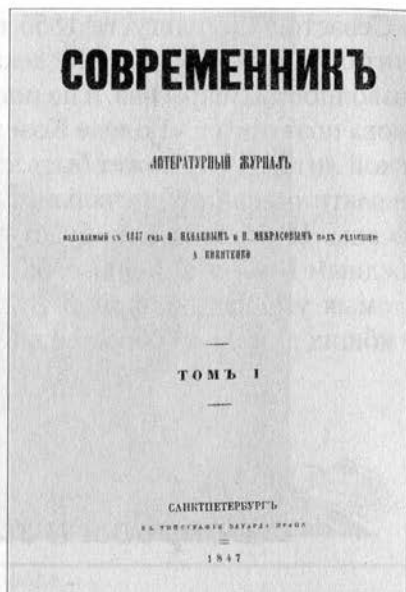
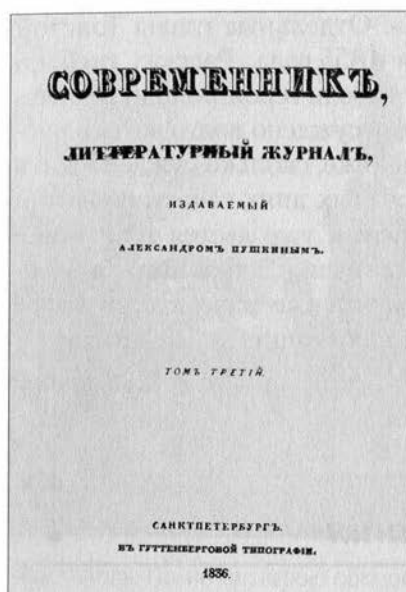
1. Какова история создания стихотворения «Внимая ужасам войны...»?
- 2*. Расскажите об отношении к событиям Крымской войны русских писателей (на примере произведений Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова).
3. Какие строки из стихотворения произвели на вас самое сильное впечатление? Почему?
4. Рассмотрите поэтический синтаксис стихотворения. В чём его особенность? Какова его роль в создании особого эмоционального напряжения?
5. Выучите стихотворение наизусть.

Для вас, любознательные

«Современник» — русский журнал, основанный в 1836 году А.С. Пушкиным. После смерти поэта журнал издавался друзьями Пушкина во главе с В.А. Жуковским. Редакторами были известные литераторы первой половины XIX века — П.А. Плетнёв, А.А. Краевский, В.Ф. Одоевский, П.А. Вяземский. К участию в «Современнике» привлекались лучшие поэты и прозаики; на его страницах были опубликованы произведения

Титульные листы журнала «Современник» 1836 (слева) и 1847 гг.

В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, Д.В. Давыдова, Е.А. Баратынского, А.В. Кольцова, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, Н.А. Дуровой, А.И. Тургенева и др. Совершенно естественно, что публиковались на страницах «Современника» многие пушкинские произведения: «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум», не опубликованные при жизни поэмы «Медный всадник», «Русалка», ряд прозаических произведений.

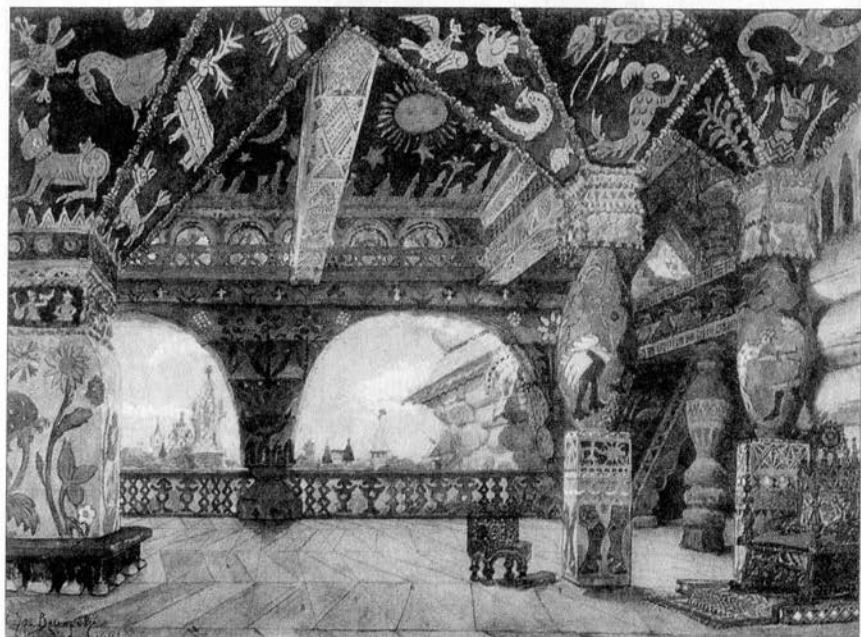
С 1847 по 1866 год издателями «Современника» были Н.А. Некрасов и И.И. Панаев. Под их началом «Современник» продолжал оставаться лучшим литературным журналом России. В нём печатались статьи В.Г. Белинского, проза А.И. Герцена, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Д.В. Григоровича, Л.Н. Толстого, стихи Н.А. Некрасова, Н.П. Огарёва, А.Н. Майкова, А.К. Толстого, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Я.П. Полонского. На страницах журнала читатель впервые встретился с сочинениями Козьмы Пруткова, вымышленного автора, под именем которого скрывались А.К. Толстой и братья Жемчужниковы. Многие страницы журнала отдавались произведениям лучших писателей Запада: Жорж Санд, Ч. Диккенс, Г. Филдинга.

«Современник» решительно отстаивал передовые идеи своего времени, боролся за освобождение крестьян от крепостной зависимости, критиковал жестокую цензуру.

Крестьянка с косой и граблями.
Художник А.Г. Венецианов. 1820-е гг.

Эскизы декораций и костюмов для постановки
оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка»
в Русской частной опере С.И. Мамонтова в Москве.
Художник В.М. Васнецов. 1885 г.

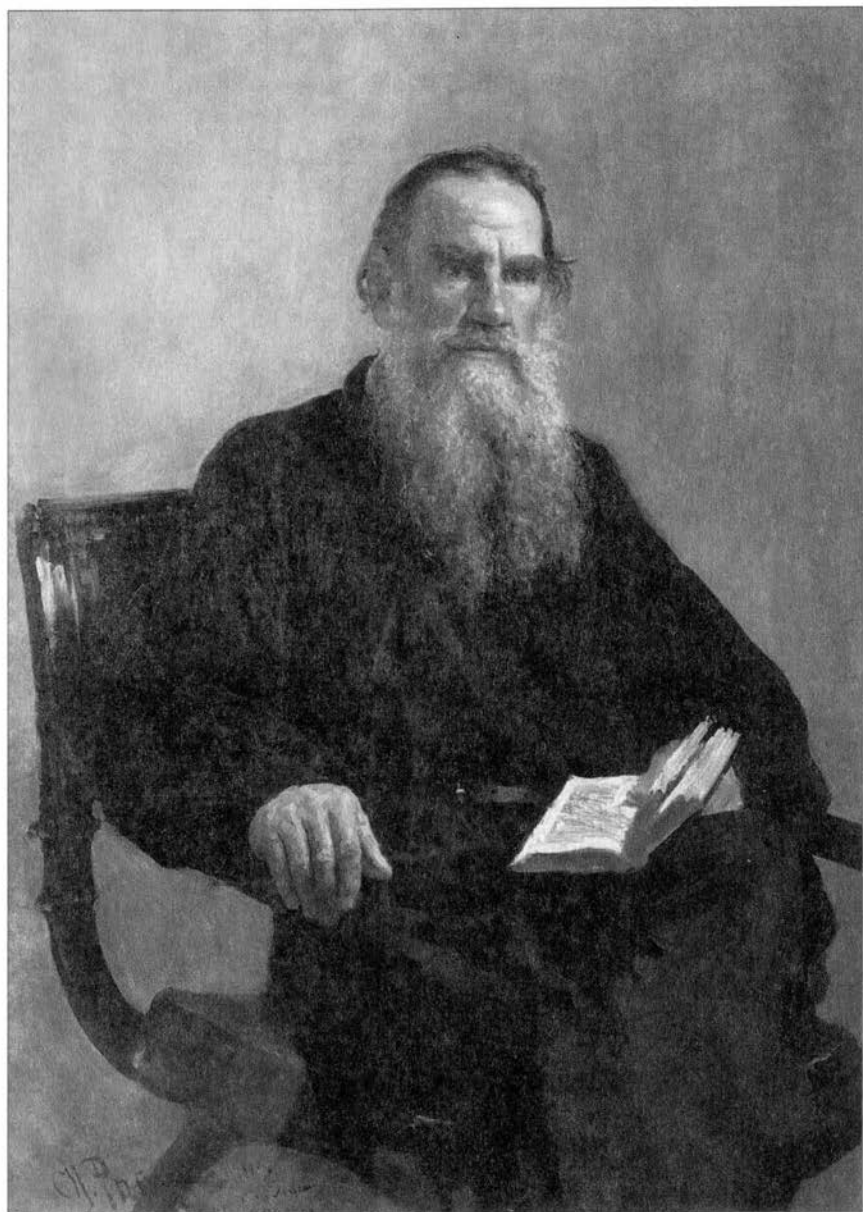
Палаты царя Берендея

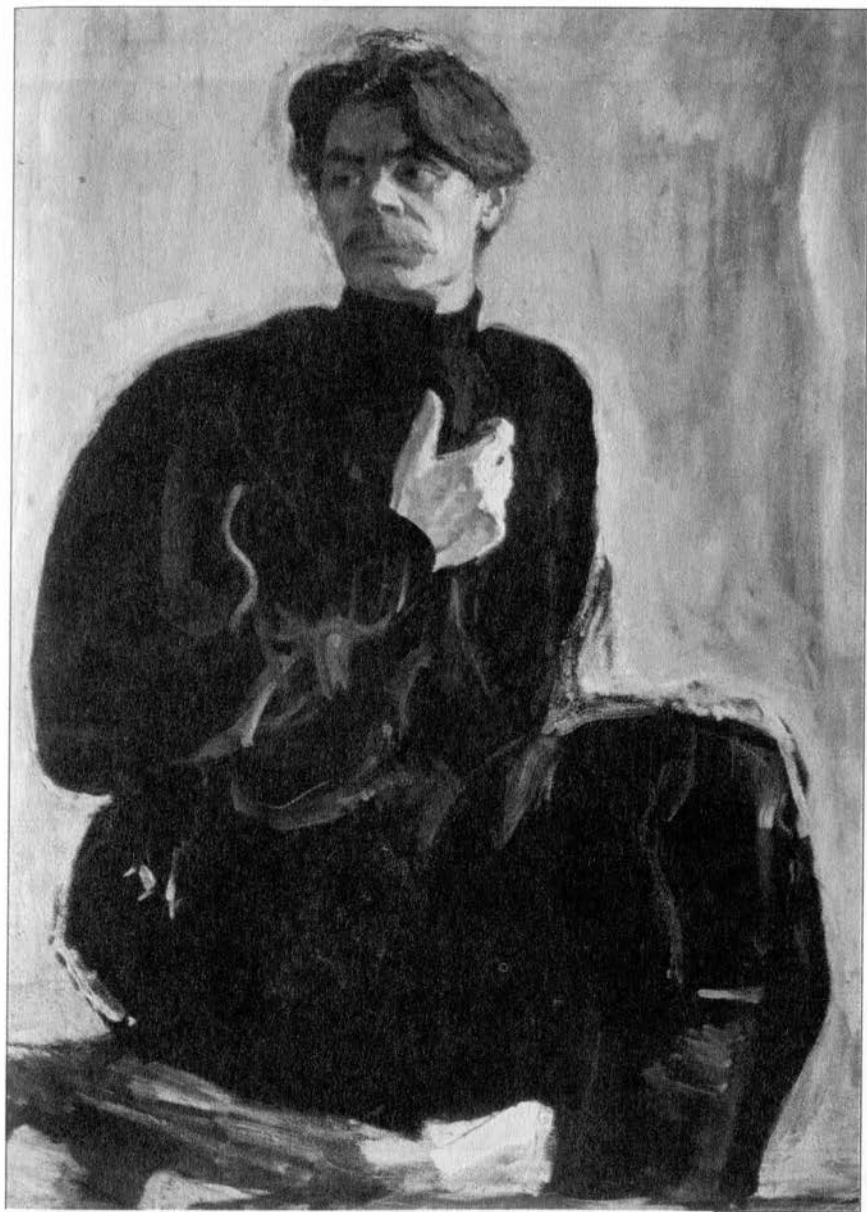
Царь Берендей

Заречная слобода Берендеевка

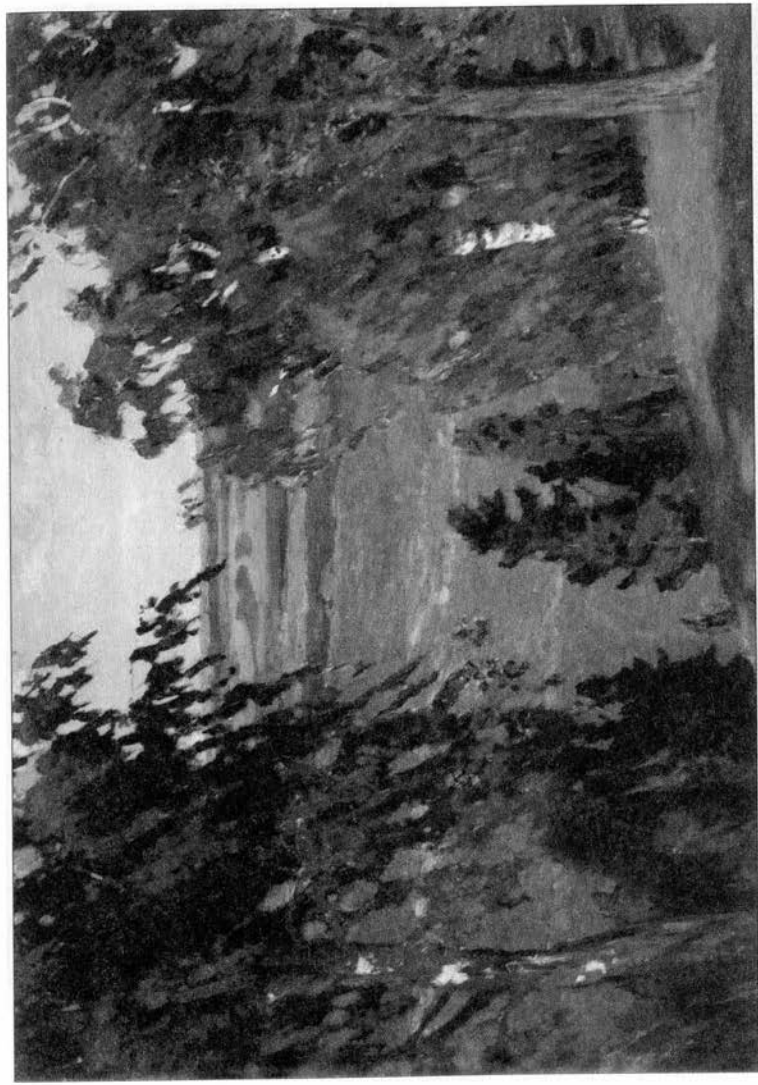
Портрет Л.Н. Толстого.
Художник И.Е. Репин. 1887 г.

Портрет Максима Горького.
Художник В.А. Серов. 1905 г.

Дубы в Старом Петергофе.
Художник И.И. Шишкин. 1891 г.

Зелёный шум.
Художник А.А. Рылов. [1904 г.]

Девочка с персиками. (Портрет В.С. Мамонтовой.)
Художник В.А. Серов. 1887 г.

ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ

Идёт-гудёт Зелёный Шум¹,
Зелёный Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнёт кусты ольховые,
Поднимет пыль цветочную,
Как облако: всё зелено,
И воздух, и вода!

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даёт:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревёт и день и ночь:
«Убей, убей, изменницу!
Злодея изведи!

¹ Так народ называет пробуждение природы весной. (Примеч. Н.А. Некрасова.)

Не то весь век промаешься,
Ни днём, ни долгой ноченькой
Покоя не найдёшь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-выюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралась...

Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые,
Тихохонько шумят;
Пригреты тёплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса.
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая берёзонька
С зелёною косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клён...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идёт-гудёт Зелёный Шум.
Зелёный Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — и лесу, и лугу:
«Люби, покуда любится,
Терни, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Бог тебе судья!»

1862—1863

1. Н.А. Некрасов в примечании к поэтическому образу «Зелёный Шум» отметил: «Так народ называет пробуждение природы весной». Какие средства изобразительности применил поэт для создания художественного впечатления от пробуждающейся после зимы природы? Назовите их. Какова роль каждого из них?
2. Стихотворение написано в форме, близкой к устному народному творчеству. Приведите примеры народно-поэтической речи в данном тексте.
3. О каком убийстве говорится в стихотворении? Что его предотвратило?
4. Определите идею произведения.
5. Найдите и прочитайте употреблённые в стихотворении афористические выражения. Какую мысль подчёркивают они в каждом случае?
6. Подготовьте стихотворение для выразительного чтения. Подумайте над расстановкой логических ударений, интонации, о темпе речи, уделив особое внимание паузам. Какие места вы будете произносить, повышая голос, а какие читать с понижением, иногда очень тихо?

Для вас, любознательные

В 1904 году Аркадий Александрович Рылов написал картину, в которой изобразил пробуждение природы. Символом наступающей весны в ней была берёза. В своих «Воспоминаниях» художник писал: «...жил я летом на крутом, высоком берегу Вятки, под окнами шумели берёзы целыми днями, затихая только к вечеру; протекала широкая река; виднелись дали с озёрами и лесами... Когда я приехал в Петербург, то в ушах у меня остался этот „Зелёный шум“... Я очень много трудился над этим мотивом... стараясь передать своё ощущение от весеннего шума берёз...»

Сейчас один из вариантов картины Аркадия Рылова «Зелёный шум» находится в Государственной Третьяковской галерее в Москве, другой — в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге.

Рассмотрите на цветной вклейке учебника репродукцию картины А.А. Рылова «Зелёный шум». Что объединяет её со стихотворением Н.А. Некрасова?

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

1. Пушкинские традиции в журнале Н.А. Некрасова и И.И. Панаева.
2. Стихотворения Н.А. Некрасова «Зелёный шум» и тема весны в лирике Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого, А.А. Фета.
3. Судьба русской крестьянки (по произведениям Н.А. Некрасова).
4. Некрасов в музыке.

После уроков

Подготовьте литературную композицию на материале изученных произведений поэта на тему «Доля ты русская...».

Какие музыкальные произведения по этой теме вы могли бы ввести в композицию?

**АФАНАСИЙ
АФАНАСЬЕВИЧ
ФЕТ
1820—1892**

Афанасий Афанасьевич Фет родился 23 ноября 1820 года в Новосёлках (прежнее название Козюлькино), деревне недалеко от города Мценска. Отец его, ротмистр в отставке Афанасий Неофитович Шеншин, был богатым помещиком, так что будущий поэт вырос под непосредственным влиянием тогдашнего помещичьего быта.

В его памяти сохранились с большой яркостью события и картины детства, проведённого в Новосёлках. Главное влияние на него имели мать и дядя Пётр Неофитович, чрезвычайно любивший своего старшего племянника. Случайно попалась мальчику тетрадка с переписанными поэмами А.С. Пушкина «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан»: он с величайшим наслаждением выучил их наизусть и приводил ими в восторг своего дядю.

До 14 лет он жил и учился дома, в Новосёлках. Затем был отъезжен в пансион в Прибалтике, где провёл три года. В 1837 году он переезжает в Москву и живёт в доме известного историка М.П. Погодина. Через полгода юноша поступил в университет — сначала на юридический факультет, но уже через несколько недель перевёлся на филологический, на котором и кончил курс в 1844 году. В 1840 году был опубликован первый сборник его стихотворений «Лирический пантеон».

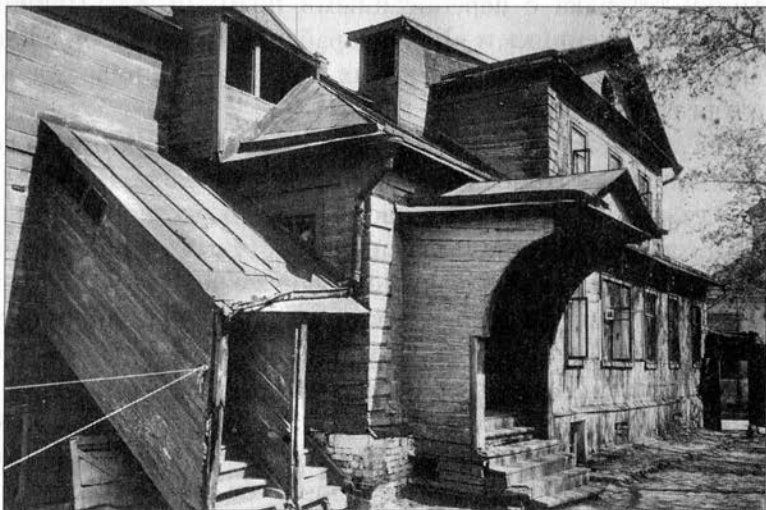
Новая жизнь началась для Фета после поступления на военную службу. На этом поприще у Фета была возможность быстрее достичь заветной цели — возвращения себе дворянского достоинства и наследственной фамилии Шеншин, которых он был лишён в 14-летнем возрасте как незаконнорожденный. В 1845 году он был принят унтер-офицером в Кирасирский полк. Постепенно

но его произвели в корнеты, в поручики и штаб-ротмистры, а 2 мая 1853 года прикомандировали к лейб-гвардии Уланскому полку. В январе 1854 года он стал поручиком этого полка, а в 1858 году вышел в отставку штаб-ротмистром.

Время военной службы было яркой эпохой в жизни Фета. Много трудов, волнений и радостей, строгая дисциплина, множество разнообразных знакомств, успехи в любви, в дружбе, в литературе, — всем была богата эта жизнь. И в его характере всё это время сохранялись черты, сформированные старым помещичьим бытом, с его общительностью и ощущением изящества жизни, и военной службой николаевских времён, с её строгим пониманием государственного долга.

Эти годы были расцветом поэтической деятельности Фета. Уже в 1850 году он приезжал в Москву, чтобы напечатать сборник своих произведений. Книжка была встречена восторженными похвалами. Журналы охотно публиковали стихи Фета.

В 1857 году в Париже А. Фет женился на Марье Петровне Боткиной, сестре своего давнишнего почитателя и приятеля Василия Петровича Боткина. С согласия жены он решил серьёзно посвятить себя сельскому хозяйству и в 1860 году купил хутор Степановка в Мценском уезде. Здесь Фет энергично принялся хозяйничать и жил 17 лет, лишь зимою наезжая ненадолго

Дом Аполлона Григорьева в Замоскворечье, в котором А.А. Фет жил в студенческие годы. Фотография XX в. Дом не сохранился

в Москву. Он отделал дом и расширил его пристройки, развёл цветники, насадил аллеи, выкопал пруды и колодцы и, главное, усердно повёл хлебопашество.

К этому периоду относится его служба мировым судьёй в течение десяти с половиной лет (с 1867 по 1877 год). В журналах появляются его статьи по сельскохозяйственным вопросам, стихи же пишутся очень редко.

В 1877 году Фет оставил Степановку и купил Воробьёвку (так называемую Ртищевскую Воробьёвку, по фамилии давнишнего владельца) в Щигровском уезде Курской губернии. Деревня Воробьёвка стояла на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба — на правом берегу, очень высоком. Дом был окружён с востока каменными службами, а с юга и запада — огромным парком, состоящим большею частью из вековых дубов. Из дома были видны церкви Коренной Пустыни. Множество соловьёв, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу против балкона, — весь этот мир отразился в стихах Фета.

Здесь началась новая жизнь. Хозяйство велось управляющим, а сам владелец вернулся к литературе. Кроме создания собственных стихотворений, началась непрерывная работа в качестве переводчика. Были переведены Шопенгауэр («Мир как воля и представление»), Гёте («Фауст»), Овидий, Вергилий, Катулл, Тибулл, Марциал.

В 1881 году был куплен в Москве, на Плющихе, небольшой дом, и с тех пор установился обычный порядок жизни, который уже не менялся. Зиму Афанасий Афанасьевич проводил в Москве, раннею весною, никак не позже 15 апреля, переезжал в Воробьёвку и оставался там до последних чисел сентября.

Эту последнюю эпоху жизни поэта можно назвать временем довольства, житейского покоя и почёта, прочной славы и спокойной литературной деятельности. Его поэтические сборники «Вечерние огни» (1883, 1885, 1888, 1891) вызывают огромный интерес у читающей публики и восторженные отзывы критики.

Тридцать лет страдал Афанасий Афанасьевич одышкой, постоянно усиливавшейся, несмотря на всякие предосторожности. Не раз встречаются и в стихах его жалобы на «трудное дыхание». Впоследствии, лет за десять до смерти, к этому присоединилось хроническое воспаление век. В 1892 году, по приезде в Москву, он заболел бронхитом; эта болезнь прошла, но общая слабость усилилась, и 21 ноября в полдень поэт скончался,

не доживши двух дней до 72 лет. Хотя его многолетняя болезнь последние годы была мучительно тяжела, он бодро переносил её, жаловался очень мало и редко; в последний день он был на ногах, но, чувствуя приближение роковой минуты, уговорил жену выехать за покупкой и умер, присев на стул в своей столовой.

А. Фет был интересным, многогранным человеком. Он обладал энергией и решительностью, ставил себе ясные цели и неуклонно к ним стремился. Ему всегда нужна была деятельность; он не любил бесцельных прогулок, не любил оставаться один или молча погружаться в книгу; когда же имел собеседников, был неистощим в речах, исполненных блеска и парадоксов. Стихотворения его были не плодом обдумывания и труда, а прямыми дарами вдохновения. В них обыкновенно нет никаких вступлений, а прямо изливается чувство, возникшее в известную минуту, в известной обстановке.

По Н.Н. Страхову

Вопросы и задания

1. Почему Фет долгие годы отдал военной службе, которая его никогда не прельщала?
2. Многие знакомые Фета удивлялись, как в нём могли сочетаться, с одной стороны, хозяйственность, практичность, трезвость взгляда на мир, а с другой — возвышенная одухотворённость, нежность и глубина чувства, отражённые в лирике. В чём, на ваш взгляд, причина «расхождения» между Фетом-поэтом и Фетом-человеком?
3. Известны ли вам писатели, чьи биографии каким-то образом близки фетовской? Расскажите о них.

Живое слово

Нарисуйте словесный портрет Фета. Постарайтесь описать в нём детали, которые помогут не только увидеть, но и «прочувствовать» образ и характер поэта.

* * *

Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать её начало.

Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, — человечесно.

Между 1874 и 1883

* * *

Учись у них — у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвёт последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Её примчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

31 декабря 1883

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА А.А. ФЕТА

Стихотворения «Целый мир от красоты...» и «Учись у них — у дуба, у берёзы...» принадлежат к поздней лирике Фета. В них по-прежнему сохраняются замечательные признаки его поэзии — афористическая завершённость фразы, казалось бы, неуловимая, почти неосязаемая красота поэтического образа, но к этому времени лирика поэта наделяется новыми качествами. Фета теперь в большей степени занимает не мимолётная картина природы, не только, а может быть, и не столько чувство лирического персонажа. Его лирика становится поэзией глубоких раздумий и обобщений, выраженных по-прежнему в небольших по объёму и очень ёмких поэтических строках.

Прочитайте первую строфу стихотворения «Целый мир от красоты...». Может показаться, что здесь нарушены какие-то грамматические связи, отсутствуют грамматические закономерности. Стихи с первых сочетаний, сцеплений слов захватывают сознание и внимание читателя главной мыслью, основной темой: «мир от красоты», и в конце строфы содержится первый вывод: «от велика и до мала» «мир от красоты» бесконечен.

Эта мысль развивается во второй строфе стихотворения: «век», не говоря уже о «дне», — сущая малость перед этой бесконечностью. И наконец, в заключительных двух строках появляется то, во имя чего стихотворение и написано: два понятия — «человек» и «человечно». Человек, как «день» и как «век», сиюминутен, но если он как частица мира, — «от красоты», то это навсегда, это «вечно» и потому — «человечно». Удивительным образом вечность скрывается в человечности, и это не только игра слов, но и глубокая мысль.

Особенностью образной системы стихотворения является отсутствие привычных средств художественной выразительности — нет эпитетов, метафор, явных сравнений. Всё это «спрятано» внутри и должно быть вызвано к жизни чутким ухом и острым зрением читателя. Очевидны только риторический вопрос и афористический ответ на него во второй строфе.

1. В какой фразе стихотворения «Целый мир от красоты...» выражена художественная идея?

2*. Постарайтесь найти свои средства художественной выразительности, чтобы ответить на вопрос: «Что такое день или век. Перед тем, что бесконечно?»

3. Мысль Фета «То, что вечно, — человечно» — это философская и человеческая позиция. Приведите примеры из жизни (или из искусства), подтверждающие справедливость сказанного Фетом.

Второе стихотворение относится скорее не к философской лирике отвлечённых обобщений, а к *медитативной* — так называют стихотворения-размышления, стихотворения-раздумья, вызванные непосредственными впечатлениями или созерцанием картин природы.

Ключом к пониманию стихотворения служит указание на время его создания: 31 декабря 1883 года. Это последний день накануне Нового года, может быть, не день даже, а новогодняя ночь. В эти часы перед человеком пробегают минувшее: и прожитый год, и прошедшая жизнь.

1. Определите тему стихотворения «Учись у них — у дуба, у берёзы...».
2. Вчитайтесь в первую строфу. Какие слова в ней являются наиболее значимыми, ключевыми? Почему «застывшие слёзы» на коре берёзы и дуба — «напрасные»?
3. Первая строфа — это лирика природы. Угадывается ли в её строе не только «зимний пейзаж», но человек с его переживаниями, его внутренним состоянием? Обоснуйте своё мнение.
4. Зная биографию поэта, «расшифруйте», объясните последнюю строку второй строфы.
5. Какова идея стихотворения? Прочитайте фрагмент, в котором она наиболее ярко выражена.
6. Остаётся ли настрой стихотворения трагическим или меняется по ходу развития лирического сюжета? Если меняется, то как?
7. Определите средства художественной выразительности, которые вводит поэт в стихотворение, и их функции.

После уроков

Подготовьте литературный вечер «Стихи и песни о Родине и родной природе поэтов XIX века».

Возможные произведения для вечера:

Н.И. Гнедич «Осень».

П.А. Вяземский «Берёза», «Осень».

А.Н. Майков «Весна! Выставляется первая рама...».

А.Н. Плещеев «Отчизна».

Н.П. Огарёв «Весною», «Осенью».

И.З. Суриков «После дождя».

А.К. Толстой «Вот уж снег последний в поле тает...».

И.Ф. Анненский «Сентябрь», «Зимний романс».

**АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ
ОСТРОВСКИЙ**
1823—1886

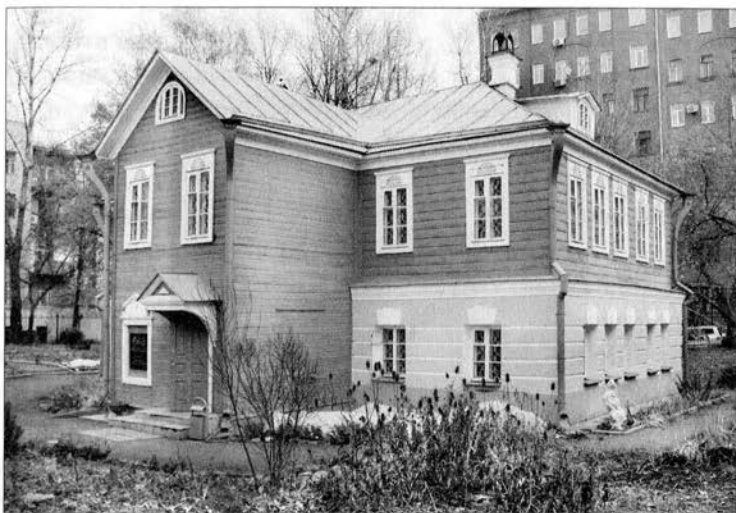
МОСКВА А.Н. ОСТРОВСКОГО

Великий русский драматург Александр Николаевич Островский называл себя коренным москвичом. В Москве он родился, прожил здесь долгие годы, был связан с ней литературно-театральными и общественными интересами. Говоря о связях Островского с Москвой, нельзя не сказать и о том, что именно этот город стал свидетелем основных событий его творческой судьбы: в 1847 году в «Московском городском листке» была напечатана его первая пьеса «Картина семейного счастья», а в январе 1853 года на сцене Большого театра состоялся его дебют драматурга (пьеса «Не в свои сани не садись»). Из сорока семи пьес писателя сорок шесть было поставлено при его жизни на сцене Малого театра, который по праву называют «домом Островского».

Москва Островского — это и Голицынский переулок, где родился драматург, и Первая московская губернская гимназия, в третий класс которой в 1835 году, благодаря влиянию отца, видного чиновника московских департаментов Сената, поступает юный Островский и которую оканчивает с отличием в 1840 году. Это и Московский университет, куда по настоянию отца в том же году Александр подаёт прошение о принятии его на юридический факультет.

Москва Островского — это и Монетчики и Житная улица, где прошли его детские и юношеские годы, и Николоворобинский переулок, где он познал первый литературный успех, и Волхонка, где Островский жил последние десять лет, и Тверская, где находилась гостиница «Дрезден» — последнее московское пристанище писателя.

По Л.И. Постниковой

Дом-музей А.Н. Островского (Москва, Малая Ордынка, д. 9).
Реконструкция 1970-х гг. дома, в котором жил драматург.
Современная фотография

СЛОВО ОБ А.Н. ОСТРОВСКОМ

«Вы совершили всё, что подобало совершить великому таланту. Литературе Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские люди, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться „Театр Островского“».

И.А. Гончаров

«...Пленён красотой и лёгкостью языка „Снегурочки“... Нет, Островский не истощён — и он может ещё повторить грибоедовское: „Вы, нынешние, ну-тка!“»

И.С. Тургенев

«„Снегурочка“ — сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных, звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики».

К.С. Станиславский

Памятник А.Н. Островскому перед Малым театром в Москве. Скульптор Н.А. Андреев. Архитектор И.П. Машков. Открыт 27 мая 1929 г.

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЬЕСЫ «СНЕГУРОЧКА»

Свой творческий дом — театр Островского — драматург населил новыми для русской литературы и русской сцены людьми: купцами, мещанами, изобретателями-самоучками, «талантами и поклонниками» — артистами, зрителями, почитателями театра и меценатами. На сцене кипели нешуточные страсти вокруг наследства и «доходного места», судьбы «бесприданницы», чести и достоинства. Островский на глазах изумлённой публики ставил и смело решал проблему истинной веры в Бога и ханжества. О чём бы ни писал А.Н. Островский, в конечном счёте он говорил о добре и зле, о великой силе любви, он говорил о Человеке и человечках. Он считал, что человек сам себя утверждает, но может покориться обстоятельствам и не состояться. Потому-то и привлекали режиссёров, актёров, зрителей его пьесы: в каждой из них билась, бурлила, кипела настоящая, непридуманная жизнь.

И вдруг перед читателями, критиками, деятелями театра предстаёт совершенно неожиданный, новый Островский — поэт, создатель романтической сказки о любви, написанной не просто в стиле, но, что более важно, — в духе устной народной поэзии. Островский дарит русской литературе «Снегурочку».

Работа над пьесой шла в 1873 году. Поначалу новая вещь называлась «Девушка-Снегурочка» и действие в ней должно было развиваться несколько иначе, чем в окончательном варианте, — не было царства берендеев и их поклонения солнцу, в роли жениха выступал Иван-царевич, в событиях участвовал дурак-Авоська и т.д. От всего этого в окончательном варианте драматург отказался, и пьеса от этого выиграла.

Для писателя на этот раз всё было внове: сюжет требовал глубоких знаний и понимания русского устного народного творчества, быта, жизни, содержания и смысла старинных обрядов, преданий, верований древнего человека; поэтическая форма (фольклорный эпос не рассказывался, а пелся) — естественного, удобного для исполнения ритма и стихотворного размера. Островский в качестве образца взял для себя лучшие поэтические летописные памятники. И не ошибся. «Ритм, кажется, подходит к словам, я его извлёк из поэмы XII века — „Слово о полку Игоревом“», — писал он П.И. Чайковскому.

Реакция публики на новую вещь Островского в литературных кругах была неоднозначной. «Снегурочку» приняли не сразу, ибо не поняли новаторства драматурга. Критика привыкла, что в предыдущих своих вещах Островский выступал как обличитель, и они обвинили писателя чуть ли не в измене «передовому» демократическому направлению.

Островский намеревался опубликовать «Снегурочку» в редактируемом Н.А. Некрасовым журнале «Отечественные записки» — там вышли почти все его предыдущие пьесы. И вдруг — решительное неприятие Некрасовым новой вещи, да ещё в обидной, оскорбительной для автора форме. Вот что писал по этому поводу сам Островский в письме к Некрасову 25 апреля 1873 года: «Я просил Вас прочесть „Снегурочку“, сказать мне искренне Ваше мнение о ней и оценить мой труд, — и не без волнения я ждал Вашего ответа; а вчера получил от Вас приговор моему новому произведению, который, если бы я уже не имел от многих лиц, уважаемых мною, других отзывов, мог бы привести меня в отчаяние. Я... в этом произведении выхожу на новую дорогу, жду от Вас совета или приветов и получаю короткое, сухое письмо, в котором Вы цените новый, дорогой мне труд так дёшево, как никогда ещё не ценили ни одного моего заурядного произведения...» И пьеса была опубликована в журнале «Вестник Европы».

Здесь «Снегурочка» была воспринята восторженно. Редактор журнала М.М. Стасюлевич писал: «Мы удивлялись: и силе фанта-

зии, и покорности ей со стороны языка. Вы превосходно изучили наш сказочный мир и воспроизвели его так искусно, что видишь и слышишь какой-то реальный мир». Тепло приветствовала «Снегурочку» газета-журнал «Гражданин» Ф.М. Достоевского, назвавшая пьесу «новым предестным произведением».

СЦЕНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЬЕСЫ «СНЕГУРОЧКА»

Первое драматическое представление «Снегурочки» состоялось 11 мая 1873 года в Малом театре, в Москве. Музыка к спектаклю была заказана П.И. Чайковскому. Островский в процессе работы над пьесой по частям посылал её текст Чайковскому. «Музыка Чайковского к „Снегурочке“ очаровательна», — писал драматург. «„Снегурочка“ <...> была написана по заказу дирекции театров и по просьбе Островского в 1873 году, весной, и тогда же была дана, — вспоминал позднее, в 1879 году, Чайковский. — Это одно из любимых моих детищ. Весна стояла чудная, у меня на душе было хорошо, как и всегда при приближении лета и трёхмесячной свободы. Пьеса Островского мне нравилась, и я в три недели без всякого усилия написал музыку. Мне кажется, что в этой музыке должно быть заметно радостное весеннее настроение, которым я был тогда проникнут».

К участию в спектакле были привлечены все три труппы тогдашнего Императорского театра: драматическая, оперная и балетная.

«Пьесу ставлю я сам, как полный хозяин, — с радостью сообщал Островский, — здесь очень хорошо понимают, что только при этом условии она пойдёт хорошо и будет иметь успех. Завтра я читаю „Снегурочку“ артистам в третий раз, потом буду проходить роли с каждым отдельно». Долго обсуждалась сцена таяния Снегурочки. Помощник машиниста сцены К.Ф. Вальц вспоминал: «Было решено окружить Снегурочку несколькими рядами очень небольших отверстий в полу сцены, из которых должны были подниматься струйки воды, которые, сгущаясь, должны скрыть фигуру исполнительницы, опускающуюся незаметно в люк под лучом прожектора».

В связи с ремонтом в помещении Малого театра «Снегурочку» было решено играть в Большом. Для драматических актёров сцена Большого театра оказалась неудобной. Она была слиш-

ком велика и акустически не приспособлена для естественно, по-бытовому звучащего голоса. Это во многом помешало успеху спектакля. Актёр П.М. Садовский писал Островскому, не присутствовавшему на премьере: «Пьесу публика с большим вниманием слушала, но многого совсем не слыхала, так сцена Купавы с Царём, несмотря на всё старание Никулиной говорить громко и отчётливо, была слышна только наполовину». На другой день после спектакля драматург В.И. Родиславский послал Островскому подробный «отчёт», в котором сообщал о тех же недостатках спектакля: «...многие чудные, первоклассные поэтические красоты, столь щедро рассыпанные вами в пьесе, погибли и могут воскреснуть только в печати... Но буду рассказывать по порядку. Прелестный монолог Лешего пропал совершенно. Полёт Весны был довольно удачен, но её поэтический монолог показался длинен. Остроумная народная песня о птицах пропала, потому что музыка не позволила расслышать слова, столь острые, что над ними призадумалась цензура. Пляске птиц аплодировали. Чудесный рассказ Мороза о его забавах пропал, потому что был пущен не рассказом, а пением с музыкой, заглушавшей слова. Монолог Масляницы не удался, потому что Миленский говорил его из-за кулис, а не скрытый в соломенном чучеле... В первом акте прелестная песенка Леля была повторена... Явления тени Снегурочки были неудачны... Мой любимый рассказ о силе цветов... не был замечен, шествие пропало, исчезновение Снегурочки было не очень искусно... Театр был совершенно полон, не было ни одного пустого места... Очень удался крик бирючей».

Об отношении публики к «Снегурочке» рецензент писал: «...одни сразу от неё отвернулись, ибо она выше их понимания, и заявили, что пьеса плоха, что она провалилась и т. д. Другие, к удивлению, заметили, что, когда они смотрели её второй раз, она им стала нравиться... Музыка... и своеобразна, и весьма хороша, главное — совершенно под характер всей пьесе».

При жизни Островского «Снегурочка» была сыграна в московском Малом театре 9 раз. Последний спектакль состоялся 25 августа 1874 года.

В 1880 году Н.А. Римский-Корсаков попросил у Островского разрешения воспользоваться текстом «Снегурочки» для создания оперы. Композитор сам составил либретто, согласовав его с автором. Впоследствии Римский-Корсаков вспоминал: «В первый раз „Снегурочка“ была прочитана мной около 1874 года, когда она только что появилась в печати. В чтении

она тогда мне мало понравилась; царство берендеев мне показалось странным. Почему? Были ли во мне ещё живы идеи 60-х годов или требования сюжетов из так называемой жизни, бывшие в ходу в 70-х годах, держали меня в путах? <...> Словом, чудная, поэтическая сказка Островского не произвела на меня впечатления. В зиму 1879—1880 года я снова прочитал „Снегурочку” и точно прозрел на её удивительную красоту. Мне сразу захотелось написать оперу на этот сюжет».

Первое представление оперы Римского-Корсакова состоялось в Петербурге, в Мариинском театре, 29 января 1882 года.

Зимой 1882/83 года «Снегурочка» в драматической постановке была исполнена любителями в доме Мамонтовых. К ней были привлечены видные представители художественной интеллигенции. Спектакль озаглаивал попытку нового прочтения пьесы. Художественную часть постановки взял на себя В.М. Васнецов. Талант художника проявился в этой работе с наибольшей силой: он сумел не только проникнуться поэзией дивной сказки Островского, воспроизвести её особую атмосферу, её русский дух, но и увлечь других участников спектакля. К тому же он прекрасно исполнил роль Деда Мороза.

Спектакль в доме Мамонтовых явился прологом к постановке «Снегурочки» Н.А. Римского-Корсакова на сцене Частной русской оперы С.И. Мамонтова в Москве 8 октября 1885 года. Художественное оформление осуществили В.М. Васнецов, И.И. Левитан и К.А. Коровин. В работе художников в первую очередь выразилось то новое восприятие сказки Островского и оперы Римского-Корсакова, которое способствовало оживлению интереса публики к этим произведениям. После премьеры ряд газет настоятельно требовал включения оперы «Снегурочка» в репертуар Большого театра. Однако на сцене Большого театра «Снегурочка» была исполнена лишь 26 января 1893 года.

В 1900 году «Снегурочка» шла в двух театрах Москвы — в Новом театре и в МХТ. Замечательный русский актёр и режиссёр В.Э. Мейерхольд писал о спектакле Художественного театра: «Поставлена пьеса изумительно. Столько красок, что, кажется, их хватило бы на десять пьес». Следует отметить, что красочность спектакля основывалась на изучении этнографического содержания пьесы; она отражала попытку передать подлинную живописность старинного быта и подойти к этой задаче серьёзно, изучить по возможности реальные формы народного прикладного искусства: костюма, обстановки жизни крестьян.

СНЕГУРОЧКА. Весенняя сказка (Фрагмент)

В четырёх действиях с прологом

Действие происходит в стране берендеев в доисторическое время. Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие в заречной слободе Берендеевке. Второе действие во дворце царя Берендея. Третье действие в заповедном лесу.

Четвёртое действие в Ярилиной долине.

<...>

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

Царь Берендей.

Снегурочка.

Мизгирь.

Лель.

Весна - Красна.

Все берендеи, свита Весны, цветы.

Ярилина долина; слева (от зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа — сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водой ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острой вершиной.

Утренняя зоря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Призрак Снегурочки несётся, едва касаясь земли.

Мизгирь идёт за ним.

Мизгирь

Всю ночь в глазах мелькает милый образ,

Снегурочка, постой одно мгновенье.

(Убегает за призраком в лес.)

Снегурочка. Эскизы декораций и костюмов для постановки оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка» в Русской частной опере С.И. Мамонтова в Москве художника В.М. Васнецова. 1885 г.

Снегурочка сходит с горы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Снегурочка, потом Весна.

Снегурочка

(обращаясь к озеру)

Родимая, в слезах тоски и горя
Зовёт тебя покинутая дочь.

Из тихих вод явись услышать стоны
И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается Весна, окружённая цветами.

Весна

Снегурочка, дитя моё, о чём
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утешить на прощанье.
Последний час Весна с тобой проводит,
С рассветом дня вступает бог Ярило
В свои права и начинается лето.

(Подходит к Снегурочке.)

Чего тебе недостаёт?

Снегурочка

Любви.

Кругом меня все любят, все счастливы
И радостны, а я одна тоскую;
Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить; но слов любви не знаю,
И чувства нет в груди; начну ласкаться, —
Услышу брань, насмешки и укоры
За детскую застенчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви ещё не зная.
Отец-Мороз, и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили;
В приданое для дочки положили
Бессонные томительные ночи
И встречу дня без радости. Сегодня,
На ключике холодном умываясь,
Взглянула я в зеркальные струи
И вижу в них лицо своё в слезах,
Измятое тоской бессонной ночи.
И страшно мне: краса моя увянет
Без радости. О мама, дай любви!
Любви прошу, любви девичьей.

Весна

Дочка,

Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебе погибель будет.

Снегурочка

Мама,

Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слёз.

Весна

Изволь, дитя, — любовью поделиться
Готова я; родник неистощимый
Любовных сил в венке моём цветном.
Сними его! Присядь ко мне поближе!

Весна садится на траву. Снегурочка подле неё. Цветы окружают их.

Смотри, дитя, какое сочетание
Цветов и трав, какие переливы
Цветной игры и запахов приятных!
Один цветок, который ни возьми,
Души твоей дремоту пробуждая,
Зажжёт в тебе одно из новых чувств,
Незнаемых тобой, — одно желанье,
Оградное для молодого сердца,
А вместе все, в один венок душистый
Сплетясь пестро, сливая ароматы
В одну струю, — зажгут все чувства разом,
И вспыхнет кровь, и очи загорятся,
Окрасится лицо живым румянцем
Играющим, — и заколышет грудь
Желанная тобой любовь девичья.
Зорь весенних цвет душистый
Белизну твоих ланит,
Белый ландыш, ландыш чистый
Томной негой озарит.
Барской спеси бархат алый
Опушит твои уста,
Даст улыбку цветик малый —
Незабудка-красота.
Роза розой заалееет
На груди и на плечах,
Василёчек засинеет
И просветится в очах.
Кашки мёд из уст польётся

Чаровалием ума,
Незаметно проберётся
В душу липкая Дрёма.
Мак сердечко отуманит,
Мак рассудок усыпит,
Хмель ланиты нарумянит
И головку закружит.
(Надевает венок на голову Снегурочки.)

Снегурочка
Ах, мама, что со мной? Какой красую
Зелёный лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня
Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна
Снегурочка, прощай,
Дитя моё! Любовным ароматом
Наполнилась душа твоя. Кипучий
Восторг страстей тебя охватит скоро;
Красой лугов и озером зеркальным
Дотоле ты любишься, пока
На юношу не устремятся взоры.
Тогда лишь ты вполне узнаешь силу
И власть любви над сердцем. С первой встречи
Счастливца ты даришь любовью, кто бы
Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
Таи любовь от глаз Ярила-Солнца,
Спеши домой не медля: не любуйся
Багряными потоками рассвета, —
Вершины гор покрылись позолотой,
И скоро царь светил осветит землю.
Беги домой тропинками лесными
В тени кустов и избегая встречи;
Предчувствие тревожит сердце мне.
Прощай, дитя, до нового свиданья,
И матери советов не забудь.
(Опускается в озеро.)

Снегурочка

Какое я сокровище храню
В груди моей. Ребёнком прибежала
Снегурочка в зелёный лес — выходит
Девичество с душой счастливой, полной
Отрадных чувств и золотых надежд.
Снесу мой клад тропинкой неизвестной;
Одна лишь я по ней бродила, лешим
Протоптана она между болотом
И озером. Никто по ней не ходит,
Лишь лешие, для шутки, горьких пьяниц
Манят по ней, чтоб завести в трясину
Без выхода.

(Идёт в лес.)

Навстречу ей выходит Мизгирь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Снегурочка, Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка!

Снегурочка

Ах, встреча!

Мизгирь

Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снегурочка

О нет, Мизгирь, не страхом

Полна душа моя. Какая прелесть
В речах твоих! Какая смелость взора!
Высокого чела отважный вид
И гордая осанка привлекают,
Манят к тебе. У сильного — опоры,
У храброго — защиты ищет сердце
Стыдливое и робкое. С любовью

Снегурочки трепещущая грудь
К твоей груди прижмётся.

Мизгирь
(обнимая её)

Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить
Блаженству я, Снегурочка.

Снегурочка

О милый,
Прости меня! Чего-то я боялась,
Смешно самой и стыдно, берегла
Какое-то сокровище, не зная,
Что всё, что есть на свете дорогого,
Живёт в одном лишь слове. Это слово:
Любовь.

Мизгирь
Ещё отрадных слов, ещё,
И счастья не будет меры.

Снегурочка

Милый,
Позволь взглянуть в твоё лицо, в огонь
Твоих очей взглядеться! Слушай, прежде
Считала я девичью миловидность,
Сребристый пух ланит и нежность кожи
За лучшую красу. Не понимаю,
Слепа, глупа была. Да разве можно
Красу девиц равнять с твоей красою?
Незрелый цвет девичьей нежной кожи
Равнять с мужским румянцем загрубелым?
Снегурочка твоя, бери в свой дом
Жену свою, — любить и нежить буду,
Ловить твой взгляд, предупреждать желанья.
Но, милый мой, бежим скорее, спрячем
Любовь свою и счастье от Солнца,
Грозит оно погибелью! Бежим,

Мизгирь

Укрой меня! Зловещие лучи,
Кровавые страшат меня. Спасай,
Спасай свою Снегурочку!

Мизгирь

Дитя,

Спасать тебя? Любовь твоя — спасенье
Изгнаннику. На солнечном восходе
Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится,
И, милостью богатый, Берендей
Младой чете свою окажет ласку.

Снегурочка
(на коленях)

Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Прочуяли они беду, — таить
Велели мне мою любовь от Солнца,
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси моё сердечко! Пожалей
Снегурочку!

Мизгирь
Покорными сердцами

Привыкла ты владеть, привыкла тешить
Угодами обычай прихотливый.
Но сердцем я не мальчик — и любить,
И приказать умею: оставайся!

Снегурочка
Не прихоть, нет. В руках твоих погибнет
Снегурочка.

Мизгирь
Оставь ребячьи страхи
Неведомой беды! Но если вправду
Бедя придёт — тогда погибнем вместе.

Снегурочка
Смотри, смотри! Всё ярче и страшнее
Горит восток. Сожми меня в объятьях,
Одеждою, руками затени
От яростных лучей, укрой под тенью
Склонившихся над озером ветвей.
(*Становится под тень куста.*)

Из лесу по горе сходит народ; впереди гусляры играют на гуслях и пастухи на рожках, за ними царь со свитой, за царём попарно женихи и невесты в праздничных одеждах, далее все берендеи.
Сойдя в долину, народ разделяется на две стороны.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Снегурочка, Мизгирь, царь Берендей, Лель и весь народ. Все с ожиданием смотрят на восток и при первых лучах солнца запевают.

Общий хор

Одна сторона:
А мы просо сеяли, сеяли,
Ой Дид-Ладо, сеяли, сеяли.

Другая сторона:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.

1-я:

А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой Дид-Ладо, вытоптать, вытоптать?

2-я:

А мы коней выпустим, выпустим,
Ой Дид-Ладо, выпустим, выпустим.

1-я:

А мы коней переймём, переймём,
Ой Дид-Ладо, переймём, переймём.

2-я:

А мы коней выкупим, выкупим,
Ой Дид-Ладо, выкупим, выкупим.

1-я:

А чем же вам выкупить, выкупить,
Ой Дид-Ладо, выкупить, выкупить?

2-я:

А мы дадим девицу, девицу,
Ой Дид-Ладо, девицу, девицу.

1-я:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой Дид-Ладо, прибыло, прибыло.

2-я:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой Дид-Ладо, убыло, убыло.

При пении обе стороны сближаются медленными шагами под размер песни.
При конце песни женихи берут невест и кланяются царю.

Ц а р ь

Да будет ваш союз благословен
Обилием и счастьем! В богатстве
И радости живите до последних
Годов своих в семье детей и внуков!
Печально я гляжу на торжество
Народное: разгневанный Ярило
Не кажется, и лысая вершина
Горы его покрыта облаками.
Недоброе сулит Ярили гнев:
Холодные утра и суховеи,
Медвяных¹ рос убыточные порчи,
Неполные наливов хлебных зёрен,
Ненастную уборку — недород,
И ранние осенние морозы,
Тяжёлый год и житниц оскуденье.

М и з г и р ь

(подводя Снегурочку к царю)

Великий царь, твоё желанье было
Законом мне, и я его исполнил:
С Снегурочкой на брак благослови,
Прости вину мою и гнев на милость
Перемени!

Г о л о с а в н а р о д е

О д и в о, п о л ю б и л а

Снегурочка.

Ц а р ь

Охотой ли, девица

Снегурочка, вручаешь жениху

¹ *Медвяные* — здесь: вредные.

Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даёшь ли ты любовь ему?

Снегурочка
О царь!

Спроси меня сто раз, сто раз отвечу,
Что я люблю его. При бледном утре
Открыла я избраннику души
Любовь свою и кинулась в объятия.
При блеске дня теперь, при всём народе,
В твоих глазах, великий Берендей,
Готова я для жениха и речи
И ласки те с начала повторить.

Яркий луч солнца прорезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

Но что со мной: блаженство или смерть?
Какой восторг! Какая чувств истома!
О мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкий дар любви! Какая нега
Томящая течёт во мне! О Лель,
В ушах твои чарующие песни,
В очах огонь... и в сердце... и в крови,
Во всей огонь. Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви. Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.
(Таёт.)

Мизгирь

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня! Не призраком лежала
Снегурочка в объятиях горячих:
Тепла была; и чуял я у сердца,
Как сердце в ней дрожало человечье.
Любовь и страх в её душе боролись,
От света дня бежать она молила,
Не слушал я мольбы; и предо мною

Как вешний снег растаяла она.
Снегурочка, обманщица не ты:
Обманут я богами; это шутка

Жестокая судьбы. Но если боги
Обманщики — не стоит жить на свете.
(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Ц а р ь

Снегурочки печальная кончина
И страшная гибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье,
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилося Солнце.
Теперь, с её чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.
И верю я, оно приветно взглянет
На преданность покорных берендеев.
Весёлый Лель, запой Яриле песню
Хвалебную, а мы к тебе пристанем.
Палящий бог, тебя всем миром славим!
Пастух и царь тебя зовут, явись!

Л е л ь (запевает)

Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

О б щ и й х о р
Свет и сила,
Бог Ярило.
Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

На вершине горы на несколько мгновений рассеивается туман, показывается Я р и л о в виде молодого парня в белой одежде, в правой руке светящаяся голова человечья, в левой ржаной сноп. По знаку царя прислужники несут — целых жареных быков и баранов с вызолоченными рогами, бочонки и ендовы с пивом и мёдом, разную посуду и все принадлежности пира.

Лель

Хор
(попекает)

Даруй, бог света,
Тёплое лето.

Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше.

Краснопогодное,
Лето хлебородное.

Красное Солнце наше!
Нет тебя в мире краше!

1873

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА А.Н. ОСТРОВСКОГО

Лиризм сочетается в «Снегурочке» с эпосом, поэзия природы — с переживаниями человека, нешуточными страстями, «очищенными» от современных социальных условий. История переплелась со сказкой. Одновременно пьеса своим пафосом, всей своей направленностью была адресована современному человеку, его духовному миру, ибо в ней поднимаются вечные и всегда современные нравственные вопросы: любви и счастья, жизни и смерти, добра и зла.

Драматическое действие обогащено элементами устного народного творчества, обрядовыми играми и забавами, пришедшими из седых веков и сохранившимися в народной памяти. В тексте сочетаются трагедийные и комические эпизоды, монологи чередуются с короткими, динамичными репликами персонажей, декламация — с пантомимой, балет — с пением. В основе всего этого лежит безрифменный, но разнообразно ритмизованный стихотворный текст.

Современный читатель, от которого русская обрядность отдалается всё более и более, словно сам принимает участие в проводах Масленицы и в чудесной, фантастической купальской ночи; оказывается в сказочном царстве берендеев, знакомится с языческим богом Ярилой, усваивает народные представления о Весне, Зиме, Солнце... «Снегурочка» соткана из фольклорных мотивов, пришедших из сказок, песен и произведений других жанров народного творчества.

Откуда черпал автор материал для своего детища? А.Н. Островский серьёзно изучал труды фольклористов, этнографов, историков. Он читал русские летописи, знакомился с материалами экспедиций, беседовал со знатоками старинного быта, консультировался с археологами и чутко прислушивался к их советам.

Целый ряд сюжетных ситуаций имеют сходство со сказкой о девушке-снегурочке; сказка эта была опубликована в сборнике И.А. Худякова «Великорусские сказки». Образ Берендеева царства связан с народным преданием о древнем племени берендеев. Упоминание о племени берендеев есть в летописях XI—XIII веков. Образ Солнца-Ярилы восходит к старинным календарным обрядам, а сам бог Ярила — один из главных богов славян.

А.Н. Островский. Литография П.Ф. Борея (1859)
с фотографии А.И. Денъера конца 1850-х гг.

Бесконечно далёкое минувшее в «Снегурочке» воссоздаётся с помощью народной поэзии. Фольклорное начало бережно сохраняется Островским как факт глубочайшего уважения к нашим далёким пращурам, их жизни, их бытовому укладу, их представлениям и верованиям. Изображение «времен минувших» — не самоцель и тем более не фон. В пьесе естественным образом переплетаются мотивы старины с движением времени и характеров, тесно связанных с историей. Только современность представлена не напрямую — её предстоит прочувствовать читателю пьесы и зрителю театрального представления. «Снегурочка» предвосхитила открытия нового искусства грядущего XX столетия.

Художественную самобытность «Снегурочки» составляет органическое, естественное сочетание слова и музыки, но поэзия слова стоит в центре пьесы.

Герои «весенней сказки» Островского живут в мире одухотворённой их верованиями природы, в мире сказки. Вместе

с тем, в отличие от народной сказки, условия жизни героев, их «быт» переданы писателем достаточно определённо и конкретно. Уже из «Пролога» очевидно, что страна, где происходят события, находится в средней полосе славянских земель. Её природа — это длинные суровые зимы, медленно приходящая и поначалу холодная весна, которая приближается постепенно, не вдруг. На смену ей приходит летний расцвет, но и он перемежается жаркими и прохладными летними месяцами. Славянский люд, живущий на лоне природы, носящий условное название «берендеи», полон нерастратченных первозданных духовных и физических сил. За свой неустанный труд он вознаграждается плодородием земель.

Мир берендеев уютный. Он противопоставлен во втором действии пьесы междоусобным войнам, которые ведут «близких соседей окрестные царства».

Герои Островского — реальные люди нереальной земли. Они родственны, близки современным людям. Столица царя Берендея стоит на берегу реки. За ней на холме в лесу — святилище главного, но не единственного бога берендеев-язычников — Ярилы, бога Солнца, плодородия и тепла. Вокруг столичного посада расположились слободы. В заречной живут земледельцы; разводят они также и скот. Среди них есть торговый гость из Берендеева посада Мизгирь. Их отдалённость от нас во времени, включение их в сказочные обстоятельства позволяют Островскому при поэтическом изображении жизни создавать характеры глубоко обобщённо и символично. Мотивы, завязывающиеся в Прологе, во многом определяют дальнейшее действие и его исход.

Снегурочка. Мотив чудесного рождения Снегурочки — один из древнейших сказочных сюжетов. Но история Снегурочки в пьесе целиком не совпадает ни с одним из вариантов народной сказки — Островский трактует фольклорный сюжет по-своему. Из сказочного повествования о «неудачном» человеке, чудесное рождение которого из непрочного материала — глины, песка, снега — предопределяет его быстрое разрушение, писатель создаёт историю об «опасном» рождении, которое таит в себе семена трагической судьбы. В образе Снегурочки соединены два противоположных начала: красота, внутренняя чистота, божественная девственность, с одной стороны, и потребность в безоглядной любви — с другой.

В этом основа «весенней сказки». Героиня проходит испытание людским равнодушием и любовью, в равной мере губительными. Эти испытания реальны.

В волшебной сказке одним из приёмов является запрет, который нарушается центральным персонажем, но важно, что этот запрет не обосновывается в фольклорных произведениях психологически. Он — данность, которую принимает и сказитель, и слушатель (читатель). Снегурочка также нарушает запрет. Но её поступок глубоко обоснован: она, следуя непреодолимым законам молодости и природы, стремится к общению с людьми, душевному теплу, любви. Её чистота и невинность холодны, но она болезненно ощущает равнодушие и холодность других. В ней живёт «весеннее», пробуждающееся, «родниковое» начало. Может быть, именно поэтому её появление нарушает привычный и чинный, казалось бы, навсегда заведённый порядок жизни в берендеевой слободе: парни «С ума сошли, оравами, стадами / Без памяти кидались» за нею.

Снегурочка вносит смуту в сердца простодушных берендеев. Простой расчёт Мороза не оправдывается. Её божественная сущность, необычность видна всем и всеми признана. «Не похожа Снегурочка на наших баб и девок», — говорит богатый слобожанин Мураш, имея в виду, что в её нравственной стойкости можно быть уверенным. Укоряет Снегурочку за излишнюю строгость и стыдливость, «неприличную» бедной девушке, её приёмный отец Бобыль. Он тоже понимает, что она отличается от других девушек слободы: «Иной богач готов купить за деньги / Для дочери стыдливости хоть малость...», а у Снегурочки — бедной девушки — она в избытке. Её красота привлекает внимание слободских парней, однако это лишь внешние, поверхностные, мимолётные чувства. Не получив желаемого, они с лёгкостью возвращаются к прежним увлечениям, невестам, ибо «от новой взятки гладки».

Со сказочными героями Снегурочку роднит идеальная чистота, целомудрие и душевная щедрость. Жар души, разбуженный весной, дарит ей способность любить. Сравнение Снегурочки со скромным, затерянным в глуши «задумчиво склонённым» ландышем, сделанное Берендеем, необыкновенно близко фольклорным представлениям о красоте и добре. Но в том-то и отличие, что «ландышевая сущность» — это одна сторона характера героини; есть и другая — «льдинка», холодность, способная растаять под яркими лучами солнца. Одним из основных слов Про-

лога не случайно является именно это: «таять». Может быть, героиня сравнима и со всей северной природой, которая медленно, с трудом просыпается после долгого зимнего сна, в короткий срок буйно расцветает и почти неожиданно вдруг увядает.

Мизгирь. Ещё более непредсказуем, во всяком случае необычен для сказки, образ возлюбленного Снегурочки Мизгирия. В народных сказках герой такого типа непременно спаситель; он избавляет любимую от волшебного злого действия, оживляет её, его любовь горяча, верна и всегда спасительна. Так и здесь: кажется, именно Мизгирь обязан вырвать Снегурочку из холодного плена Мороза, спасти от угрозы жгучего и жестокого тепла Ярилы-Солнца.

Снегурочка получила от матери волшебный подарок, венок из «приворотных» чарующих цветов. Согласно сказочному мотиву, она должна полюбить первого встречного. Однако встреча с Мизгирём — не случайность. Мизгирь искал её, ради этого был в лесу, боролся с препятствиями — наваждением и Лешим. Но отличает Мизгирия то, что он не ищет спасения, избавления девушки, как это бывает в народной сказке, а думает только овладеть ею и спасти себя. На её робкую мольбу: «Спасай свою Снегурочку!» — он подчёркнуто прозаически, жестокосердно, хотя по форме «вежливо» отвечает:

Дитя,
Спасать тебя? Любовь твоя — спасенье
Изгнаннику. На солнечном восходе
Мизгирь тебя супругою покажет,
И царский гнев правдивый укротится.

Вот главная его выгода: брак со Снегурочкой должен спасти его от царского гнева. Он даже не допускает мысли, что высшие силы могут вмешаться в его судьбу и судьбу его возлюбленной, что спасти может только искренняя и бескорыстная любовь. Эти рассуждения особо значимы ещё и потому, что они вложены в уста не труса, не слабого человека, а властного и мужественного героя.

Мизгирь оценивает Снегурочку как товар: её можно сменять на редкую уникальную жемчужину, добытую в дальних морях и странах. Это своё представление он выражает откровенно, ссылаясь на оценку красоты на рынках в странах Востока, где разбойники ведут торговлю рабынями.

Снегурочка возражает Мизгирю: «Недорого ценю я / Свою любовь, но продавать не стану». Непохожесть на остальных, уникальность не только лица, но и личности лишь подогревают интерес Мизгирия, заставляя его любой ценой добиваться своего. Снегурочка становится для него целью жизни, предметом всеохватывающей страсти. Островский ничего не упрощает, не делает из Мизгирия обычного искусителя-злодея. Всё сложнее. На строгом суде перед царём Берендеем Мизгирь не предаёт своей любви к Снегурочке. «У Мизгирия невеста — Снегурочка», — спокойно и непреклонно заявляет он и обещает царю:

Огонь любви моей воспламенит
Снегурочки нетронутое сердце.
Клянусь тебе великими богами,
Снегурочка моей супругой будет,
А если нет — пускай меня карает
Закон царя и страшный гнев богов!

Мизгирь идёт на нарушение закона Берендеева царства, отказывается от Купавы, объясняя ей причину: прежняя возлюбленная уже не может соответствовать его представлениям о женском идеале. Встреча со Снегурочкой изменила его жизненные ценности.

Для Купавы Мизгирь желанен, ибо статен, силён, красив; она любит «мужским румянцем заглубелым» любимого человека.

У Снегурочки, получившей дар любви из рук Весны, иное представление о любимом. Снегурочка не просто видит перед собой кудрявого парня, «отецкого сына», «рода Мизгирьего», похожего на остальных, но и всей душой чувствует именно этого, единственного в своём роде человека, гордого, отважного, мужественного, много пережившего и властного. Снегурочка в Мизгире ценит его мужество, его властную волю, готовую склониться перед её женским обаянием — и именно это для неё самое главное.

Лель. В первоначальном плане Островский записал: «Лель — сын солнечный». В окончательном тексте пьесы в речи Мороза содержатся слова: «Солнца Любимый сын пастух». Он действительно Солнца сын и не боится жгучих его лучей, лежит, «когда бежит от Солнца всё живое». В этом его необычность. Но действует в пьесе Лель как простой житель берендеевой слободы. От других по-

селян он отличается лишь тем, что меньше их привязан к земле, но ближе, чем они, стоит к природе.

Образ Леля может вызвать в сознании читателя ассоциацию с амуром, но прямых указаний на этот счёт в «Снегурочке» нет. Островский не уподобил его никому. Лель лишь угоден богу Яриле, он баловень его, потому что Ярило покровительствует стадам. Пастух Лель назван в честь божества. Боги одарили его ещё одним прекрасным качеством: он слагает песни и гимны.

Лель в пьесе — поэтический образ, который играет важную художественную роль: соединяет конкретную образность с художественной метафорой. Он человек, для которого невозможное привычно. Поэт Лель словно бы демонстрирует уверенность древних людей в правильности их понимания мира, например, он повествует о том, что день имеет глаза и открывает их: «Проснулся день и раскрывает веки / Светящих глаз». Одновременно с этим здесь присутствует и другая мысль писателя: древний человек был способен на поэтическое отношение к жизни. Речь Леля яркая и образная. Его пение привлекает девушек, а царь Берендей уверен: пение юноши даровано богами.

Песни Леля имеют устойчивую связь как с фольклором, так и с мифом. Наиболее ярко это проявляется в песне «Туча со громом сговаривалась...». Она была исполнена во время ритуального гулянья по просьбе царя-жреца. В духе народной символики здесь тучи встречаются с громом (грозой). Эта встреча символизирует любовное соединение, побуждающее природу плодоносить, а человека — любить.

Берендей. Часто в народных сказках необычен, порою даже забавен образ царя. Необычен он и в «Снегурочке». Берендей показан в окружении скоморохов, гусяров. Это добрый и умный правитель, который умеет ценить красоту в искусстве и природе. Высшим благом для государства он считает умножение природных богатств и сохранение разумного и справедливого порядка.

Любовь, по мнению Берендея, «великий дар природы», который следует оберегать и ценить. Именно поэтому нарушение любовных обетов для него — государственное преступление. Берендей в высшей степени демократичен: он считает, что любовь «не терпит принуждения».

Вопросы и задания

1. Каким вы представляете А.Н. Островского? Расскажите о нём, пользуясь материалами учебника.
2. Прочитайте пьесу «Снегурочка» целиком. Определите, какие события пьесы составляют её композицию: экспозицию, завязку, кульминацию, развязку.
3. Какие сцены «Снегурочки» произвели на вас наиболее сильное впечатление? Почему?
4. Составьте тезисный план рубрики учебника «В мире художественного слова пьесы „Снегурочка“».
5. Назовите ключевые слова, необходимые для характеристики центральных образов пьесы.
6. Сформулируйте художественную идею пьесы-сказки А.Н. Островского.
7. Определите жанр «Снегурочки».
8. Какова сценическая судьба пьесы А.Н. Островского? Постарайтесь ответить, используя дополнительные материалы.
9. Почему, на ваш взгляд, «Снегурочка» была неоднозначно встречена отдельными литераторами?

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

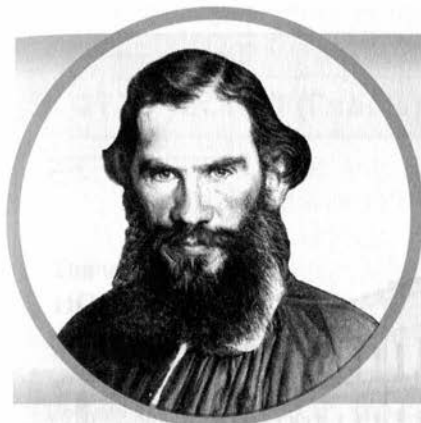
1. «Снегурочка» и устное народное творчество.
2. Гимн любви (по страницам «весенней сказки» А.Н. Островского).
3. Романтические традиции в «Снегурочке».
4. Исполнители в спектакле и в опере (рассказ об актёрах).

Советуем прочитать

1. Дом-музей А.Н. Островского в Москве: Дом в Замоскворечье. М., 1988.
2. Журавлёва А.И., Макеев М.С. А.Н. Островский. М., 1997.
3. Лобанов М. Островский. М., 1979 (ЖЗЛ).
4. Сахаров В.И. А.Н. Островский в жизни и творчестве. М., 2012

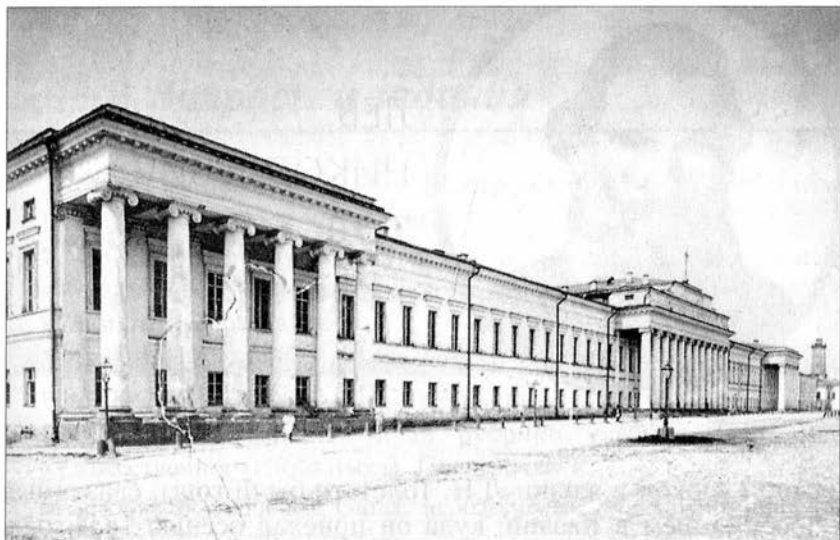
**ЛЕВ
НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ
1828—1910**

Важной эпохой в жизни Л.Н. Толстого были годы, связанные с пребыванием в Казани, куда он приехал осенью 1841 года. Через три года будущий писатель поступил в Казанский университет, который в то время мог соперничать с самыми знаменитыми университетами Европы, а его восточное отделение было одним из лучших в мире. Однако весной 1845 года Толстой подаёт прошение, начинавшееся словами: «По желанию моему и совету родственников имею намерение переменить факультет восточной словесности на юридический». В октябре 1845 года он был зачислен в число студентов юридического факультета.

Толстой стал делиться своими казанскими впечатлениями и воспоминаниями только в старости. Один из исследователей творчества писателя Б.М. Эйхенбаум объясняет это «не бедностью юношеских впечатлений, а их сложностью». Рано оставшись сиротой, он в отрочестве пережил много обид, потрясений и разочарований. Последующие годы были заполнены, по словам Толстого, «горячечной» внутренней работой.

Юный Толстой был проникнут убеждением о необходимости «постоянного, постепенного, бесконечного совершенствования человека». Бросив Казанский университет, он явился в Ясную Поляну не как «барин», а как мечтатель, решивший «обеспечить счастье своих крестьян и своё». Эта идея юности не покидала Толстого на протяжении всей его жизни.

Биограф Л.Н. Толстого Н.Н. Гусев отмечал: «Когда Толстому было уже около пятидесяти лет, произошёл резкий перелом в его мировоззрении... Его мучили основные проблемы бытия: о смысле жизни, о смерти, добре и зле. Кроме того, у него появ-

Казанский университет. Фотография конца 1890-х — начала 1900-х гг.

вилось сознание нравственной незаконности своего положения помещика среди нищеты окружающих его бедняков крестьян...».

Пятьдесят лет отделяют вторую часть трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» от рассказа «После бала». «Отрочество» было закончено в 1853 году; рассказ «После бала» написан в 1903-м. Пятидесятилетие это вместило массу важнейших событий как для России, так и для самого Толстого: отмену крепостничества и Крымскую войну, в которой писатель активно участвовал; были написаны романы, принёсшие Толстому мировую славу: «Война и мир» и «Анна Каренина».

Живое слово

Вспомните, что вы знаете о Толстом; прочитайте материалы учебника и подготовьте рассказ об основных вехах биографии писателя. Составьте план ответа.

Глава III НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Катенька сидела подле меня в бричке и, склонив свою хорошенькую головку, задумчиво следила за убегающей под колёсами пыльной дорогой. Я молча смотрел на неё и удивлялся тому не детски грустному выражению, которое в первый раз встречал на её розовеньком личике.

— А вот скоро мы и приедем в Москву, — сказал я, — как ты думаешь, какая она?

— Не знаю, — отвечала она нехотя.

— Ну всё-таки, как ты думаешь: больше Серпухова или нет?..

— Что?

— Я ничего.

Но по тому инстинктивному чувству, которым один человек угадывает мысли другого и которое служит путеводною нитью разговора, Катенька поняла, что мне больно её равнодушие; она подняла голову и обратилась ко мне:

— Папа говорил вам, что мы будем жить у бабушки?

— Говорил; бабушка хочет совсем с нами жить.

— И все будем жить?

— Разумеется; мы будем жить на верху в одной половине; вы в другой половине; а папа во флигеле; а обедать будем все вместе, внизу у бабушки.

— Мамап говорит, что бабушка такая важная — сердитая?

— Не-ет! Это только так кажется сначала. Она важная, но совсем не сердитая; напротив, очень добрая, весёлая. Коли бы ты видела, какой бал был в её именины!

— Всё-таки я боюсь её; да, впрочем, Бог знает, будем ли мы...

Катенька вдруг замолчала и опять задумалась.

— Что-о? — спросил я с беспокойством.

— Ничего, я так.

— Нет, ты что-то сказала: «Бог знает...»

— Так ты говорил, какой был бал у бабушки?

— Да вот жалко, что вас не было; гостей было пропасть, человек тысяча, музыка, генералы, и я танцевал... Катенька! — сказал я вдруг, останавливаясь в середине своего описания, — ты не слушаешь?

— Нет, слышу; ты говорил, что ты танцевал.

— Отчего ты такая скучная?

— Не всегда же весёлой быть.

— Нет, ты очень переменялась с тех пор, как мы приехали из Москвы. Скажи по правде, — прибавил я с решительным видом, поворачиваясь к ней, — отчего ты стала какая-то странная?

— Будто я странная? — отвечала Катенька с одушевлением, которое доказывало, что моё замечание интересовало её, — я совсем не странная.

— Нет, ты уж не такая, как прежде, — продолжал я, — прежде видно было, что ты во всём с нами заодно, что ты нас считаешь как родными и любишь так же, как и мы тебя, а теперь ты стала такая серьёзная, удаляешься от нас...

— Совсем нет...

— Нет, дай мне договорить, — перебил я, уже начиная ощущать лёгкое щекотанье в носу, предшествующее слезам, которые всегда навёртывались мне на глаза, когда я высказывал давно сдержанную душевную мысль, — ты удаляешься от нас, разговариваясь только с Мими, как будто не хочешь нас знать.

— Да ведь нельзя же всегда оставаться одинаковыми; надобно когда-нибудь и перемениться, — отвечала Катенька, которая имела привычку объяснять всё какою-то фаталистическою необходимостью, когда не знала, что говорить.

Я помню, что раз, поссорившись с Любочкой, которая назвала её глупой девочкой, она ответила: не всем же умным быть, надо и глупым быть; но меня не удовлетворил ответ, что надо же и перемениться когда-нибудь, и я продолжал допрашивать:

— Для чего же это надо?

— Ведь не всегда же мы будем жить вместе, — отвечала Катенька, слегка краснея и пристально вглядываясь в спину Филиппа. — Маменька могла жить у покойницы вашей маменьки, которая была её другом; а с графиней, которая, говорят, такая сердитая, ещё, Бог знает, сойдутся ли они? Кроме того, всё-таки когда-нибудь да мы разойдёмся: вы богаты — у вас есть Петровское, а мы бедные — у маменьки ничего нет.

Вы богаты — мы бедны: эти слова и понятия, связанные с ними, показались мне необыкновенно странны. Бедными, по моим

тогдашним понятиям, могли быть только нищие и мужики, и это понятие бедности я никак не мог соединить в своём воображении с грациозной, хорошенькой Катей. Мне казалось, что Мими и Катенька ежели всегда жили, то всегда и будут жить с нами и делить всё поровну. Иначе и быть не могло. Теперь же тысячи новых, неясных мыслей, касательно одинокого положения их, зароились в моей голове, и мне стало так совестно, что мы богаты, а они бедны, что я покраснел и не мог решиться взглянуть на Катеньку.

«Что ж такое, что мы богаты, а они бедны? — думал я, — и каким образом из этого вытекает необходимость разлуки? Отчего ж нам не разделить поровну того, что имеем?» Но я понимал, что с Катенькой не годится говорить об этом, и какой-то практический инстинкт, в противность этим логическим размышлениям, уже говорил мне, что она права и что неуместно бы было объяснять ей свою мысль.

— Неужели точно ты уедешь от нас? — сказал я, — как же это мы будем жить врозь?

— Что же делать, мне самой больно; только ежели это случится, я знаю, что я сделаю...

— В актрисы пойдёшь... вот глупости! — подхватил я, зная, что быть актрисой было всегда любимой мечтой её.

— Нет, это я говорила, когда была маленькой...

— Так что же ты сделаешь?

— Пойду в монастырь и буду там жить, буду ходить в чёрном платице, в бархатной шапочке.

Катенька заплакала.

Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной ещё стороной? Такого рода моральная перемена произошла во мне в первый раз во время нашего путешествия, с которого я и считаю начало моего отрочества.

Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живём на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании. Без сомнения, я и прежде знал всё это; но знал не так, как я это узнал теперь, не сознавал, не чувствовал.

Мысль переходит в убеждение только одним известным путём, часто совершенно неожиданным и особенным от путей, чтобы приобрести то же убеждение, проходят другие умы. Разговор с Катенькой, сильно тронувший меня и заставивший задуматься над её будущим положением, был для меня этим путём. Когда я глядел на деревни и города, которые мы проезжали, в которых в каждом доме жило по крайней мере такое же семейство, как наше, на женщин, детей, которые с минутным любопытством смотрели на экипаж и навсегда исчезали из глаз, на лавочников, мужиков, которые не только не кланялись нам, как я привык видеть это в Петровском, но не удостоивали нас даже взглядом, мне в первый раз пришёл в голову вопрос: что же их может занимать, ежели они нисколько не заботятся о нас? и из этого вопроса возникли другие: как и чем они живут, как воспитывают своих детей, учат ли их, пускают ли играть, как наказывают? и т. д.

Глава XIX ОТРОЧЕСТВО

Едва ли мне поверят, какие были любимейшие и постояннейшие предметы моих размышлений во время моего отрочества, — так как были несообразны с моим возрастом и положением. Но, по моему мнению, несообразность между положением человека и его моральной деятельностью есть вернейший признак истины.

В продолжение года, во время которого я вёл уединённую, сосредоточенную в самом себе, моральную жизнь, все отвлечённые вопросы о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души уже представились мне, и детский слабый ум мой со всем жаром неопытности старался уяснить те вопросы, предложение которых составляет высшую ступень, до которой может достигать ум человека, но разрешение которых не дано ему.

Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своём развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума; но что каждый человек более или менее ясно сознавал их ещё прежде, чем знал о существовании философских теорий.

Мысли эти представлялись моему уму с такою ясностью и поразительностью, что я даже старался применять их к жизни, воображая, что я *первый* открываю такие великие и полезные истины.

Раз мне пришла мысль, что счастье не зависит от внешних причин, а от нашего отношения к ним, что человек, привыкший переносить страдания, не может быть несчастлив, и, чтобы приучить себя к труду, я, несмотря на страшную боль, держал по пяти минут в вытянутых руках лексикона Татищева или уходил в чулан и верёвкой стегал себя по голой спине так больно, что слёзы невольно выступали на глазах.

Другой раз, вспомнив вдруг, что смерть ожидает меня каждый час, каждую минуту, я решил, не понимая, как не поняли того до сих пор люди, что человек не может быть иначе счастлив, как пользуясь настоящим и не помышляя о будущем, — и я дня три, под влиянием этой мысли, бросил уроки и занимался только тем, что, лежа на постели, наслаждался чтением какого-нибудь романа и едою пряников с кроновским мёдом, которые я покупал на последние деньги.

То раз, стоя перед чёрной доской и рисуя на ней мелом разные фигуры, я вдруг был поражён мыслью: почему симметрия приятна для глаз? что такое симметрия? Это врождённое чувство, отвечал я сам себе. На чём же оно основано? Разве во всём в жизни симметрия? Напротив, вот жизнь — и я нарисовал на доске овальную фигуру. После жизни душа переходит в вечность; вот вечность — и я провёл с одной стороны овальной фигуры черту до самого края доски. Отчего же с другой стороны нету такой же черты? Да и в самом деле, какая же может быть вечность с одной стороны, мы, верно, существовали прежде этой жизни, хоть и потеряли о том воспоминание.

Это рассуждение, казавшееся мне чрезвычайно новым и ясным и которого связь я с трудом могу уловить теперь, — понравилось мне чрезвычайно, и я, взяв лист бумаги, вздумал письменно изложить его; но при этом в голову мою набралась вдруг такая бездна мыслей, что я принуждён был встать и пройтись по комнате. Когда я подошёл к окну, внимание моё обратила водовозка, которую запрягал в это время кучер, и все мысли мои сосредоточились на решении вопроса: в какое животное или человека перейдёт душа этой водовозки, когда она околеет? В это время Володя, проходя через комнату, улыбнулся, заметив, что я размышлял о чём-то, и этой улыбки мне достаточно было, чтобы понять, что всё то, о чём я думал, была ужаснейшая гиль.

Я рассказал этот почему-то мне памятный случай только затем, чтобы дать понять читателю о том, в каком роде были мои умствования.

Но ни одним из всех философских направлений я не увлекался так, как скептицизмом, который одно время довёл меня до состояния, близкого к сумасшествию. Я воображал, что, кроме меня, никого и ничего не существует во всём мире, что предметы не предметы, а образы, являющиеся только тогда, когда я на них обращаю внимание, и что, как скоро я перестаю думать о них, образы эти тотчас же исчезают. Одним словом, я сошёлся с Шеллингом в убеждении, что существуют не предметы, а моё отношение к ним. Были минуты, что я, под влиянием этой постоянной идеи, доходил до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался в противоположную сторону, надеясь врасплох застать пустоту (*néant*) там, где меня не было.

Жалкая, ничтожная пружина моральной деятельности — ум человека!

Слабый ум мой не мог проникнуть непроницаемого, а в непосильном труде терял одно за другим убеждения, которые для счастья моей жизни я никогда бы не должен был сметь затрагивать.

Из всего этого тяжёлого морального труда я не вынес ничего, кроме изворотливости ума, ослабившей во мне силу воли, и привычки к постоянному моральному анализу, уничтожившей свежесть чувства и ясность рассудка.

Отвлечённые мысли образуются вследствие способности человека уловить сознанием в известный момент состояние души и перенести его в воспоминание. Склонность моя к отвлечённым размышлениям до такой степени неестественно развила во мне сознание, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей, я не думал уже о вопросе, занимавшем меня, а думал о том, о чём я думал. Спрашивая себя: о чём я думаю? — я отвечал: я думаю, о чём я думаю. А теперь о чём я думаю? Я думаю, что я думаю, о чём я думаю, и так далее. Ум за разум заходил...

Однако философские открытия, которые я делал, чрезвычайно льстили моему самолюбию: я часто воображал себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины, и с гордым сознанием своего достоинства смотрел на остальных смертных; но странно, приходя в столкновение с этими смертными, я робел перед каждым, и чем выше ставил себя в собственном мнении, тем менее был способен с другими не только выказывать сознание собственного достоинства, но не мог даже привыкнуть не стыдиться за каждое своё самое простое слово и движение.

Бабушка со дня на день становится слабее; её колокольчик, голос ворчливой Гаши и хлопанье дверями чаще слышатся в её комнате, и она принимает нас уже не в кабинете, в вольтеровском кресле, а в спальне, в высокой постели с подушками, обшитыми кружевами. Здороваясь с нею, я замечаю на её руке бледно-желтоватую глянцевую опухоль, а в комнате тяжёлый запах, который пять лет тому назад слышал в комнате матушки. Доктор три раза в день бывает у неё, и было уже несколько консультаций. Но характер, гордое и церемонное обращение её со всеми домашними, а в особенности с папа, нисколько не изменились; она точно так же растягивает слова, поднимает брови и говорит: «Мой милый».

Но вот несколько дней нас уже не пускают к ней, и раз утром St.-Jérôme, во время классов, предлагает мне ехать кататься с Любочкой и Катенькой. Несмотря на то что, садясь в сани, я замечаю, что перед бабушкиными окнами улица устлана соломой и что какие-то люди в синих чуйках стоят около наших ворот, я никак не могу понять, для чего нас посылают кататься в такой неурочный час. В этот день, во всё время катанья, мы с Любочкой находимся почему-то в том особенно весёлом расположении духа, в котором каждый простой случай, каждое слово, каждое движение заставляют смеяться.

Разносчик, схватившись за лоток, рысью перебегает через дорогу, и мы смеёмся. Оборванный Ванька галопом, помахивая концами вожжей, догоняет наши сани, и мы хохочем. У Филиппа зацепился кнут за полоз саней; он, оборачиваясь, говорит: «Эхма», — и мы помираем со смеху. Мими с недовольным видом говорит, что только *глупые* смеются без причины, и Любочка, вся красная от напряжения сдержанного смеха, исподлобья смотрит на меня. Глаза наши встречаются, и мы заливаемся таким гомерическим хохотом, что у нас на глазах слёзы, и мы не в состоянии удержать порывов смеха, который душит нас. Только что мы немного успокаиваемся, я взглядываю на Любочку и говорю заветное словечко, которое у нас в моде с некоторого времени и которое уже всегда производит смех, и снова мы заливаемся.

Подъезжая назад к дому, я только открываю рот, чтоб сделать Любочке одну прекрасную гримасу, как глаза мои поражает чёрная крышка гроба, прислонённая к половинке двери наше-

го подъезда, и рот мой остаётся в том же искривлённом положении.

— Votre grand-mère est morte!¹ — говорит St.-Jérôme с бледным лицом, выходя нам навстречу.

Всё время, покуда тело бабушки стоит в доме, я испытываю тяжёлое чувство страха смерти, то есть мёртвое тело живо и неприятно напоминает мне то, что и я должен умереть когда-нибудь, чувство, которое почему-то привыкли смешивать с печалью. Я не жалею о бабушке, да едва ли кто-нибудь искренно жалеет о ней. Несмотря на то что дом полон траурных посетителей, никто не жалеет о её смерти, исключая одного лица, которого неистовая горесть невыразимо поражает меня. И лицо это — горничная Га-ша. Она уходит на чердак, запирается там, не переставая плачет, проклиная самоё себя, рвёт на себе волосы, не хочет слышать никаких советов и говорит, что смерть для неё остаётся единственным утешением после потери любимой госпожи. <...>

1853

ПОВОРОМ О ПРОЧИТАННОМ

«Отрочество» впервые было опубликовано в девятом номере журнала «Современник» за 1854 год, через два года после «Детства».

Работа над «Отрочеством» шла с большими перерывами: молодой офицер Толстой достаточно часто перемещался по службе с одного места на другое, участвовал в кавказской войне, о которой сразу же принялся писать. Обе работы часто совмещались. Так, 30 ноября 1852 года Толстой пишет в своём дневнике: «Завтра утром примусь за переделку описания войны, а вечером за „Отрочество“, которое окончательно решил продолжать. Четыре эпохи жизни составят мой роман до Тифлиса. Я могу писать про него, потому что он далёк от меня. И как роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен...» Своё отрочество, и себя в этом возрасте, и весь уклад того времени Толстой видел издали, и это помогало ему писать.

В мае 1853 года, перемежаясь с работой над рассказом «Святая ночь», возобновляется и идёт особенно успешно работа над «Отрочеством»: «Бросил рассказ и пишу „Отрочество“ с такой же охотой, как писал „Детство“».

¹ Ваша бабушка умерла! (фр.)

Получив «Отрочество», Некрасов так писал Толстому 10 июля 1854 года: «Если я скажу, что не могу прибрать выражения, как достаточно похвалить Вашу последнюю вещь, то, кажется, это будет самое верное, что я могу сказать, да и не совсем ловко говорить в письме к Вам больше. Перо, подобно языку, имеет свойство застенчивости — это я понял в сию минуту, потому что никак не умею, хоть и покушаюсь сказать кой-что из всего, что думаю, выберу только, что талант автора „Отрочества“ самобытен и симпатичен в высшей степени и что такие вещи, как описание летней дороги и грозы или сидение в каземате и многое, многое, дадут этому рассказу долгую жизнь в нашей литературе. Я напечатаю „Отрочество“ в IX или в X кн. „Современника“».

В своей разработке темы детства и отрочества Толстой не был одинок. Уже Карамзин в неоконченном романе «Рыцарь нашего времени» начал тщательное изучение формирования характера ребёнка. Английский романист Ч. Диккенс привлекал Толстого пониманием силы чувства детской души, глубины страдания. И таких произведений в русской и мировой литературе было немало.

Когда читаешь отдельные главы «Отрочества», кажется, что неудачи преследуют главного героя, а реальный мир вокруг него суров и опасен. Толстой завершил едва-едва намеченное Карамзиным: исследовал закономерные стадии развития человека, порывы и недуги каждого этапа взросления.

Уже работая над «Детством», Толстой видел в этом произведении не самостоятельную повесть, а первую часть большого романа. Подобно тому как движение от одного чувства к другому, часто противоположному, составляло содержание каждой главы, так же и от главы к главе возникало движение роста, а при переходе от одной части к другой сменялись стадии становления человека: детство, отрочество, юность и молодость. Таким был задуман роман. «В детстве — теплота и верность чувства; в отрочестве — скептицизм, сладострастие, самоуверенность, неопытность и (начало тщеславия) гордость; в юности — красота чувств, развитие тщеславия и неуверенность в самом себе; в молодости — ...место гордости и тщеславия занимает самолюбие, знание своей цены и назначения, многосторонность, откровенность». Толстой так обозначает главную мысль всего произведения: «Чувство любви к Богу и к ближним сильно в детстве; в отрочестве чувства эти заглушаются сладострастием, самонадеянностью и тщес-

давим; в юности — гордостью и склонностью к умствованию; в молодости опыт житейский возрождает эти чувства».

В начале второй части трилогии резко обозначен перелом от ясности детства к проблемности отроческих лет. В главе «Новый взгляд» автор пишет: «Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной ещё стороной?» Так поразили Николеньку слова Катеньки: «Вы богаты... а мы бедные — у маменьки ничего нет». Он привык видеть Катеньку в своей семье, занятую теми же играми, обедающую за тем же столом, как и его сестра, его брат и он сам. И вдруг оказывается, что между ними такая разница: он богат, а у неё ничего нет. И эта странная невидимая разница гораздо больше значит, чем разница между умным и глупым, добрым и злым, красивым и уродом.

Так подростка начинает тревожить социальное неравенство как источник дурного, несправедливого, лежащего в самых основах быта. И с этого нового взгляда начинается новый период — отрочество.

Всё меняется. Меняется и восприятие природы. Для детства характерно самозабвенное слияние с природой. В отроческие годы возрастает умение видеть и различать частности. И ветер и дождь, и молния и гром, и звуки и запахи врываются в душу, «блестящий, обмытый кузов кареты... спины лошадей, шлеи, вожжи, шины колёс — всё мокро и блестит...». Всё привлекательно, всё захватывает внимание, всё радостно для юного сердца: «...осиновая роща, поросшая ореховым и черёмушным подседом, как бы в избытке счастья стоит, не шелохнётся и медленно роняет с своих обмытых ветвей сочные капли дождя...»

Вопросы и задания

1*. Прочитайте всю повесть самостоятельно. В чём проявляются особенности возраста героя и как они переданы в произведении: переходный возраст (главы XI — XVI), отрочество (глава XIX)?

2. Как вы думаете, какие качества, свойственные Николеньке, были присущи и самому Л.Н. Толстому?
3. Внимательно перечитайте главу «Новый взгляд». Где её кульминационная точка? Что и почему поразило Николеньку в словах Катеньки?
4. Как передано на страницах повести состояние влюблённости героя? Найдите характерные эпизоды, фразы, сочетания слов.
5. Чем отличается Николенька от его сегодняшних сверстников?
6. В чём отличие главы «Отрочество» от предыдущих глав повести?
7. Проявляются ли в Володе и в отце черты барства (гл. XX)?
8. Каково отношение автора к простому народу? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
9. Для чего Толстой, с вашей точки зрения, использует приём контраста (глава «Бабушка»)?
10. Прочитайте наиболее интересные, с вашей точки зрения, бытовые картины в повести. Какова их роль в тексте?
11. Какова художественная роль сцен природы?

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменялась от одной ночи, или, скорее, утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое, у неё уже дочери замужем... Это была Б., да, Варенька Б., — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо — как будто не могла иначе, — откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё дагеротипный портрет. Не то что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в этом дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день Масленицы на бале у губернского предводителя, добродуш-

ного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его, в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны¹. Бал был чудесный: зала прекрасная с хорами², музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хотя я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил её, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на неё, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, её сияющее, зарумянившееся, с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один, все смотрели на неё и любовались ею, любовались и мужчины, и женщины, несмотря на то что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества³, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу валь-

¹ *Елизавета* (старинное произношение *Елисавета*) Петровна (1709—1761) — русская царица.

² *Хоры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

³ *Качество* — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т.д.) — каждый своё. Девушка должна была отгадать задуманное. Тот, качество которого было угадано, становился в пару. Точно так же избирали себе дам кавалеры.

сировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «епсоге»¹. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела...

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаша и мамаша, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я ещё раз выбрал её, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадрили моя? — сказал я ей, отводя её к её месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешёвенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала пёрышко от веера и дала мне.

Я взял пёрышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал пёрышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от неё.

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую, статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами. Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, *ma chère*², отца пройти с вами. Ну, пожалуйста, Пётр Владиславович, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми, а *la Nicolas I*³, подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам ба-

¹ Ещё (*фр.*).

² Моя милая (*фр.*).

³ Как у Николая I.

кенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки, николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигурка Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких, белых, атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблучков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну всё равно, пройдите теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе

способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и её увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадрили, и, несмотря на то что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье моё всё росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни её, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил её. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от её веера и целая её перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда сажались в карету и я подсаживал её мать и потом её. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел её перед собой то в минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает моё качество, и слышу её милый голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подаёт мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами. Но больше всего я вижу её в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и её в одном нежном, умилённом чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену¹ и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показал-

¹ Кандидатский экзамен — здесь: экзамен на степень кандидата, при- суждавшуюся выпускникам университета.

ся мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошёл в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт¹. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

¹ *Девический институт* — Институт благородных девиц — закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, вёдшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И, не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только, когда он был совсем близко, я слышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенгов! — крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то была барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидал опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я

Л.Н. Толстой за работой. Художник И.Е. Репин. 1891 г.

сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

1903

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РАССКАЗА «ПОСЛЕ БАЛА»

Замысел рассказа впервые упомянут в дневнике Толстого 9 июня 1903 года: «Рассказ о бале и сквозь строй». Первоначальные названия рассказа были «Дочь и отец», «А вы говорите». А 9 августа 1903 года Толстой отметил в дневнике: «Написал в один день „Дочь и отец“. Недурно».

В статье «Николай Палкин», написанной в 1886 году — за семнадцать лет до рассказа «После бала», — Толстой, воспроизводя сцену экзекуции, которую ему довелось наблюдать, вспоминал: «...я знал одного такого, который накануне с красавицей дочерью танцевал мазурку на бале и уезжал раньше, чтобы назавтра рано утром распорядиться прогонянием на смерть сквозь строй бежавшего солдата-татарина, засекал этого солдата до смерти и возвращался обедать в семью». Как видим, тема возникла у писателя задолго до её воплощения, хотя в статье основной сюжет и оценки уже расставлены.

Впервые рассказ был напечатан в сборнике «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого» в 1911 году.

Вопросы и задания

1. Какие конфликты происходят в рассказе? В связи с чем и между кем возникают эти конфликты?
2. Какова причина событий, изображённых в рассказе? Назовите нужные слова из данных: *власть, карьерные устремления, равнодушные, беззаконие, жестокость, произвол, государство, строй*. Обоснуйте свой выбор и постарайтесь подтвердить ответ примерами из текста.
3. Мог ли полковник Б. поступить иначе? Аргументируйте свою позицию.
4. Как повёл себя после бала Иван Васильевич? Почему?
5. Иван Васильевич не вмешался в происходящее на плацу. Его протест пассивен. Но тем не менее эпизод наказания татарина отразился в его судьбе. Как?
6. Кто главный герой рассказа и почему?
7. Какой основной художественный приём использован в рассказе «После бала»? Обоснуйте свой ответ.
8. Ещё раз перечитайте эпизод «Бал». Назовите ключевые слова, передающие атмосферу происходящего.
9. Как раскрывается образ полковника в рассказе? Найдите его описание на балу и в сцене наказания. Сравните портреты.

10. Перечитайте эпизод «Наказание татарина» от слов: «Я стал смотреть туда же...» до слов: «О Господи, — проговорил подле меня кузнец». Назовите детали, которые передают жестокость происходящего.

11*. Какова художественная роль музыкальных мотивов в рассказе?

12. Какие чувства вызвал у вас рассказ «После бала»? Почему он так называется?

13. Чем актуален для нас рассказ Л.Н. Толстого?

14. Каковы жизненные источники рассказа «После бала»? Какие события воссозданы в рассказе? Что ещё знаете вы об этом времени?

Живое слово

Прочитайте высказывания Л.Н. Толстого. Составьте тезисный план сообщения по теме «Л.Н. Толстой о русском языке».

«Единственное средство уместного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия».

«Один из замечательнейших признаков гибкости русского языка замечен в изменении повторяемого стиха в песнях, например: ни одной песни нет, особенно весёлой, в которой этот refrain не изменялся бы иногда 3—4 манерами».

«Пробный камень ясного понимания предмета состоит в том, чтобы быть в состоянии передать его на родном языке необразованному человеку».

«Чем более понятно произведение искусства, тем оно выше. Искусство тем более общедоступно, чем оно проще, кратче и потому яснее передаёт чувство. Точно так же как в области логической мысли, передача её тем драгоценнее, чем она проще, короче и яснее. Точно так же в искусстве простота, краткость и ясность есть высшее совершенство формы искусства, которая достигается только при большом даровании и большом труде».

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

1. Семья на страницах повести «Отрочество».
2. Волнует ли меня сегодня то, что волновало героев повести «Отрочество»?
3. История в рассказе «После бала».
4. Обстоятельства и жизненный выбор в рассказе «После бала».
5. Идеино-художественное своеобразие рассказа «После бала».

Самостоятельная работа

Проведите сопоставительный анализ повести И.С. Тургенева «Ася» и рассказа Л.Н. Толстого «После бала».

1. Воспроизведите портрет Вареньки и сравните его с портретом Аси. В чём различия и есть ли сходство?
2. Сопоставьте образы рассказчиков в повести «Ася» и в рассказе «После бала».
3. Почему не состоялась любовь Ивана Васильевича к Вареньке и любовь господина Н.Н. к Асе?

Живое слово

Прочитайте высказывания Л.Н. Толстого о разных гранях личности человека. Какие из его мыслей вам наиболее близки? Почему? Подготовьте развёрнутый ответ.

«Короткие мысли тем хороши, что они заставляют серьёзного читателя самого думать».

«Часто слышишь, что молодёжь говорит: я не хочу жить чужим умом, я сам всё обдумаю. Зачем же тебе обдумывать обдуманное? Бери готовое и иди дальше. В этом сила человечества».

«Разумное и нравственное всегда совпадают».

«Человек немислим вне общества».

«Доброе дело совершается с усилием, но когда усилие повторено несколько раз, то же дело становится привычкой. Нет ничего хуже

притворной доброты. Притворство доброты отталкивает больше, чем откровенная злоба».

«Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым. Чтобы быть счастливым, нужно постоянно стремиться к этому счастью и понимать его. Оно зависит не от обстоятельств, а от себя».

«Ничто не облагораживает человека больше труда. Без труда не может человек соблюсти своё человеческое достоинство».

«В минуту нерешительности действуй быстро и старайся сделать первый шаг, хотя бы и лишний».

«Для того чтобы выучиться говорить правду людям, надо научиться говорить её самому себе».

«Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не памятью».

«На то человек и родился, чтобы жить своим умом».

«Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира».

«Простота есть главное условие красоты моральной. Сильные люди всегда просты».

«Стыд перед людьми — хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой».

«Трусливый друг страшнее врага, ибо врага опасаясь, а на друга надеешься».

«Любить — значит жить жизнью того, кого любишь».

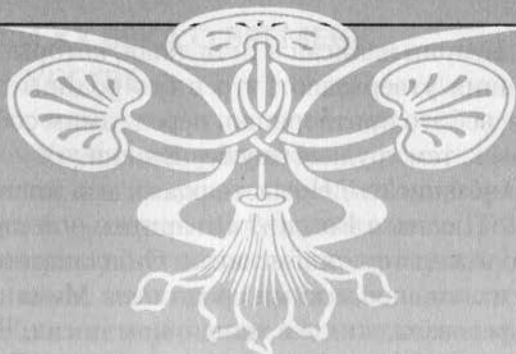
«Не слушайте никогда тех, кто говорит дурно о других и хорошо о вас».

Советуем прочитать

-
1. *Зверев А., Туниманов В.* Лев Толстой (ЖЗЛ). М., 2007.
 2. *Капитанова Л.А.* Л.Н. Толстой в жизни и творчестве. М., 2006.
 3. *Л.Н. Толстой: энциклопедия* / сост. Н.И. Бурнашёва. М., 2009.

Из литературы XX века

В художественном слове остался запечатлённым яркий и сложный портрет человека XX столетия. Этот человек — удивительный и неповторимый — прошёл через годы испытаний и радостей, потрясений и обретений, поражений и побед. Он был в окопах первой империалистической войны, он пережил ужас Гражданской войны, когда сын сражался с отцом, а брат с братом. Об этом горе писал Максимилиан Волошин в стихотворении 1919 года «Гражданская война»:

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Многим русским людям, вынужденным покинуть Россию, казалось, что от них навсегда ушёл дар творения. В эмиграции

А.И. Куприн написал: «Есть люди, которые по глупости либо от отчаяния утверждают, что и без родины можно. Но, простите меня, всё это притворяшки перед самим собой. Чем талантливее человек, тем труднее ему без России.

О чём писать? Не настоящая здесь жизнь. Нельзя нам писать здесь. Писать о России? По зрительной памяти я не могу. Когда-то я жил тем, о чём писал. О балаклавских рабочих писал и жил их жизнью, с ними сроднился. Меня жизнь тянула к себе, интересовала, жил я с теми, о ком писал. В жизни я барахтался страстно, вбирая её в себя... А здесь что? Всё пропадает...»

Едиными были чувства и помыслы советских писателей, взявших в руки оружие в Великой Отечественной войне, чтобы бороться с врагом-захватчиком, и у многих из тех, кто был вне пределов России, — находился в эмиграции. Они мечтали о Победе, ждали её, были в ней уверены.

Русские писатели во второй половине XX столетия ощущали ответственность как за то, что было в стране и со страной, так и за то, что с нею станет. А.Т. Твардовский ёмко об этом написал:

Я жил, я был — за всё на свете
Я отвечаю головой.

Нет выше долга, жарче страсти
Стоять на том
В труде любом!

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоём.

Сейчас уже очевидно: и яркие произведения советских писателей, и те книги, которые до 80-х — начала 90-х годов XX столетия не могли быть опубликованы, и книги, созданные вне России русскими литераторами, — всё это и есть национальное достояние, наша единая русская литература, которая с честью выдержала испытание временем. Вопреки запретам подлинное произведение литературы найдёт дорогу к своему читателю в его Отечестве.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XX ВЕКА О ВРЕМЕНИ, ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

А.А. Блок. Из статьи «Крушение гуманизма»:

Есть как бы два времени, два пространства; одно — историческое, календарное, другое — нечислимое, музыкальное. Только первое время и первое пространство неизменно присутствуют в цивилизованном сознании; во втором мы живём лишь тогда, когда чувствуем свою близость к природе, когда отдаёмся музыкальной волне, исходящей из мирового оркестра. Нам не нужно никакого равновесия сил для того, чтобы жить в днях, месяцах и годах; эта ненужность затраты творчества быстро низводит большинство цивилизованных людей на степень обывателей мира. Но нам необходимо равновесие, для того чтобы быть близкими к музыкальной сущности мира — к природе, к стихии; нам нужно для этого прежде всего устроенное тело и устроенный дух, так как мировую музыку можно только услышать всем телом и всем духом вместе. Утрата равновесия телесного и духовного неминуемо лишает нас музыкального слуха, лишает нас способности выходить из календарного времени, из ничего не говорящего о мире мелькания исторических дней и годов, — в то, другое, нечислимое время.

А.А. Блок. Из статьи «О назначении поэта»:

Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт.

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок — космос, в противоположность беспорядку — хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние. Космос — родной хаосу, как упругие волны моря — родные грядам океанских валов. Сын может быть не похож на отца ни в чём, кроме одной черты; но она-то и делает похожими отца и сына.

Хаос есть первобытное, стихийное безначалие; космос — устроенная гармония, культура; из хаоса рождается космос; стихия таит в себе семена культуры; из безначалия создаётся гармония. <...>

Поэт — сын гармонии; и ему дана какая-то роль в мировой культуре. Три дела возложены на него: во-первых, освободить

звуки из родной безначальной стихии, в которой они пребывают; во-вторых — привести эти звуки в гармонию, дать им форму; в-третьих — внести эту гармонию во внешний мир.

Похищенные у стихии и приведённые в гармонию звуки, внесённые в мир, сами начинают творить своё дело. Слова поэта суть уже его дела. Они проявляют неожиданное могущество: они испытывают человеческие сердца и производят какой-то отбор в грудях человеческого шлака; может быть, они собирают какие-то части старой породы, носящей название «человек»; части, годные для создания новых пород; ибо старая, по-видимому, быстро идёт на убыль, вырождается и умирает. <...>

Дело поэта вовсе не в том, чтобы достучаться непременно до всех слухов; скорее добытая им гармония производит отбор между ними, с целью добыть нечто более интересное, чем среднечеловеческое, из груды человеческого шлака. Этой цели, конечно, рано или поздно достигнет истинная гармония; никакая цензура в мире не может помешать этому основному делу поэзии.

В.Я. Брюсов. Из статьи «Об искусстве»:

Кто дерзает быть художником, должен быть искренним — всегда без предела. Все настроения равноценны в искусстве, ибо ни одно не повторится; каждое дорого уже потому, что оно единственное. Душа по своей сущности не знает зла. Чем яснее поймёт кто свою душу, тем чище и возвышеннее будут его думы и чувства. Стремление глубже понять себя, идти всё вперёд, уже святыня. Нет осуждения чувствам истинного художника. Иное в отдельности ещё неполная правда, но, как часть души, может быть необходимым. Истинно понятое зло всегда ступень на бесконечном пути к совершенству.

Тот более велик из художников, кто глубже понял и полнее пересказал свою душу. Это наша ограниченность делит художников на великих и меньших. В малом мире человека, как в великом мире вселенной, всё находится в связи, всё дышит взаимным согласием. По одному искреннему созданию Великий Дух угадал бы всю душу творца. Но мы вступаем в мир новой души, как в чуждую вселенную, и робко ждём указаний. Пусть художник с новых и новых точек зрения озаряет свою душу. Пусть, как к цели, стремится он к тому, чтобы воссоздать весь мир в своём истолковании.

Единственный признак истинного искусства — своеобразие; искусство всегда создаёт нечто новое. Постоянный признак

лженскусства, что оно подражательно. Так, не понявший себя принимает своё чувство за одно из запечатлённых раньше другими; вместо исповеди он даёт пересказ, не творит, а подделывает. Так неискренний и не хочет быть самим собой; откуда узнает он чувство, какого не испытал, как не от людей? Лицемер в искусстве обречён повторять других; кто лжёт, тот подражает.

А.И. Куприн. Из статьи <Фольклор и литература>:

Предание, легенда, сказка. Их первоначальные авторы неведомы, источники их происхождения неисследимы. Они гораздо древнее в своей основе, нежели оттиски — Гутенбергова станка¹, но часто приходит в голову: и не прочнее ли они?

Мы можем с уверенностью сказать, что вся современная литература, черпающая свой материал и своё вдохновение из быта нынешнего дня, есть достояние лишь двух-трёх поколений. Её фабулы, её мудрость, её мораль (хотя бы и вывернутая наизнанку) не перейдут из уст в уста, от седого прошлого в глубокое будущее, тщательно хранимыми и любовно украшаемыми. В ней нет простого, нетленного внутреннего состава, нет крепкого стенового хребта, её темы не годятся для медленного, складного устного пересказа долгой зимней ночью у огня.

Давно уже исчезла у людей вера в чудо, в доблесть, в силу духа над силой тела, в промысел Божий, в роковое предрешение судьбы, в любовь, верную до смерти. Современная жизнь, вся насквозь, меняется через десятилетия, в зависимости от гигантских успехов механической культуры, меняется вместе с модами, вкусами, обычаями, нравами и искусствами, подобно тому как часто меняется политическая карта земного шара, не оставляя места для героической легенды или для душевного поучения, уложенного в предания старины. Трудно творить вечное, сидя в поезде, мчащемся со скоростью ста двадцати километров в час.

¹ *Гутенбергов станок* — Гутенберг Иоганн (1394—1406), немецкий изобретатель европейского способа книгопечатания — печати с наборной формы, инструмента для отливки литер, типографского сплава и краски, печатного пресса. Связанный с его изобретением переход от переписывания книг к тиражному их производству был качественным скачком в истории книжного дела и всей мировой культуры.

Я лично люблю правду голую, бьющую по головам и, как говорится, по сусалам. Потому нахожу, что писатель должен изучить жизнь, не отворачиваясь ни от чего... скверно ли пахнет, грязно ли — иди, наблюдай... Не пристанет, а живых документов зато не огребёшь лопатой.

И.А. Бунин. Из статьи «Недостатки современной поэзии»:

С дальнейшим развитием поэтического творчества для всех стало ясно, что содержанием для поэзии может быть всё, что затрагивает человека в его индивидуальной и общественной жизни, лишь бы это не переходило границ приличия и не впадало в пошлость.

Поэзия может и должна затрагивать самые разнообразные предметы. Поэт, как и всякий другой, находится под влиянием как общечеловеческих условий и интересов, так и национальных, местных и временных; ему, как и всякому другому *nil humani alienum est*¹, поэтому и содержание поэтических произведений может носить в себе отпечаток как общемировых вопросов, так и тех, которые составляют насущную злобу дня. Ограничивать условными требованиями рамки поэзии — значит стеснить свободное проявление человеческого духа, укладывать в прокрустово ложе — мысль, чувства и волю. Мы говорим: и волю — потому что для поэта творчество составляет насущнейший акт его деятельности, одну из важнейших функций его психической жизни. Поэт должен быть отзывчив на всякое движение души, на всякое проявление нравственного и умственного мира, он должен жить одной душой с людьми и природой... <...>

Теперь почти вошло в моду, в противоположность недавнему прошлому, считать за особенное достоинство поэтических произведений, если они не касаются общественных вопросов, если в них не слышно «гражданских иеремиад»... Человек, живя в гражданском обществе, не может игнорировать интересов последнего, он связан с ним душой и телом, и весьма странно желать, чтобы поэты, у которых чувства отличаются большей интенсивностью, остались глухи и немые к тому, что интересует субъекта среднего уровня. А если «гражданские мотивы» явля-

¹ Ничто человеческое не чуждо.

ются часто узко-тенденциозными и поддельно-преувеличенными, то опять-таки виноваты здесь сами авторы, а не избираемые ими темы.

А.Т. ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мёртвых, — знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За своё в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

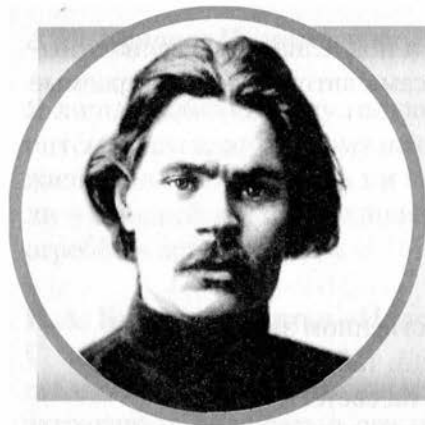
1958

Вопросы и задания

?

1. Сформулируйте главную мысль каждого отрывка.
2. Какое из высказываний писателей об искусстве вам особенно близко? Почему?
- 3*. Каким образом вышеприведённые фрагменты можно сопоставить с произведениями известных вам поэтов XIX века, в которых поднимается тема поэта и поэзии?

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

1868—1936

В Нижнем Новгороде 16 марта 1868 года в семье столяра-краснодеревщика Пешкова родился мальчик, названный Алексеем, — Алексей Максимович Пешков. Ему суждено было стать одним из крупнейших писателей новой русской литературы — Максимом Горьким.

Серьёзного образования Алексей не получил — учился в приходской школе, пытался поступить в Казанский университет, но принят не был. Настоящей школой и своеобразным университетом для него стала реальная и трудная жизнь. В атмосфере «свинцовых мерзостей жизни», как называл их впоследствии сам писатель, было немало тепла и сочувствия: бабушка, дарившая мальчику настоящую любовь и ласку; добрые люди, встречавшиеся на пути, когда, казалось, уже приходит конец терпению и отчаяние становится постоянным и невыносимым; книги — к ним Алексей Пешков очень рано испытал настоящую, остающуюся до конца жизни непобедимую ничем страсть.

Юный Пешков начал постигать действительность в скитаниях, бродяжничестве, как называли это некоторые биографы. В этот период он знакомится с интереснейшими людьми, о которых не написано ни в одной книге, — литература таких типов не знала. Запас новых впечатлений был огромен. Алексей Пешков прошёл по Донской губернии, Херсонщине, Бессарабии, Одессе, дошёл до Кавказа, некоторое время жил в Тифлисе. О цели скитаний он говорил: «Хождение моё по Руси было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть — где я живу, что за народ вокруг меня».

«Желание видеть» достаточно быстро переросло в желание писать. Здесь начинающему писателю вновь повезло — он встретился с В.Г. Короленко. «Короленко первый сказал мне, —

писал позже М. Горький, — веские человеческие слова о значении формы, о красоте фразы. Я был удивлён простотой, понятной правдой этих слов и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — не лёгкое дело».

Духа бунтарства и знания природы человека, как оказалось, мало. Нужно ещё и умение сказать о новом по-новому. Первый же, кто посоветовал писать, ибо увидел, вернее, почувствовал дарование молодого человека, был народоволец, ссыльнопоселенец А.М. Калюжный. «Вы первый, — писал М. Горький А.М. Калюжному, — заставили меня взглянуть на себя серьёзно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже тридцать лет с лишком честно служу русскому искусству».

Первый рассказ М. Горького назывался «Макар Чудра», он был опубликован при содействии Калюжного в сентябре 1892 года в тифлисской газете «Кавказ».

Горький буквально ворвался в литературу в конце века. Это выглядело чудом, потому что русская литература этого времени переживала новый этап расцвета. Продолжали активно работать Л.Н. Толстой, В.Г. Короленко, А.П. Чехов, зажигались звёзды И.А. Бунина, Л.Н. Андреева, А.И. Куприна. М. Горький не только не потерялся среди блистательных имён, но и привлёк к себе внимание, был высоко оценён.

Л.Н. Толстой и Максим Горький в Ясной Поляне.

Фотография С.А. Толстой. 8 октября 1900 г.

Л.Н. Толстой записал в своём дневнике 16 января 1900 года: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа». А уже 11 мая 1901 года, размышляя о феномене Горького, Л. Толстой отмечает, что обратили на Горького внимание не случайно: «Мы все знаем, что босяки — люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любящих, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличены, но мы всё прощаем за то, что он расширил нашу любовь».

Вопросы и задания

1. В чём заключалась помощь М. Горькому со стороны В.Г. Короленко?
2. Какую роль в литературной судьбе писателя сыграл А.М. Калюжный?
3. Расскажите об отношении к молодому Горькому Л.Н. Толстого.
4. В чём был литературный феномен Горького?

МАКАР ЧУДРА

С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные, жёлтые листья и бросали их в костёр, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас.

Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют её, полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивал из своей громадной трубки, выпускал из

рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову в мёртво молчавшую темноту степи, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

— Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол. Так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай — вот и всё!

— Жизнь? Иные люди? — продолжал он, скептически выслушав моё возражение на его «так и надо». — Эге! А тебе что до этого? Разве ты сам — не жизнь? Другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому-то нужен? Ты не хлеб, не палка, и не нужно тебя никому.

— Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научиться сделать людей счастливыми? Нет, не можешь. Ты поседей сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякий знает, что ему нужно. Которые умнее, те вберут что есть, которые поглупее — те ничего не получают, и всякий сам учится...

— Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько, — он широко повёл рукой на степь. — И всё работают. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек панет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в неё и сгинет в ней. Ничего по нём не останется, ничего он не видит с своего поля и умирает, как родился, — дураком.

— Что ж, — он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, не успев даже могилы самому себе выковырять? Ведома ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб — как только родился, всю жизнь раб, и всё тут! Что он с собой может сделать? Только удаться, коли поумнее немного.

— А я, вот смотри, в пятьдесят восемь лет столько видел, что коли написать всё это на бумаге, так в тысячу таких торб, как у тебя, не положишь. А ну-ка, скажи, в каких краях я не был? И не скажешь. Ты и не знаешь таких краев, где я бывал. Так нужно жить: иди, иди — и всё тут. Долго не стой на одном месте — чего в нём? Вон как день и ночь бегает, гоняясь друг за другом, вокруг земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить её. А задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной это было. Эге! Было, сокол.

— В тюрьме я сидел, в Галичине. «Зачем я живу на свете?» — подумал я со скуки, — скучно в тюрьме, сокол, э, как скучно! —

и взяла меня тоска за сердце, как посмотрел я из окна на поле, взяла и сжала его клещами. Кто скажет, зачем он живёт? Никто не скажет, сокол! И спрашивать себя про это не надо. Живи, и всё тут. И похаживай да посматривай кругом себя, вот и тоска не возьмёт никогда. Я тогда чуть не удавился поясом, вот как!

— Хе! Говорил я с одним человеком. Строгий человек, из ваших, русских. Нужно, говорит он, жить не так, как ты сам хочешь, а так, как сказано в Божьем слове. Богу покоряйся, и он даст тебе всё, что попросишь у него. А сам он весь в дырках, рваный. Я и сказал ему, чтобы он себе новую одежду попросил у Бога. Рассердился он и прогнал меня, ругаясь. А до того говорил, что надо прощать людей и любить их. Вот бы и простил мне, коли моя речь обидела его милость. Тоже — учитель! Учат они меньше есть, а сами едят по десять раз в сутки.

Он плюнул в костёр и замолчал, снова набивая трубку. Ветер выл жалобно и тихо, во тьме ржали кони, из табора плыла нежная и страстная песня-думка. Это пела красавица Нонка, дочь Макара. Я знал её голос густого, грудного тембра, всегда как-то странно, недовольно и требовательно звучащий — пела ли она песню, говорила ли «здравствуй». На её смуглом, матовом лице замерла надменность царицы, а в подёрнутых какой-то тенью тёмно-карих глазах сверкало сознание неотразимости её красоты и презрение ко всему, что не она сама.

Макар подал мне трубку.

— Кури! Хорошо поёт девка? То-то! Хотел бы, чтоб такая тебя полюбила? Нет? Хорошо! Так и надо — не верь девкам и держись от них дальше. Девке целоваться лучше и приятней, чем мне трубку курить, а поцеловал её — и умерла воля в твоём сердце. Привяжет она тебя к себе чем-то, чего не видно, а порвать — нельзя, и отдашь ты ей всю душу. Верно! Берегись девок! Лгут всегда! Люблю, говорит, больше всего на свете, а ну-ка, уколи её булавкой, она разорвёт тебе сердце. Знаю я! Эге, сколько я знаю! Ну, сокол, хочешь, скажу одну быль? А ты её запомни и, как zapomнишь, — век свой будешь свободной птицей.

«Был на свете Зобар, молодой цыган, Лойко Зобар. Вся Венгрия, и Чехия, и Словакия, и всё, что кругом моря, знало его, — удалый был малый! Не было по тем краям деревни, в которой бы пяток-другой жителей не давал Богу клятвы убить Лойко, а он себе жил, и уж коли ему понравился конь, так хоть полк солдат поставь сторожить того коня — всё равно Зобар на нём гарцевать станет! Эге! разве он кого боялся? Да приди к не-

му сатана со всей своей свитой, так он бы, коли б не пустил в него ножа, то наверно бы крепко поругался, а что чертям подарил бы по пинку в рыла — это уж как раз!

И все таборы его знали или слышали о нём. Он любил только коней и ничего больше, и то недолго — поездит, да и продаст, а деньги, кто хочет, тот и возьми. У него не было заветного — нужно тебе его сердце, он сам бы вырвал его из груди, да тебе и отдал, только бы тебе от того хорошо было. Вот он какой был, сокол!

Наш табор кочевал в то время по Буковине, — это годов десять назад тому. Раз — ночью весенней — сидим мы: я, Данило-солдат, что с Кошутым воевал вместе, и Нур старый, и все другие, и Радда, Данилова дочка.

Ты Нонку мою знаешь? Царица девка! Ну, а Радду с ней равнять нельзя — много чести Нонке! О ней, этой Радде, словами и не скажешь ничего. Может быть, её красоту можно бы на скрипке сыграть, да и то тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает.

Много посушила она сердец молодецких, ого, много! На Мораве один магнат, старый, чубатый, увидел её и остолбенел. Сидит на коне и смотрит, дрожа, как в огневице. Красив он был, как чёрт в праздник, жупан шит золотом, на боку сабля, как молния, сверкает, чуть конь ногой топнет, вся эта сабля в камнях драгоценных, и голубой бархат на шапке, точно неба кусок, — важный был господарь старый! Смотрел, смотрел, да и говорит Радде: «Гей! Поцелуй, кошель денег дам». А та отвернулась в сторону, да и только! «Прости, коли обидел, взгляни хоть поласковой», — сразу сбавил спеси старый магнат и бросил к её ногам кошель — большой кошель, брат! А она его будто невзначай пнула ногой в грязь, да и всё тут.

— Эх, девка! — охнул он, да и плетью по коню — только пыль взвилась тучей.

А на другой день снова явился. «Кто её отец?» — громом гремит по табору. Данило вышел. «Продай дочь, что хочешь возьми!» А Данило и скажи ему: «Это только паны продают всё, от своих свиней до своей совести, а я с Кошутым воевал и ничем не торгую!» Взревел было тот да и за саблю, но кто-то из нас сунул зажжённый трут в ухо коню, он и унёс молодца. А мы снялись, да и пошли. День идём и два, смотрим — догнал! «Гей вы, говорит, перед Богом и вами совесть моя чиста, отдайте девку в жёны мне: всё поделю с вами, богат я сильно!» Горит весь и, как ковыль под ветром, качается в седле. Мы задумались.

— А ну-ка, дочь, говори! — сказал себе в усы Данило.

— Кабы орлица к ворону в гнездо по своей воле вошла, чем бы она стала? — спросила нас Радда.

Засмеялся Данило, и все мы с ним.

— Славно, дочка! Слышал, господарь? Не идёт дело! Голубок ищи — те податливей. — И пошли мы вперёд.

А тот господарь схватил шапку, бросил её оземь и поскакал так, что земля задрожала. Вот она какова была, Радда, сокол!

Да! Так вот раз ночью сидим мы и слышим — музыка плывёт по степи. Хорошая музыка! Кровь загоралась в жилах от неё, и звала она куда-то. Всем нам, мы чуяли, от той музыки захотелось чего-то такого, после чего бы и жить уж не нужно было, или, коли жить, так — царями над всей землёй, сокол!

Вот из темноты вырезался конь, а на нём человек сидит и играет, подъезжая к нам. Остановился у костра, перестал играть, улыбаясь, смотрит на нас.

— Эге, Зобар, да это ты! — крикнул ему Данило радостно. Так вот он, Лойко Зобар!

Усы легли на плечи и смешались с кудрями, очи, как ясные звёзды, горят, а улыбка — целое солнце, ей-богу! Точно его ковали из одного куска железа вместе с конём. Стоит весь, как в крови, в огне костра и сверкает зубами, смеясь! Будь я проклят, коли я его не любил уже, как себя, раньше, чем он мне слово сказал или просто заметил, что и я тоже живу на белом свете!

Вот, сокол, какие люди бывают! Взглянет он тебе в очи и полонит твою душу, и ничуть тебе это не стыдно, а ещё и гордо для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься. Мало, друг, таких людей! Ну, так и ладно, коли мало. Много хорошего было бы на свете, так его и за хорошее не считали бы. Так-то! А слушай-ка дальше.

Радда и говорит: «Хорошо ты, Лойко, играешь! Кто это сделал тебе скрипку такую звонкую и чуткую?» А тот смеётся: «Я сам делал! И сделал её не из дерева, а из груди молодой девушки, которую любил крепко, а струны из её сердца мною свиты. Врёт ещё немного скрипка, ну, да я умею смычок в руках держать!»

Известно, наш брат старается сразу затуманить девке очи, чтоб они не зажгли его сердца, а сами подёрнулись бы по тебе грустью, вот и Лойко тож. Но — не на ту напал. Радда отвернулась в сторону и, зевнув, сказала: «А ещё говорили, что Зобар умён и ловок, — вот лгут люди!» — и пошла прочь.

— Эге, красавица, у тебя остры зубы! — сверкнул очами Лойко, слезая с коня. — Здравствуйте, братья! Вот и я к вам!

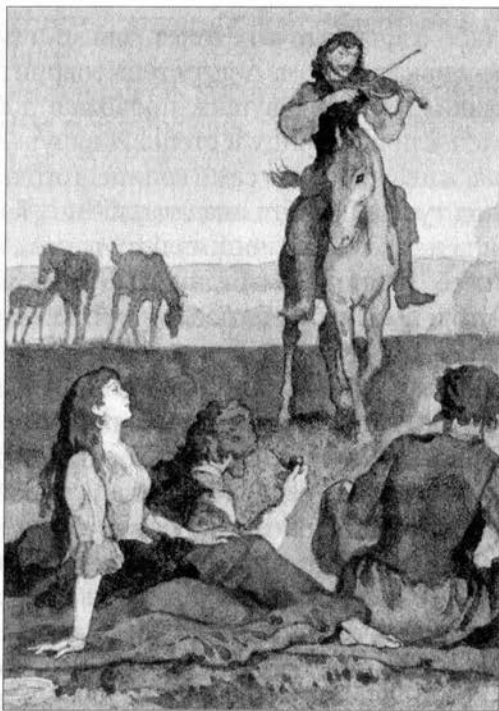

Иллюстрация к рассказу «Макар Чудра».

Художник Б.А. Дегтярёв

— Просим гостя! — сказал Данило в ответ ему. Поцеловались, поговорили и легли спать... Крепко спали. А наутро, глядим, у Зобара голова повязана тряпкой. Что это? А это конь зашиб его копытом сонного.

Э, э, э! Поняли мы, кто тот конь, и улыбнулись в усы, и Данило улыбнулся. Что ж, разве Лойко не стоил Радды? Ну, уж нет! Девка как ни хороша, да у ней душа узка и мелка, и хоть ты пуд золота повесь ей на шею, всё равно, лучше того, какова она есть, не быть ей. А, ну ладно!

Живём мы да живём на том месте, дела у нас о ту пору хорошие были, и Зобар с нами. Это был товарищ! И мудр, как старик, и сведущ во всём, и грамоту русскую и мадыарскую понимал. Бывало, пойдёт говорить — век бы не спал, слушал его! А играет — убей меня гром, коли на свете ещё кто-нибудь так играл! Проведёт, бывало, по струнам смычком — и вздрогнет у тебя сердце, проведёт ещё раз — и замрёт оно, слушая, а он играет и улыбается. И плакать и смеяться хотелось в одно время, слу-

шая его. Вот тебе сейчас кто-то стонет горько, просит помощи и режет тебе грудь как ножом. А вот степь говорит небу сказки, печальные сказки. Плачет девушка, провожая добра молодца! Добрый молодец кличет девицу в степь. И вдруг — гей! Гроном гремит вольная, живая песня, и само солнце, того и гляди, затапцует по небу под ту песню! Вот как, сокол!

Каждая жила в твоём теле понимала ту песню, и весь ты становился рабом её. И коли бы тогда крикнул Лойко: «В ножи, товарищи!» — то и пошли бы мы все в ножи, с кем указал бы он. Всё он мог сделать с человеком, и все любили его, крепко любили, только Радда одна не смотрит на парня; и ладно, коли бы только это, а то ещё и подсмеивается над ним. Крепко она задела за сердце Зобара, то-то крепко! Зубами скрипит, дёргая себя за ус, Лойко, очи темнее бездны смотрят, а порой в них такое сверкает, что за душу страшно становится. Уйдёт ночью далеко в степь Лойко, и плачет до утра его скрипка, плачет, хоронит Зобарову волю. А мы лежим да слушаем и думаем: как быть? И знаем, что, коли два камня друг на друга катятся, становиться между ними нельзя — изувечат. Так и шло дело.

Вот сидели мы, все в сборе, и говорили о делах. Скучно стало. Данило и просит Лойко: «Спой, Зобар, песенку, повесели душу!» Тот повёл оком на Радду, что неподалёку от него лежала кверху лицом, глядя в небо, и ударил по струнам. Так и заговорила скрипка, точно это и вправду девичье сердце было! И запел Лойко:

Гей-гей! В груди горит огонь,
А степь так широка!
Как ветер, быстр мой борзый конь,
Тверда моя рука!

Повернула голову Радда и, привстав, усмехнулась в очи певуну. Вспыхнул, как заря, он.

Гей-гоп-гей! Ну, товарищ мой!
Поскачем, что ль, вперёд?!
Одета степь суровой мглой,
А там рассвет нас ждёт!
Гей-гей! Летим и встретим день,
Взвивайся в вышину!
Да только гривой не задень
Красавицу луну!

Вот пел! Никто уж так не поёт теперь! А Радда и говорит, точно воду цедит:

— Ты бы не залетал так высоко, Лойко, неравно упадёшь, да — в лужу носом, усы запачкаешь, смотри. — Зверем посмотрел на неё Лойко, а ничего не сказал — стерпел парень и поёт себе:

Гей-гоп! Вдруг день придёт сюда,

А мы с тобою спим.

Эй, гей! Ведь мы с тобой тогда

В огне стыда сгорим!

— Это песня! — сказал Данило. — Никогда не слыхал такой песни; пусть из меня сатана себе трубку сделает, коли вру я!

Старый Нур и усами поводил, и плечами пожимал, и всем нам по душе была удалая Зобарова песня! Только Радде не понравилась.

— Вот так однажды комар гудел, орлиный клёкот передразнивая, — сказала она, точно снегом в нас кинула.

— Может быть, ты, Радда, кнута хочешь? — потянулся Данило к ней, а Зобар бросил наземь шапку, да и говорит, весь чёрный, как земля:

— Стой, Данило! Горячему коню — стальные удила! Отдай мне дочку в жёны!

— Вот сказал речь! — усмехнулся Данило. — Да возьми, коли можешь!

— Добро! — молвил Лойко и говорит Радде: — Ну, девушка, послушай меня немного, да не кичись! Много я вашей сестры видел, эге, много! А ни одна не тронула моего сердца так, как ты. Эх, Радда, полонила ты мою душу! Ну что ж? Чему быть, так то и будет, и... нет такого коня, на котором от самого себя ускакать можно б было!.. Беру тебя в жёны перед Богом, своей честью, твоим отцом и всеми этими людьми. Но смотри, воле моей не перечь — я свободный человек и буду жить так, как я хочу! — И подошёл к ней, стиснув зубы, сверкая глазами. Смотрим мы, протянул он ей руку, — вот, думаем, и надела узду на степного коня Радда! Вдруг видим, взмахнул он руками и оземь затылком — грох!..

Что за диво? Точно пуля ударила в сердце малого. А это Радда захлестнула ему ременное кнутовище за ноги, да и дёрнула к себе, — вот отчего упал Лойко.

И снова уж лежит девка не шевелясь да усмехается молча. Мы смотрим, что будет, а Лойко сидит на земле и сжал руками голову, точно боится, что она у него лопнет. А потом встал тихо, да и пошёл

в степь, ни на кого не глядя. Нур шепнул мне: «Смотри за ним!» И пополз я за Зобаром по степи в темноте ночной. Так-то, сокол!»

Макар выколотил пепел из трубки и снова стал набивать её. Я закутался плотнее в шинель и, лежа, смотрел в его старое лицо, чёрное от загара и ветра. Он, сурово и строго качая головой, что-то шептал про себя; седые усы шевелились, и ветер трепал ему волосы на голове. Он был похож на старый дуб, обожжённый молнией, но всё ещё мощный, крепкий и гордый своей силой. Море шепталось по-прежнему с берегом, и ветер всё так же носил его шёпот по степи. Нонка уже не пела, а собравшиеся на небе тучи сделали осеннюю ночь ещё темней.

«Шёл Лойко нога за ногу, повеся голову и опустив руки, как плети, и, придя в балку к ручью, сел на камень и охнул. Так охнул, что у меня сердце кровью облилось от жалости, но всё ж не подошёл к нему. Словом горю не поможешь — верно?! То-то! Час он сидит, другой сидит и третий не шелохнется — сидит.

И я лежу неподалеку. Ночь светлая, месяц серебром всю степь залил, и далеко всё видно.

Вдруг вижу: от табора спешно Радда идёт.

Весело мне стало. «Эх, важно! — думаю, — удалая девка Радда!» Вот она подошла к нему, он и не слышит. Положила ему руку на плечо; вздрогнул Лойко, разжал руки и поднял голову. И как вскочит, да за нож! Ух, порежет девку, вижу я, и уж хотел, крикнув до табора, побежать к ним, вдруг слышу:

— Брось! Голову разобью! — Смотрю: у Радды в руке пистоль, и она в лоб Зобару целит. Вот сатана девка! А ну, думаю, они теперь равны по силе, что будет дальше?

— Слушай! — Радда заткнула за пояс пистоль и говорит Зобару: — Я не убить тебя пришла, а мириться, бросай нож! — Тот бросил и хмуро смотрит ей в очи. Дивно это было, брат! Стоят два человека и зверями смотрят друг на друга, а оба такие хорошие, удалые люди. Смотрит на них ясный месяц да я — и всё тут.

— Ну, слушай меня, Лойко: я тебя люблю! — говорит Радда. Тот только плечами повёл, точно связанный по рукам и ногам.

— Видала я молодцов, а ты удалей и краше их душой и лицом. Каждый из них усы себе бы сбрил — моргни я ему глазом, все они пали бы мне в ноги, захоти я того. Но что толку? Они и так не больно-то удалы, а я бы их всех обабила. Мало осталось на свете удалых цыган, мало, Лойко. Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А ещё я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чем тебя. А без тебя мне не жить, как не жить

и тебе без меня. Так вот я хочу, чтобы ты был моим и душой и телом, слышишь? — Тот усмехнулся.

— Слышу! Весело сердцу слушать твою речь! Ну-ка, скажи ещё!

— А ещё вот что, Лойко: всё равно, как ты ни вертись, я тебя одолею, моим будешь. Так не теряй же даром времени — впереди тебя ждут мои поцелуи да ласки... крепко целовать я тебя буду, Лойко! Под поцелуй мой забудешь ты свою удалую жизнь... и живые песни твои, что так радуют молодцов-цыган, не зазвучат по степям больше — петь ты будешь любовные, нежные песни мне, Радде... Так не теряй даром времени, — сказала я это, значит, ты завтра покоришься мне как старшему товарищу юнаку. Поклонишься мне в ноги перед всем табором и поцелуешь правую руку мою — и тогда я буду твоей женой.

Вот чего захотела чёртова девка! Этого и слыхом не слыхано было; только в старину у черногорцев так было, говорили старики, а у цыган — никогда! Ну-ка, сокол, выдумай что-нито посмешнее? Год поломаешь голову, не выдумаешь!

Прянул в сторону Лойко и крикнул на всю степь, как раненный в грудь. Дрогнула Радда, но не выдала себя.

— Ну, так прощай до завтра, а завтра ты сделаешь, что я велела тебе. Слышишь, Лойко?

— Слышу! Сделаю, — застонал Зобар и протянул к ней руки. Она и не оглянулась на него, а он зашатался, как сломанное ветром дерево, и пал на землю, рыдая и смеясь.

Вот как замаяла молодца проклятая Радда. Насилу я привёл его в себя.

Эхе! Какому дьяволу нужно, чтобы люди горе горевали? Кто это любит слушать, как стонет, разрываясь от горя, человеческое сердце? Вот и думай тут!..

Воротился я в табор и рассказал о всём старикам. Подумали и решили подождать да посмотреть — что будет из этого. А было вот что. Когда собрались все мы вечером вокруг костра, пришёл и Лойко. Был он смутен и похудел за ночь страшно, глаза ввалились; он опустил их и, не подымая, сказал нам:

— Вот какое дело, товарищи: смотрел в своё сердце этой ночью и не нашёл места в нём старой вольной жизни моей. Радда там живёт только — и всё тут! Вот она, красавица Радда, улыбается, как царица! Она любит свою волю больше меня, а я её люблю больше своей воли, и решил я Радде поклониться в ноги, так она велела, чтоб все видели, как её красота покорила удалого Лойку

Зобара, который до неё играл с девушками, как кричат с утками. А потом она станет моей женой и будет ласкать и целовать меня, так что уже мне и песен петь вам не захочется, и воли моей я не пожалею! Так ли, Радда? — Он поднял глаза и сумно посмотрел на неё. Она молча и строго кивнула головой и рукой указала себе на ноги. А мы смотрели и ничего не понимали. Даже уйти куда-то хотелось, лишь бы не видеть, как Лойко Зобар упадёт в ноги девке — пусть эта девка и Радда. Стыдно было чего-то, и жалко, и грустно.

— Ну! — крикнула Радда Зобару.

— Эге, не торопись, успеешь, надоест ещё... — засмеялся он. Точно сталь зазвенела, — засмеялся.

— Так вот и всё дело, товарищи! Что остаётся? А остаётся попробовать, такое ли у Радды моей крепкое сердце, каким она мне его показывала. Попробую же, — простите меня, братцы!

Мы и догадаться ещё не успели, что хочет делать Зобар, а уж Радда лежала на земле, и в груди у неё по рукоять торчал кривой нож Зобара. Оцепенели мы.

А Радда вырвала нож, бросила его в сторону и, зажав рану прядью своих чёрных волос, улыбаясь, сказала громко и внятно:

— Прощай, Лойко! я знала, что ты так сделаешь!.. — да и умерла...

Понял ли девку, сокол?! Вот какая, будь я проклят на веки вечные, дьявольская девка была!

— Эх! да и поклонюсь же я тебе в ноги, королева гордая! — на всю степь гаркнул Лойко да, бросившись наземь, прильнул устами к ногам мёртвой Радды и замер. Мы сняли шапки и стояли молча.

Что ты скажешь в таком деле, сокол? То-то! Нур сказал было: «Надо связать его!..» Не поднялись бы руки вязать Лойко Зобара, ни у кого не поднялись бы, и Нур знал это. Махнул он рукой да и отошёл в сторону. А Данило поднял нож, брошенный в сторону Раддой, и долго смотрел на него, шевеля седыми усами, на том ноже ещё не застыла кровь Радды, и был он такой кривой и острый. А потом подошёл Данило к Зобару и сунул ему нож в спину как раз против сердца. Тоже отцом был Радде старый солдат Данило!

— Вот так! — повернувшись к Даниле, ясно сказал Лойко и ушёл догонять Радду.

А мы смотрели. Лежала Радда, прижав к груди руку с прядью волос, и открытые глаза её были в голубом небе, а у ног её раскинулся удалой Лойко Зобар. На лицо его пали кудри, и не видно было его лица.

Стояли мы и думали. Дрожали усы у старого Данилы, и наспунились густые брови его. Он глядел в небо и молчал, а Нур, седой как лунь, лёг вниз лицом на землю и заплакал так, что ходунном заходили его стариковские плечи.

Было тут над чем плакать, сокол!

...Идёшь ты, ну и иди своим путём, не сворачивая в сторону. Прямо и иди. Может, и не загинёшь даром. Вот и всё, сокол!»

Макар замолчал и, спрятав в кисет трубку, запахнул на груди чекмень. Накрапывал дождь, ветер стал сильнее, море рокотало глухо и сердито. Один за другим к угасающему костру подходили кони и, осмотрев нас большими, умными глазами, неподвижно останавливались, окружая нас плотным кольцом.

— Гоп, гоп, эгой! — крикнул им ласково Макар и, похлопав ладонью шею своего любимого вороного коня, сказал, обращаясь ко мне: — Спать пора! — Потом завернулся с головой в чекмень и, могуче вытянувшись на земле, умолк.

Мне не хотелось спать. Я смотрел во тьму степи, и в воздухе перед моими глазами плавала царственно красивая и гордая фигура Радды. Она прижала руку с прядью чёрных волос к ране на груди, и сквозь её смуглые, тонкие пальцы сочилась капля по капле кровь, падая на землю огненно-красными звёздочками.

А за нею по пятам плыл удалой молодец Лойко Зобар; его лицо завесили пряди густых чёрных кудрей, и из-под них капали частые, холодные и крупные слёзы...

Усиливался дождь, и море распевало мрачный и торжественный гимн гордой паре красавцев цыган — Лойке Зобару и Радде, дочери старого солдата Данилы.

А они оба кружились во тьме ночи плавно и безмолвно, и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой.

1892

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

М. ГОРЬКОГО

Первые произведения М. Горького отчётливо несут на себе признаки романтической традиции. В них действует необычный герой в необычных обстоятельствах. Своеобразна природа, которая не фон, но активный участник происходящего, своеобразны люди, их взаимоотношения, необычна передача их поступков, мыслей,

характеров. Эта необычность врывается в повествование немедленно, с первых строк. Ветер не просто дует, он «разносит задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны», «мгла осенней ночи» «вздрагивает». Эти эпитеты, метафоры, сравнения, кажется, более привычны были бы в стихотворной речи. Собственно, прозаическая речь рассказа, во всяком случае его начало, больше похожа на ритмизованную прозу, чем на прозу обычную.

Обратим внимание, что этот романтический настрой присущ природе, участникам событий, но не автору, который отстранён от них. Эта отстранённость неочевидна, её нужно разглядеть, быть чутким к слову. Перечитайте начальный монолог, который передан в форме диалога. Теперь прочитайте слова автора: «...продолжал он, скептически выслушав моё возражение на его „так и надо“».

1. Что, по-вашему, отделяет рассказчика от его собеседника — Макара Чудры?
2. Как вы думаете, почему дан диалог «мнимый», «воображаемый», то есть почему не введены слова рассказчика в форме прямой речи?
3. Чем интересна и характерна речь Макара Чудры?
4. Какие элементы речи Макара Чудры приближают её к притчевой?
5. Совпадает ли его речевая характеристика с портретной? Назовите детали, передающие портрет героя.

История Лойко Зобара и Радды также выдержана в романтических тонах. Это история сильных людей и сильной, страстной любви.

6. Какие качества Лойко и Радды особенно выделяет в своём рассказе Макар Чудра?
7. Чем пленила Лойко Зобара Радда? Подберите ключевые слова для ответа на этот вопрос.
8. Радда умирает со словами: «Прощай, Лойко! Я знала, что ты так сделаешь!...» Почему она повела себя именно так, если знала, что её ожидает?
9. Найдите в тексте рассказа слова, в которых выражена его художественная идея.
10. Повествование заканчивается речью рассказчика. Чем она близка начальному рассказу Макара Чудры и чем отличается?
11. Что привлекло вас в рассказе М. Горького? Что вызвало неприятие? Свой ответ аргументируйте.

I

Встретил я его в одесской гавани. Дня три кряду моё внимание привлекала эта коренастая, плотная фигура и лицо восточного типа, обрамлённое красивой бородкой. Он то и дело мелькал предо мной: я видел, как он по целым часам стоял на граните мола, засунув в рот набалдашник трости и тоскливо разглядывая мутную воду гавани чёрными миндалевидными глазами; десять раз в день он проходил мимо меня походкой беспечного человека. Кто он?.. Я стал следить за ним. Он же, как бы нарочно поддразнивая меня, всё чаще и чаще попадался мне на глаза, и, наконец, я привык различать издали его модный, клетчатый, светлый костюм и чёрную шляпу, его ленивую походку и тупой, скучный взгляд. Он был положительно необъясним здесь, в гавани, среди свиста пароходов и локомотивов, звона цепей, криков рабочих, в бешено-нервной сутолоке порта, охватывавшей человека со всех сторон. Все люди были озабочены, утомлены, все бегали, в пыли, в поту, кричали, ругались. Среди трудовой сутолоки медленно расхаживала эта странная фигура с мертвенно-скучным лицом, равнодушная ко всему, всем чужая.

Наконец, уже на четвёртый день, в обед, я натолкнулся на него и решил во что бы то ни стало узнать, кто он. Расположившись неподалёку от него с арбузом и хлебом, я стал есть и рассматривать его, придумывая, — как бы поделикатнее завязать с ним беседу?

Он стоял, прислонясь к груде цыбиков чая, и, бесцельно поглядывая вокруг себя, барабанил пальцами по своей трости, как по флейте.

Мне, человеку в костюме босяка, с лямкой грузчика на спине и перепачканному в угольной пыли, трудно было вызвать его, франта, на разговор. Но, к моему удивлению, я увидел, что он не отрывает глаз от меня и они разгораются у него неприятным, жадным, животным огнём. Я решил, что объект моих наблюдений голоден, и, быстро оглянувшись вокруг, спросил его тихонько:

— Хотите есть?

Он вздрогнул, алчно оскалил чуть не сотню плотных, здоровых зубов и тоже подозрительно оглянулся.

На нас никто не обращал внимания. Тогда я сунул ему поларбуза и кусок пшеничного хлеба. Он схватил всё это и исчез, присев за груды товара. Иногда оттуда высывалась его голова в шляпе, сдвинутой на затылок, открывавшей смуглый, потный лоб. Его лицо блестело от широкой улыбки, и он почему-то подмигивал мне, ни на секунду не переставая жевать. Я сделал ему знак подождать меня, ушёл купить мяса, купил, принёс, отдал ему и стал около ящиков так, что совершенно скрыл франта от посторонних взглядов. До этого он ел и всё хищно оглядывался, точно боялся, что у него отнимут кусок; теперь он стал есть спокойнее, но всё-таки так быстро и жадно, что мне стало больно смотреть на этого изголодавшегося человека, и я повернулся спиной к нему.

— Благодарю! Очэн благодарю! — Он потряс меня за плечо, потом схватил мою руку, стиснул её и тоже жестоко стал трясти.

Через пять минут он уже рассказывал мне, кто он.

Грузин, князь Шакро Птадзе, один сын у отца, богатого кутаисского помещика, он служил конторщиком на одной из станций Закавказской железной дороги и жил вместе с товарищем. Этот товарищ вдруг исчез, захватив с собой деньги и ценные вещи князя Шакро, и вот князь пустился догонять его. Как-то случайно он узнал, что товарищ взял билет до Батума; князь Шакро отправился туда же. Но в Батуме оказалось, что товарищ поехал в Одессу. Тогда князь Шакро взял у некоего Ваню Сванидзе, парикмахера, — тоже товарища, одних лет с собой, но не похожего по приметам, — паспорт и двинулся в Одессу. Тут он заявил полиции о краже, ему обещали найти, он ждал две недели, проел все свои деньги и вот уже вторые сутки не ел ни крошки.

Я слушал его рассказ, перемешанный с ругательствами, смотрел на него, верил ему, и мне было жалко мальчика, — ему шёл двадцатый год, а по наивности можно было дать ещё меньше. Часто и с глубоким негодованием он упоминал о крепкой дружбе, связывавшей его с вором-товарищем, укравшим такие вещи, за которые суровый отец Шакро наверное «зарэжет» сына «кын-жалом», если сын не найдёт их. Я подумал, что, если не помочь этому малому, жадный город засосёт его. Я знал, какие иногда ничтожные случайности пополняют класс босяков; а тут для князя Шакро были налицо все шансы попасть в это почтенное, но не чтимое сословие. Мне захотелось помочь ему. Я предложил Шакро пойти к полицеймейстеру просить билет, он замаялся и сообщил мне, что не пойдёт. Почему? Оказалось, что он не заплатил денег хозяину номеров, в которых стоял, а когда с него

потребовали денег, он ударил кого-то; потом он скрылся и теперь справедливо полагает, что полиция не скажет ему спасибо за неплатёж этих денег и за удар; да, кстати, он и нетвёрдо помнит — один удар или два, три или четыре нанёс он.

Положение осложнялось. Я решил, что буду работать, пока не заработаю достаточно денег для него на проезд до Батума, но — увы! — оказалось, что это случилось бы не очень скоро, ибо проголодавшийся Шахро ел за троих и больше.

В то время, вследствие наплыва «голодающих», подённые цены в гавани стояли низко, и из восьмидесяти копеек заработка мы вдвоём проедали шестьдесят. К тому же, ещё до встречи с князем, я решил пойти в Крым, и мне не хотелось оставаться надолго в Одессе. Тогда я предложил князю Шахро пойти со мной пешком на таких условиях: если я не найду ему попутчика до Тифлиса, то сам доведу его, а если найду, мы простимся.

Князь посмотрел на свои щегольские ботинки, на шляпу, на брюки, погладил курточку, подумал, вздохнул не раз и, наконец, согласился. И вот мы с ним отправились из Одессы в Тифлис.

II

Когда мы пришли в Херсон, я знал моего спутника как малого наивно-дикого, крайне неразвитого, весёлого — когда он был сыт, унылого — когда голоден, знал его как сильное, добродушное животное.

Дорогой он рассказывал мне о Кавказе, о жизни помещиков грузин, о их забавах и отношении к крестьянам. Его рассказы были интересны, своеобразно красивы, но рисовали предо мной рассказчика крайне нелестно для него. Рассказывает он, например, такой случай:

К одному богатому князю съехались соседи на пирушку; пили вино, ели чурек и шашлык, ели лаваш и пилав, и потом князь повёл гостей в конюшню. Оседлали коней. Князь взял себе лучшего и пустил его по полю. Горячий конь был! Гости хвалят его стати и быстроту, князь снова скачет, но вдруг в поле выносятся крестьянин на белой лошади и обгоняет коня князя, — обгоняет и... гордо смеётся. Стыдно князю перед гостями!.. Сдвинул он сурово брови, подозвал жестом крестьянина, и когда тот подъехал к нему, то ударом шашки князь срубил ему голову и выстрелом из револьвера в ухо убил коня, а потом объявил о своём поступке властям. И его осудили в каторгу...

Шакро передаёт мне это тоном сожаления о князе. Я пытаюсь ему доказать, что жалеть тут нечего, но он поучительно говорит мне:

— Князей мало, крестьян много. За одного крестьянина нельзя судить князя. Что такое крестьянин? Вот! — Шакро показывает мне комок земли. — А князь — как звезда!

Мы спорим, он сердится. Когда он сердится, то оскаливает зубы, как волк, и лицо у него делается острым.

— Молчи, Максим! Ты не знаешь кавказской жизни! — кричит он мне.

Мои доводы бессильны пред его непосредственностью, и то, что для меня было ясно, ему — смешно. Когда я ставил его в тупик доказательствами превосходства моих взглядов, он не задумывался, а говорил мне:

— Ступай на Кавказ, живи там. Увидишь, что я сказал правду. Все так делают, значит — так нужно. Зачем я буду тебе верить, если ты один только говоришь — это не так, а тысячи говорят — это так?

Тогда я молчал, понимая, что нужно возражать не словами, а фактами человеку, который верит в то, что жизнь, какова она есть, вполне законна и справедлива. Я молчал, а он с восхищением, чмокая губами, говорил о кавказской жизни, полной дикой красоты, полной огня и оригинальности. Эти рассказы, интересующие и увлекая меня, в то же время возмущали и бесили своей жестокостью, поклонением богатству и грубой силе. Как-то раз я спросил его: знает ли он учение Христа?

— Канэчно! — пожав плечами, ответил он.

Но далее оказалось, что он знает столько: был Христос, который восстал против еврейских законов, и евреи распяли его за это на кресте. Но он был Бог и потому не умер на кресте, а вознёсся на небо и тогда дал людям новый закон жизни...

— Какой? — спросил я.

Он посмотрел на меня с насмешливым недоумением и спросил:

— Ты христиэнин? Ну! Я тоже христиэнин. На зэмлэ почти все христиэне. Ну, что ты спрашиваешь? Видишь, как все живут? Это и есть закон Христа.

Я, возбуждённый, стал рассказывать ему о жизни Христа. Он слушал сначала со вниманием, потом оно постепенно ослабевало и, наконец, заключилось зевком.

Видя, что меня не слушает его сердце, я снова обращался к его уму и говорил с ним о выгодах взаимопомощи, о выгодах зна-

ния, о выгодах законности, о выгодах, всё о выгодах... Но мои доводы разбивались в пыль о каменную стену его миропонимания.

— Кто силен, тот сам себе закон! Ему не нужно учиться, он, и слепой, найдёт свой дорога! — лениво возразил мне князь Шакро.

Он умел быть верным самому себе. Это возбуждало во мне уважение к нему; но он был дик, жесток, и я чувствовал, как у меня иногда вспыхивала ненависть к Шакро. Однако я не терял надежды найти точку соприкосновения между нами, почву, на которой мы оба могли бы сойтись и понять друг друга.

Мы прошли Перекоп и подходили к Яйле. Я мечтал о южном берегу Крыма, князь, напевая сквозь зубы странные песни, был хмур. У нас вышли все деньги, заработать пока было негде. Мы стремились в Феодосию, там в то время начинались работы по устройству гавани.

Князь говорил мне, что и он тоже будет работать и что, заработав денег, мы поедем морем до Батума. В Батуме у него много знакомых, и он сразу найдёт мне место дворника или сторожа. Он хлопал меня по плечу и покровительственно говорил, сладко прищёлкивая языком:

— Я тэбэ устрою т-такую жизнь! Цце, цце! Вино будэшь пить — сколько хочэшь, баранины — сколько хочэшь! Жэнишь-ся на грузынкэ, на толстой грузынкэ, цце, цце, цце!.. Она тэбэ будэт лаваш печь, дэтэй родить, много дэ-тэй, цце, цце!

Это «цце, цце!» сначала удивляло меня, потом стало раздражать, потом уже доводило до тоскливого бешенства. В России таким звуком подманивают свиней, на Кавказе им выражают восхищение, сожаление, удовольствие, горе.

Шакро уже сильно потрепал свой модный костюм, и его ботинки лопнули во многих местах. Трость и шляпу мы продали в Херсоне. Вместо шляпы он купил себе старую фуражку железнодорожного чиновника.

Когда он в первый раз надел её на голову, — надел сильно небрежно, — то спросил меня:

— Идэт на мэна? Красыво?

III

И вот мы в Крыму, прошли Симферополь и направились к Ялте.

Я шёл в немом восхищении перед красотой природы этого куска земли, ласкаемого морем. Князь вздыхал, горевал и, бросая вокруг себя печальные взгляды, пытался набивать свой пу-

стой желудок какими-то странными ягодами. Знакомство с их питательными свойствами не всегда сходило ему с рук благополучно, и часто он со злым юмором говорил мне:

— Если мэна вывэрнэт наизнанку, как пойду далшэ? а? Скажи — как?

Возможности что-либо заработать нам не представлялось, и мы, не имея ни гроша на хлеб, питались фруктами и надеждами на будущее. А Шакро начинал уже упрекать меня в лени и в «роторазвайствэ», как он выражался. Он вообще становился тяжёл, но больше всего угнетал меня рассказами о своём баснословном аппетите. Оказывалось, что он, позавтракав в двенадцать часов «маленьким барашкэм», с тремя бутылками вина, в два часа мог без особых усилий съесть за обедом три тарелки какой-то «чахабили» или «чихиртмы», миску пилава, шампур¹ шашлыка, «сколки хочишь холмы» и ещё много разных кавказских яств и при этом выпивал вина — «сколко хотэл». Он по целым дням рассказывал мне о своих гастрономических наклонностях и познаниях, — рассказывал чмокая, с горящими глазами, оскаливая зубы, скрипя ими, звучно втягивая в себя и глотая голодную слюну, в изобилии брызгавшую из его красноречивых уст.

Как-то раз, около Ялты, я нанялся вычистить фруктовый сад от срезанных сучьев, взял вперёд за день плату и на всю полтину купил хлеба и мяса. Когда я принёс купленное, меня позвал садовник, и я ушёл, сдав покупки эти Шакро, который отказался от работы под предлогом головной боли. Возвратившись через час, я убедился, что Шакро, говоря о своём аппетите, не выходил из границ правды: от купленного мной не осталось ни крошки. Это был нетоварищеский поступок, но я смолчал, — на моё горе, как оказалось впоследствии.

Шакро, заметив моё молчание, воспользовался им по-своему. С этого времени началось нечто удивительно нелепое. Я работал, а он, под разными предложениями отказываясь от работы, ел, спал и понукал меня. Мне было смешно и грустно смотреть на него, здорового парня; когда я, усталый, возвращался, кончив работу, к нему, где-нибудь в тенистом уголке дожидавшемуся меня, он так жадно щупал меня глазами! Но ещё грустнее и обиднее было видеть, что он смеётся надо мной за то, что я работаю. Он смеялся, потому что выучился просить Христа ради.

¹ *Шампур* — железный прут, на котором жарят шашлык. (Примеч. М. Горького.)

Кутёж трёх князей на лужайке.
Художник Нико Пиросманашвили

Когда он начал собирать милостыню, то сначала конфузился меня, а потом, когда мы подходили к татарской деревушке, он стал на моих глазах приготавливаться к сбору. Для этого он опирался на палку и волочил ногу по земле, как будто она у него болела, зная, что скупые татары не подадут здоровому парню. Я спорил с ним, доказывая ему постыдность такого занятия...

— Я нэ умею работать! — кратко возражал он мне.

Ему подавали скудно. Я в то время начинал прихварывать. Путь становился труднее день ото дня, и мои отношения с Шакро всё тяжелей. Он теперь уж настоятельно требовал, чтоб я его кормил.

— Ты мэнэ вэдэш? Вэди! Разве можно так далеко мнэ ийти пэшком? Я нэ привык. Я умэрэть могу от этого! Что ты мэнэ мучаишь, убиваишь? Эсли я вумру, как будит всэ? Мать будыт плакать, атэц будыт плакать, товарицы будут плакать! Сколько это слёз?

Я слушал такие речи, но не сердился на них. В то время во мне начала закрадываться странная мысль, побуждавшая меня

выносить всё это. Бывало — спит он, а я сижу рядом с ним и, рассматривая его спокойное, неподвижное лицо, повторяю про себя, как бы догадываясь о чём-то: «Мой спутник... спутник мой...»

И в сознании моём порою смутно возникала мысль, что Шакро только пользуется своим правом, когда он так уверенно и смело требует от меня помощи ему и забот о нём. В этом требовании был характер, была сила. Он меня поработал, я ему поддавался и изучал его, следил за каждой дрожью его физиономии, пытаюсь представить себе, где и на чём он остановится в этом процессе захвата чужой личности. Он же чувствовал себя прекрасно, пел, спал и подсмеивался надо мной, когда ему этого хотелось. Иногда мы с ним расходились дня на два, на три в разные стороны; я снабжал его хлебом и деньгами, если они были, и говорил, где ему ожидать меня. Когда мы сводились снова, то он, проводивший меня подозрительно и с грустной злобой, встречал так радостно, торжествуя и всегда, смеясь, говорил:

— Я думал, ты убёжал адын, бросил мэня! Ха, ха, ха!..

Я давал ему есть, рассказывал о красивых местах, которые видел, и раз, говоря о Бахчисарае, кстати рассказал о Пушкине и привёл его стихи. На него не производило всё это никакого впечатления.

— Э, стихи! Это пэсни, не стыхи! Я знал одного человека, грузына, тот пэл лэсни! Это пэсни!.. Запоёт — ай, ай, ай!.. Громко... очэн громко пэл! Точно у него в горлэ кинжалом ворочают!.. Он зарезал одного духанщика, Сибьрь тепэр пошёл.

После каждого возвращения к нему я всё больше и ниже падал в его мнению, и он не умел скрывать этого от меня.

Дела наши шли нехорошо. Я еле находил возможность зарабатывать рубль-полтора в неделю, и, разумеется, этого было менее чем мало двоим. Сборы Шакро не делали экономии в пище. Его желудок был маленькою пропастью, поглощавшей всё без разбора — виноград, дыни, солёную рыбу, хлеб, сушёные фрукты, — и от времени она как бы всё увеличивалась в объёме и всё больше требовала жертв.

Шакро стал торопить меня уходить из Крыма, резонно заявляя мне, что уже — осень, а путь ещё далёк. Я согласился с ним. К тому же я успел посмотреть эту часть Крыма, и мы пошли на Феодосию, в чаянии «зашибить» там «деньгу», которой у нас всё-таки не было.

Отойдя вёрст двадцать от Алушты, мы остановились ночевать. Я уговорил Шакро идти берегом, хотя это был длиннейший путь,

но мне хотелось надышаться морем. Мы разожгли костёр и лежали около него. Вечер был дивный. Тёмно-зелёное море билось о скалы внизу под нами; голубое небо торжественно молчало вверху, а вокруг нас тихо шумели кустарники и деревья. Выходила луна. От узорчатой зелени чинар пали тени. Пела какая-то птица, задорно и звучно. Её серебряные трели таяли в воздухе, полном тихого и ласкового шума волн, и, когда они исчезали, слышалось нервное стрекотанье какого-то насекомого. Костёр горел весело, и его огонь казался большим пылающим букетом красных и жёлтых цветов. Он тоже рождал тени, и эти тени весело прыгали вокруг нас, как бы рисуясь своею живостью пред ленивыми тенями луны. Широкий горизонт моря был пустынен, небо над ним безоблачно, и я чувствовал себя на краю земли, созерцающим пространство — эту чарующую душу загадку... Пугливое чувство близости к чему-то великому наполняло мою душу, и сердце трепетно замирало.

Вдруг Шакро громко расхохотался:

— Ха, ха, ха!.. Какой тебэ глупая рожа! Савсэм как у барана! А, ха, ха, ха!..

Я испугался, точно надо мной внезапно грянул гром. Но это было хуже. Это было смешно, да, но — как же это было обидно!.. Он, Шакро, плакал от смеха; я чувствовал себя готовым плакать от другой причины. У меня в горле стоял камень, я не мог говорить и смотрел на него дикими глазами, чем ещё больше усиливал его смех. Он катался по земле, поджав живот; я же всё ещё не мог прийти в себя от нанесённого мне оскорбления... Мне была нанесена тяжкая обида, и те немногие, которые, я надеюсь, поймут её, — потому что, может быть, сами испытали нечто подобное, — те снова взвешают в своей душе эту тяжесть.

— Перестань!! — бешено крикнул я.

Он испугался, вздрогнул, но всё ещё не мог сдержаться, пароксизмы смеха всё ещё схватывали его, он надувал щёки, таращил глаза и вдруг снова разражался хохотом. Тогда я встал и пошёл прочь от него. Я шёл долго, без дум, почти без сознания, полный жгучим ядом обиды. Я обнимал всю природу и молча, всей душой объяснялся ей в любви, в горячей любви человека, который немножко поэт... а она, в лице Шакро, расхохоталась надо мной за моё увлечение! Я далеко зашёл бы в составлении обвинительного акта против природы, Шакро и всех порядков жизни, но за мной раздалились быстрые шаги.

— Не сэрдысь! — сконфуженно произнёс Шакро, тихонько касаясь моего плеча. — Ты молился? Я нэ знал.

Он говорил робким тоном напавшего ребёнка, и я, несмотря на моё возбуждение, не мог не видеть его жалкой физиономии, смешно искривлённой смущением и страхом.

— Я тебя нэ трону болше. Вэрно! Ныкогда!

Он отрицательно тряс головой.

— Я выжу, ты смиренный. Работаешь. Мэня не заставляешь. Думаю — почему? Значит — глупый он, как баран...

Это он меня утешал! Это он извинялся предо мной! Конечно, после таких утешений и извинений мне ничего не оставалось более, как простить ему не только прошлое, но и будущее.

Через полчаса он крепко спал, а я сидел рядом с ним и смотрел на него. Во сне даже сильный человек кажется беззащитным и беспомощным, — Шакро был жалок. Толстые губы, вместе с поднятыми бровями, делали его лицо детским, робко удивлённым. Дышал он ровно, спокойно, но иногда возился и бредил, говоря просительно и торопливо по-грузински. Вокруг нас царила та напряжённая тишина, от которой всегда ждёшь чего-то и которая, если б могла продолжаться долго, сводила бы с ума человека своим совершенным покоем и отсутствием звука, этой яркой тени движения. Тихий шорох волн не долетал до нас, — мы находились в какой-то яме, поросшей цепкими кустарниками и казавшейся мохнатым зевом окаменевшего животного. Я смотрел на Шакро и думал:

«Это мой спутник... Я могу бросить его здесь, но не могу уйти от него, ибо имя ему — легион... Это спутник всей моей жизни... он до гроба проводит меня...»

Феодосия обманула наши ожидания. Когда мы пришли, там было около четырёхсот человек, чаявших, как и мы, работы и тоже принуждённых удовлетвориться ролью зрителей постройки мола. Работали турки, греки, грузины, смоленцы, полтавцы. Всюду — и в городе, и вокруг него — бродили группами серые, удручённые фигуры «голодающих» и рыскали волчьей рысью азовские и таврические босяки.

Мы пошли в Керчь.

Мой спутник держал своё слово и не трогал меня; но он сильно голодал и прямо-таки по-волчьи щёлкал зубами, видя, как кто-нибудь ел, приводя меня в ужас описаниями количеств разной пищи, которую он готов был проглотить. С некоторых пор он начал вспоминать о женщинах. Сначала вскользь, со вздохами сожаления, потом чаще, с алчными улыбками «восточного чэлавэка», он, наконец, дошёл до того, что не мог уже пропустить мимо себя ни одной особы женского пола, каких бы лет и наружности

она ни была, чтоб не поделиться со мной какой-нибудь практически-философской сальностью по поводу той или другой её статьи. Он трактовал о женщинах так свободно, с таким знанием предмета и смотрел на них с такой удивительно прямой точки зрения, что я только отплёвывался... Однажды я попробовал доказать ему, что женщина — существо ничем не худшее его, но, видя, что он не только обижается на меня за мои взгляды, а даже готов прийти в бешенство за унижение, каковому, по его мнению, я подвергал его, — оставил мои попытки до поры, пока он будет сыт.

На Керчь мы шли уже не берегом, а степью, в видах сокращения пути, в котомке у нас была всего только одна ячменная лепёшка фунта в три, купленная у татарина на последний наш пятак. Попытки Шахро просить хлеба по деревням не приводили ни к чему, везде кратко отвечали: «Много вас!..» Это была великая истина: действительно до ужаса много было людей, искавших куска хлеба в этот тяжёлый год.

Мой спутник терпеть не мог «голодающих» — конкурентов ему в сборе милостыни. Запас его жизненных сил, несмотря на трудность пути и плохое питание, не позволял ему приобрести такого испитого и жалкого вида, каким они по справедливости могли гордиться как некоторым совершенством, и он, ещё издали видя их, говорил:

— Опэт идут! Фу, фу, фу! Чэго ходят? Чэго едут? Развэ Россыя тэсна? Нэ понымаю! Очень глупый народ России!

И когда я объяснял ему причины, побудившие глупый русский народ ходить по Крыму в поисках хлеба, он, недоверчиво качая головой, возражал:

— Нэ понимаю! Каковы можно!.. У нас в Грузии нэ бывает таких глупостей!

Мы пришли в Керчь поздно вечером и принуждены были ночевать под мостками с пароходной пристани на берег. Нам не мешало спрятаться: мы знали, что из Керчи, незадолго до нашего прихода, был вывезен весь лишний народ — босяки, мы побаивались, что попадём в полицию; а так как Шахро путешествовал с чужим паспортом, то это могло повести к серьёзным осложнениям в нашей судьбе.

Волны пролива всю ночь щедро осыпали нас брызгами, на рассвете мы вылезли из-под мостков мокрые и иззябшие. Целый день ходили мы по берегу, и всё, что удалось заработать, — это гривенник, полученный мною с какой-то пощады, которой я отнёс мешок дынь с базара.

Нужно было переправиться через пролив в Тамань. Ни один лодочник не соглашался взять нас гребцами на тот берег, как я ни просил об этом. Все были восстановлены против босяков, незадолго перед нами натворивших тут много геройских подвигов, а нас, не без основания, причисляли к их категории.

Когда настал вечер, я, со зла на свои неудачи и на весь мир, решился на несколько рискованную штуку и с наступлением ночи привёл её в исполнение.

IV

Ночью я и Шакро тихонько подошли к таможенной брандвахте, около которой стояли три шлюпки, привязанные цепями к кольцам, ввинченным в каменную стену набережной. Было темно, дул ветер, шлюпки толкались одна о другую, цепи звенели... Мне было удобно раскатать кольцо и выдернуть его из камня.

Над нами, на высоте аршин пяти, ходил таможенный солдат-часовой и насвистывал сквозь зубы. Когда он останавливался близко к нам, я прекращал работу, но это было излишней осторожностью, он не мог предположить, что внизу человек сидит по горло в воде. К тому же цепи звучали непрерывно и без моей помощи. Шакро уже растянулся на дне шлюпки и шептал мне что-то, чего я не мог разобрать за шумом волн. Кольцо в моих руках... Волна подхватила лодку и отбросила её от берега. Я держался за цепь и плыл рядом с ней, потом влез в неё. Мы сняли две настовые доски и, укрепив их в уключинах вместо вёсел, поплыли...

Играли волны, и Шакро, сидевший на корме, то пропадал из моих глаз, проваливаясь вместе с кормой, то подымался высоко надо мной и, крича, почти падал на меня. Я посоветовал ему не кричать, если он не хочет, чтобы часовой услышал его. Тогда он замолчал. Я видел белое пятно на месте его лица. Он всё время держал руль. Нам некогда было перемениться ролями, и мы боялись переходить по лодке с места на место. Я кричал ему, как ставить лодку, и он, сразу понимая меня, делал всё так быстро, как будто родился моряком. Доски, заменявшие вёсла, мало помогали мне. Ветер дул в корму нам, и я мало заботился о том, куда нас несёт, стараясь только, чтобы нос стоял поперёк пролива. Это было легко установить, так как ещё были видны огни Керчи. Волны заглядывали к нам через борта и сердито шумели; чем дальше выносило нас в пролив, тем они становились выше. Вдали слышался уже рёв, дикий и грозный... А лодка всё неслась — быстрее и быстрее, было очень трудно держать курс. Мы то и дело проваливались в

глубокие ямы и взлетали на водяные бугры, а ночь становилась всё темней, тучи опускались ниже. Огни за кормой пропали во мраке, и тогда стало страшно. Казалось, что пространство гневной воды не имело границ. Ничего не было видно, кроме волн, летевших из мрака. Они вышибли одну доску из моей руки, я сам бросил другую на дно лодки и крепко схватился обеими руками за борта. Шакро выл диким голосом каждый раз, как лодка подпрыгивала вверх. Я чувствовал себя жалким и бессильным в этом мраке, окружённый разгневанной стихией и оглушаемый её шумом. Без надежды в сердце, охваченный злым отчаянием, я видел вокруг только эти волны с беловатыми гривами, рассыпавшимися в солёные брызги, и тучи надо мной, густые, лохматые, тоже были похожи на волны... Я понимал лишь одно: всё, что творится вокруг меня, может быть неизмеримо сильнее и страшнее, и мне было обидно, что оно сдерживается и не хочет быть таким. Смерть неизбежна. Но этот бесстрастный, всё нивелирующий закон необходимо чем-нибудь скрашивать — уж очень он тяжёл и груб. Если бы мне предстояло сгореть в огне или утонуть в болотной трясине, я постарался бы выбрать первое — всё-таки как-то приличнее.

— Поставим парус! — крикнул Шакро...

— Где он? — спросил я.

— Из моего чэкмэня...

— Бросай его сюда! Не выпускай руля!..

Шакро молча завозился на корме.

— Дэржы!..

Он бросил мне свой чекмень. Кое-как ползая по дну лодки, я оторвал от наста ещё доску, надел на неё рукав плотной одежды, поставил её к скамье лодки, припёр ногами и только что взял в руки другой рукав и полу, как случилось нечто неожиданное... Лодка прыгнула как-то особенно высоко, потом полетела вниз, и я очутился в воде, держа в одной руке чекмень, а другой уцепившись за верёвку, протянутую по внешней стороне борта. Волны с шумом прыгали через мою голову, я глотал солёно-горькую воду. Она наполнила мои уши, рот, нос... Крепко вцепившись руками в верёвку, я поднимался и опускался на воде, стучаясь головой о борт, и, вскинув чекмень на дно лодки, старался вспрыгнуть на него сам. Одно из десятка моих усилий удалось, я оседлал лодку и тотчас же увидел Шакро, который кувыркался в воде, уцепившись обеими руками за ту же верёвку, которую я только что выпустил. Она, оказалось, обходила всю лодку кругом, продетая в железные кольца бортов.

— Жив! — крикнул я ему.

Он высоко подпрыгнул над водой и также брякнулся на дно лодки. Я подхватил его, и мы очутились лицом к лицу друг с другом. Я сидел на лодке, точно на коне, всунув ноги в бечёвки, как в стремена, — но это было ненадёжно: любая волна легко могла выбить меня из седла. Шакро уцепился руками за мои колени и ткнулся головой мне в грудь. Он весь дрожал, и я чувствовал, как тряслись его челюсти. Нужно было что-то делать! Дно было скользко, точно смазанное маслом. Я сказал Шакро, чтоб он спускался снова в воду, держась за верёвки с одного борта, а я так же устроюсь на другом. Вместо ответа он начал толкать меня головой в грудь. Волны в дикой пляске то и дело прыгали через нас, и мы еле держались; одну ногу мне страшно резало верёвкой. Всюду в поле зрения рождались высокие бугры воды и с шумом исчезали.

Я повторил сказанное уже тоном приказания. Шакро ещё сильнее стал стучать меня своей головой в грудь. Медлить было нельзя. Я оторвал от себя его руки одну за другой и стал толкать его в воду, стараясь, чтоб он задел своими руками за верёвки. И тут произошло нечто, испугавшее меня больше всего в эту ночь.

— Топишь мэня? — прошептал Шакро и взглянул мне в лицо. Это было действительно страшно! Страшен был его вопрос, ещё страшнее тон вопроса, в котором звучала и робкая покорность, и просьба пощады, и последний вздох человека, потерявшего надежду избежать рокового конца. Но ещё страшнее были глаза на мертвенно-бледном мокром лице!.. Я крикнул ему:

— Держись крепче! — и спустился в воду сам, держась за верёвку. Я ударился о что-то ногой и в первый момент не мог ничего понять от боли. Но потом понял. Во мне вспыхнуло что-то горячее, я опьянел и почувствовал себя сильным, как никогда...

— Земля! — крикнул я.

Может быть, великие мореплаватели, открывавшие новые земли, кричали при виде их это слово с большим чувством, чем я, но сомневаюсь, чтоб они могли кричать громче меня. Шакро завыл и бросился в воду. Но оба быстро охладели: воды было ещё по грудь нам, и нигде не виделось каких-либо более существенных признаков сухого берега. Волны здесь были слабее и уже не прыгали, а лениво перекачивались через нас. К счастью, я не выпустил из рук шлюпки. И вот мы с Шакро стали по её бортам и, держась за спасательные верёвки, осторожно пошли куда-то, ведя за собой лодку. Шакро бормотал что-то и смеялся. Я озабоченно поглядывал вокруг. Было темно. Сзади и справа

от нас шум волн был сильнее, впереди и влево — тише; мы пошли влево. Почва была твёрдая, песчаная, но вся в ямах; иногда мы не доставали дна и гребли ногами и одной рукой, другой держась за лодку; иногда воды было только по колено. На глубоких местах Шакро выл, а я дрожал в страхе. И вдруг — спасение! — впереди нас засверкал огонь...

Шакро заорал что есть мочи; но я твёрдо помнил, что лодка казённая, и тотчас же заставил его вспомнить об этом. Он замолчал, но через несколько минут раздались его рыдания. Я не мог успокоить его — нечем было.

Воды становилось всё меньше... по колено... по щиколотки... Мы всё тащили казенную лодку; но тут у нас не стало сил, и мы бросили её. На пути у нас лежала какая-то чёрная коряга. Мы перепрыгнули через неё — и оба босыми ногами попали в какую-то колючую траву. Это было больно и со стороны земли — негостеприимно, но мы не обращали на это внимания и побежали на огонь. Он был в версте от нас и, весело пылая, казалось, смеялся навстречу нам.

V

...Три громадные, кудлатые собаки, выскочив откуда-то из тьмы, бросились на нас. Шакро, всё время судорожно рыдавший, взвыл и упал на землю. Я швырнул в собак мокрым чекменём и наклонился, шаря рукой камня или палки. Ничего не было, только трава колола руки. Собаки дружно насакивали. Я засвистал что есть мочи, вложив в рот два пальца. Они отскочили, и тотчас же послышался топот и говор бегущих людей.

Через несколько минут мы были у костра в кругу четырёх чабанов, одетых в овчины шерстью вверх.

Двое сидели на земле и курили, один — высокий, с густой чёрной бородой и в казацкой папахе — стоял сзади нас, опершись на палку с громадной шишкой из корня на конце; четвёртый, молодой русский парень, помогал плакавшему Шакро раздеваться. Саженьх в пяти от нас земля на большом пространстве была покрыта толстым пластом чего-то густого, серого и волнообразного, похожего на весенний, уже начавший таять снег. Только долго и пристально всматриваясь, можно было разобрать отдельные фигуры овец, плотно прильнувших одна к другой. Их было тут несколько тысяч, сдавленных сном и мраком ночи в густой, тёплый и толстый пласт, покрывавший степь. Иногда они блеяли жалобно и пугливо...

Я сушил чекмень над огнём и говорил чабанам всё по правде, рассказал и о способе, которым добыл лодку.

— Где ж она, та лодка? — спросил меня суровый седой старик, не сводивший с меня глаз.

Я сказал.

— Пойди, Михал, взглянь!..

Михал — тот, чернобородый — вскинул палку на плечо и отправился к берегу.

Шакро, дрожавший от холода, попросил меня дать ему тёплый, но ещё мокрый чекмень, но старик сказал:

— Годи! Побегай прежде, чтоб разогреть кровь. Беги круг костра, ну!

Шакро сначала не понял, но потом вдруг сорвался с места и, голый, начал танцевать дикий танец, мячиком перелетая через костёр, кружась на одном месте, топая ногами о землю, крича во всю мочь, размахивая руками. Это была утомительная картина. Двое чабанов покатывались по земле, хохоча во всё горло, а старик с серьёзным, невозмутимым лицом старался отбивать ладонями такт пляски, но не мог его уловить, присматривался к танцу Шакро, качая головой и шевеля усами, и всё покрикивал густым басом:

— Гай-га! Так, так! Гай-га! Буц, буц!

Освещённый огнём костра, Шакро извивался змеей, прыгал на одной ноге, выбивал дробь обеими, и его блестящее в огне тело покрывалось крупными каплями пота, они казались красными, как кровь.

Теперь уже все трое чабанов били в ладони, а я, дрожа от холода, сушился у костра и думал, что переживаемое приключение сделало бы счастливым какого-нибудь поклонника Купера и Жюля Верна: кораблекрушение, и гостеприимные аборигены, и пляска дикаря вокруг костра...

Вот Шакро уже сидит на земле, закутанный в чекмень, и ест что-то, поглядывая на меня чёрными глазами, в которых искрилось нечто, возбуждавшее во мне неприятное чувство. Его одежда сушилась, повешенная на палки, воткнутые в землю около костра. Мне тоже дали есть хлеба и солёного сала.

Пришёл Михал и молча сел рядом со стариком.

— Ну? — спросил старик.

— Есть лодка! — кратко сказал Михал.

— Её не смоешь?

— Нет!

И они все замолчали, разглядывая меня.

— Что ж, — спросил Михал, ни к кому, собственно, не обращаясь, — свести их в станицу к атаману? А может, — прямо к таможенным?

Ему не ответили. Шакро ел спокойно.

— Можно к атаману свести... и к таможенным тоже... И то гарно, и другое, — сказал, помолчав, старик.

— Погоди, дед... — начал я.

Но он не обратил на меня никакого внимания.

— Вот так-то! Михал! Лодка там?

— Эге, там...

— Что ж... её не смоеет вода?

— Ни... не смоеет.

— Так и пускай её стоит там. А завтра лодочники поедут до Керчи и захватят её с собой. Что ж бы им не захватить пустую лодку? Э? Ну вот... А теперь вы... хлопцы-рванцы... того... як его?.. Не боялись вы оба? Нет? Те-те!.. А ещё бы полверсты, то и быть бы вам в море. Что ж бы вы поделали, коли б выкинуло в море? А? Утонули бы, как топоры, оба!.. Утонули бы, и — всё тут.

Старик замолчал и с насмешливой улыбкой в усах взглянул на меня.

— Что ж ты молчишь, парнюга?

Мне надоели его рассуждения, которые я, не понимая, принимал за издевательство над нами.

— Да вот слушаю тебя! — сказал я довольно сердито.

— Ну, и что ж? — поинтересовался старик.

— Ну, и ничего.

— А чего ж ты дразнишься? Разве то порядок дразнить старшего, чем сам ты?

Я промолчал.

— А есть ты не хочешь ещё? — продолжал старик.

— Не хочу.

— Ну, не ешь. Не хочешь — и не ешь. А может, на дорогу взял бы хлеба?

Я вздрогнул от радости, но не выдал себя.

— На дорогу взял бы... — спокойно сказал я.

— Эге!.. Так дайте ж им на дорогу хлеба и сала там... А может, ещё что есть? то и этого дайте.

— А разве ж они пойдут? — спросил Михал. Остальные двое подняли глаза на старика.

— А чего ж бы им с нами делать?

— Да ведь к атаману мы их хотели... а то — к таможенным... — разочарованно заявил Михал.

Шакро завозился около костра и любопытно высунул голову из чекменя. Он был спокоен.

— Что ж им делать у атамана? Нечего, пожалуй, им у него делать. После уж они пойдут к нему... коли захотят.

— А лодка как же? — не уступал Михал.

— Лодка? — переспросил старик. — Что ж лодка? Стоит она там?

— Стоит... — ответил Михал.

— Ну, и пусть её стоит. А утром Ивашка сгонит её к пристани... там её возьмут до Керчи. Больше и нечего делать с лодкой.

Я пристально смотрел на старого чабана и не мог уловить ни малейшего движения на его флегматичном, загорелом и обветренном лице, по которому прыгали тени от костра.

— А не вышло бы греха какого часом... — начал сдаваться Михал.

— Коли ты не дашь воли языку, то греха не должно бы, пожалуй, выйти. А если их довести до атамана, то это, думаю я, беспокойно будет и нам и им. Нам надо своё дело делать, им — идти. Эй! Далеко ещё вам идти? — спросил старик, хотя я уже говорил ему, как далеко.

— До Тифлиса...

— Много пути! Вот видишь, а атаман задержит их; а коли он задержит, когда они придут? Так уж пусть же они идут себе, куда им дорога. А?

— А что ж? Пускай идут! — согласились товарищи старика, когда он, кончив свои медленные речи, плотно сжал губы и вопросительно оглянул всех их, крутя пальцами свою сивую бороду.

— Ну, так идите же к Богу, ребята! — махнул рукой старик. — А лодку мы отправим на место. Так ли?

— Спасибо тебе, дед! — скинул я шапку.

— А за что ж спасибо?

— Спасибо, брат, спасибо! — взволнованно повторил я.

— Да за что ж спасибо? Вот чудно! Я говорю — идите к Богу, а он мне — спасибо! Разве ты боялся, что я к дьяволу тебя пошлю, э?

— Был грех, боялся!.. — сказал я.

— О!.. — И старик поднял брови. — Зачем же мне направлять человека по дурному пути? Уж лучше я его по тому пошлю, которым сам иду. Может быть, ещё встретимся, так уж — знакомы будем. Часом помочь друг другу придётся... До свидки!..

Он снял свою мохнатую баранью шапку и поклонился нам. Поклонились и его товарищи. Мы спросили дорогу на Анапу и пошли. Шакро смеялся над чем-то...

VI

— Ты что смеёшься? — спросил я его.

Я был в восхищении от старого чабана и его жизненной морали, я был в восхищении и от свежего предрассветного ветерка, веявшего прямо нам в грудь, и оттого, что небо очистилось от туч, скоро на ясное небо выйдет солнце и родится блестящий красавец день...

Шакро хитро подмигнул мне глазом и расхохотался ещё сильнее. Я тоже улыбался, слыша его весёлый, здоровый смех. Два-три часа, проведённые нами у костра чабанов, и вкусный хлеб с салом оставили от утомительного путешествия только лёгонькую ломоту в костях; но это ощущение не мешало нашей радости.

— Ну, чего ж ты смеёшься? Рад, что жив остался, да? Жив, да ещё и сыт?

Шакро отрицательно мотнул головой, толкнул меня локтем в бок, сделал мне гримасу, снова расхохотался и наконец заговорил своим ломаным языком:

— Нэ панымаишь, почэму смэшно? Нэт? Сэчас будишь знат! Знаишь, что я сдэлал бы, когда бы нас павэли к этому атаману-таможану? Нэ знаишь? Я бы сказал про тэбя: он мэня утопить хотэл! И стал бы плакать. Тогда бы мэня стали жалэтэ и не посадыли бы в турму! Панымаишь?

Я хотел сначала понять это как шутку, но — увы! — он сумел меня убедить в серьёзности своего намерения. Он так основательно и ясно убеждал меня в этом, что я, вместо того чтобы взбеситься на него за этот наивный цинизм, преисполнился к нему чувством глубокой жалости. Что иное можно чувствовать к человеку, который с светлейшей улыбкой и самым искренним тоном рассказывает тебе о своём намерении убить тебя? Что с ним делать, если он смотрит на этот поступок как на милую, остроумную шутку?

Я с жаром пустился доказывать Шакро всю безнравственность его намерения. Он очень просто возражал мне, что я не понимаю его выгод, забываю о проживании по чужому билету и о том, что за это — не хвалят...

Вдруг у меня блеснула одна жестокая мысль...

— Погоди, — сказал я, — да ты веришь в то, что я действительно хотел топить тебя?

— Нэт!.. Когда ты мэня в воду толкал — взрил, когда сам ты пошёл — нэ взрил!

— Слава Богу! — воскликнул я. — Ну, и за это спасибо!

— Нэт, нэ гавари спасыбо! Я тэбэ скажу спасыбо! Там, у ко-стра, тэбэ холодно было, мне холодно было... Чэкмэнь твой, — ты нэ взял его сэбэ. Ты его высушил, дал мне. А сэбэ ничэго нэ взял. Вот тэбэ спасыбо! Ты очэнь хороший человек — я панымаю. Придем в Тыфлыс, — за всё получишь. К отцу тэбя павэду. Скажу отцу — вот человек! Карми его, пой его, а мэня — к ишкаам в хлэв! Вот как скажу! Жить у нас будэшь, садовником будэшь, пить будэшь вино, есть чэго хочэшь!.. Ах, ах, ах!.. Очень харашо будэт тэбе жить! Очэнь про-сто!.. Пей, ешь из адной чашка со мной!..

Он долго и подробно рисовал прелести жизни, которую собирался устроить мне у себя в Тифлисе. А я под его говор думал о великом несчастье тех людей, которые, вооружившись новой моралью, новыми желаниями, одиноко ушли вперёд и встречаются на дороге своей спутников, чуждых им, неспособных понимать их... Тяжела жизнь таких одиноких! Они — над землёй, в воздухе... Но они носятся в нём, как семена добрых злаков, хотя и редко сгнивают в почве плодотворной...

Светало. Даль моря уже блестела розоватым золотом.

— Я спать хочу! — сказал Шакро.

Мы остановились. Он лёг в яму, вырытую ветром в сухом песке недалеко от берега, и, с головой закутавшись в чекмень, скоро заснул. Я сидел рядом с ним и смотрел в море.

Оно жило своей широкой жизнью, полной мощного движения. Стаи волн с шумом катились на берег и разбивались о песок, он слабо шипел, впитывая воду. Взмахивая белыми гривами, передовые волны с шумом ударялись грудью о берег и отступали, отражённые им, а их уже встречали другие, шедшие поддержать их. Обнявшись крепко, в пене и брызгах, они снова катились на берег и били его в стремлении расширить пределы своей жизни. От горизонта до берега, на всём протяжении моря, рождались эти гибкие и сильные волны и всё шли, шли плотной массой, тесно связанные друг с другом единством цели... Солнце всё ярче освещало их хребты, у далёких волн, на горизонте, они казались кроваво-красными. Ни одной капли не пропадало бесследно в этом титаническом движении водной массы, которая, казалось, воодушевлена какой-то сознательной целью и вот —

достигает её этими широкими, ритмичными ударами. Увлекательна была красивая храбрость передовых, задорно прыгавших на молчаливый берег, и хорошо было смотреть, как вслед за ними спокойно и дружно идёт всё море, могучее море, уже окрашенное солнцем во все цвета радуги и полное сознания своей красоты и силы...

Из-за мыса, рассекая волны, выплыл громадный пароход и, важно качаясь на взволнованном лоне моря, понёсся по хребтам волн, бешено бросавшихся на его борта. Красивый и сильный, блестящий на солнце своим металлом, в другое время он, пожалуй, мог бы навести на мысль о гордом творчестве людей, поражающих стихии... Но рядом со мной лежал человек-стихия.

VII

Мы шли по Терской области. Шакро был растрёпан и оборван на диво и был чертовски зол, хотя уже не голодал теперь, так как заработка было достаточно. Он оказался неспособным к какой-либо работе. Однажды попробовал стать к молотилке отгребать солому и через полдня сошёл, натерев граблями кровавые мозоли на ладонях. Другой раз стали корчевать держидерево, и он сорвал себе мотыгой кожу с шеи.

Шли мы довольно медленно, — два дня работаешь, день идёшь. Ел Шакро крайне несдержанно, и, по милости его чревоугодия, я никак не мог скопить столько денег, чтоб иметь возможность приобрести ему какую-либо часть костюма. А у него все части — были сонмищем разнообразных дыр, кое-как связанных разноцветными заплатами.

Однажды в какой-то станице он вытащил из моей котомки с большим трудом, тайно от него скопленные пять рублей и вечером явился в дом, где я работал в огороде, пьяный и с какой-то толстой бабой-казачкой, которая поздоровалась со мной так:

— Здравствуй, еретик проклятый!

А когда я, удивлённый таким эпитетом, спросил её, — почему же я еретик? — она с апломбом ответила мне:

— А потому, дьявол, что запрещаешь парню женский пол любить! Разве ты можешь запрещать, коли закон позволяет?.. Анафема ты!..

Шакро стоял рядом с ней и утвердительно кивал головой. Он был очень пьян, и когда делал какое-либо движение, то весь развинченно качался. Нижняя губа у него отвисла. Тусклые глаза смотрели мне в лицо бессмысленно-упорно.

— Ну, ты, чего ж вытаращил zenки на нас? Давай его деньги! — закричала храбрая баба.

— Какие деньги? — изумился я.

— Давай, давай! А то я тебя в войсковую сведу! Давай те полтора ста рублей, что взял у него в Одессе!

Что мне было делать? Чёртова баба с пьяных глаз в самом деле могла пойти в войсковую избу, и тогда станичное начальство, строгое к разному странствующему люду, арестовало бы нас. Кто знает, что могло выйти из этого ареста для меня и Шакро! И вот я начал дипломатически обходить бабу, что, конечно, стоило не больших усилий. Кое-как при помощи трёх бутылок вина я умиротворил её. Она свалилась на землю между арбузов и заснула. Я уложил Шакро, а рано утром другого дня мы с ним вышли из станицы, оставив бабу с арбузами.

Полубольной с похмелья, с измятым и опухшим лицом, Шакро ежеминутно плевался и тяжело вздыхал. Я пробовал разговаривать с ним, но он не отвечал мне и только поматывал своей кудлатой головой, как баран.

Мы шли узкой тропинкой, по ней взад и вперёд ползали маленькие красные змейки, извиваясь у нас под ногами. Тишина, царившая вокруг, погружала в мечтательно-дремотное состояние. Следом за нами по небу медленно двигались чёрные стаи туч. Сливаясь друг с другом, они покрыли всё небо сзади нас, тогда как впереди оно было ещё ясно, хотя уже клочья облаков выбежали в него и резво неслись куда-то вперёд, обгоняя нас. Далеко где-то рокотал гром, его ворчливые звуки всё приближались. Падали капли дождя. Трава металлически шелестела.

Нам негде было укрыться. Вот стало темно, и шелест травы зазвучал громче, испуганно. Грянул гром — и тучи дрогнули, охваченные синим огнём. Крупный дождь полился ручьями, и один за другим удары грома начали непрерывно рокотать в пустынной степи. Трава, сгибаемая ударами ветра и дождя, ложилась на землю. Всё дрожало, волновалось. Молнии, слепя глаза, рвали тучи... В голубом блеске их вдали вставала горная цепь, сверкая синими огнями, серебряная и холодная, а когда молнии гасли, она исчезала, как бы проваливаясь в тёмную пропасть. Всё гремело, вздрагивало, отталкивало звуки и родило их. Точно небо, мутное и гневное, огнём очищало себя от пыли и всякой мерзости, поднявшейся до него с земли, и земля, казалось, вздрагивала в страхе пред гневом его.

Шакро ворчал, как испуганная собака. А мне было весело, я как-то приподнялся над обыкновенным, наблюдая эту могучую мрачную картину степной грозы. Дивный хаос увлекал и настраивал на героический лад, охватывая душу грозной гармонией...

И мне захотелось принять участие в ней, выразить чем-нибудь переполнившее меня чувство восхищения перед этой силой. Голубое пламя, охватывавшее небо, казалось, горело и в моей груди; и — чем мне было выразить моё великое волнение и мой восторг? Я запел — громко, во всю силу. Ревел гром, блистали молнии, шуршала трава, а я пел и чувствовал себя в полном родстве со всеми звуками... Я — безумствовал; это простительно, ибо не вредило никому, кроме меня. Буря на море и гроза в степи! Я не знаю более грандиозных явлений в природе.

Итак, я кричал, будучи твёрдо уверен, что не беспокою никого таким поведением и никого не поставлю в необходимость подвергнуть строгой критике мой образ действий. Но вдруг меня сильно дёрнуло за ноги, и я невольно сел в лужу...

В лицо мне смотрел Шакро серьёзными и гневными глазами.

— Ты сошёл с ума? Нэ сошёл? Нэт? Ну, заамалчи! Нэ кричи! Я тэбэ разорву глотку! Панымаишь?

Я изумился и сначала спросил его, чем я ему мешаю...

— Пугаишь! Понял? Гром гремит — Бог говорит, а ты арэшь... Что ты думаишь?

Я заявил ему, что я имею право петь, если хочу, равно как и он.

— А я нэ хачу! — категорически сказал он.

— Не пой! — согласился я.

— И ты нэ пой! — строго внушал Шакро.

— Нет, я уж лучше буду...

— Послушай, — что ты думаишь? — гневно заговорил Шакро. — Кто ты такой? Есть у тэбэ дом? Есть у тэбэ мать? Отэц? Есть родные? Зэмли? Кто ты на зэмле? Ты — человек, думаишь? Это я человек! У менэ всё есть!.. — Он постукал себя в грудь. — Я князь!.. А ты... ты — нычего! Нычего нэт! А мэнэ знаит Кутаис, Тыфлыс!.. Панымаишь? Ты нэ иди протыв мэнэ! Ты мне служишь? — Будышь доволен! Я заплачу тэбэ дэсятъ раз! Ты так дэлаешь мне? Ты нэ можишь дэлатъ иное; ты сам гаварыл, что Бог вэлел служить всем бэз награда! Я тэбэ награжу! Зачэм ты мэнэ мучаишь! Учишь, пугаишь? Хочешь, чтобы я был как ты? Это нэ харашо! Эх, эх, эх!.. Фу, фу!..

Он говорил, чмокал, фыркал, вздыхал... Я смотрел ему в лицо, разинув рот от изумления. Он, очевидно, выливал предо мной все возмущения, обиды и недовольства мною, накопленные за всё время нашего путешествия. Для вящей убедительности он тыкал мне пальцем в грудь и тряс меня за плечо, а в особенно сильных местах налезал на меня всей своей тушей. Нас поливал дождь, над нами непрерывно грохотал гром, и Шакро, чтоб быть услышанным мною, кричал во всё горло.

Трагикомизм моего положения выступил предо мной яснее всего и заставил меня расхохотаться что было моих сил...

Шакро, плюнув, отвернулся от меня.

VIII

...Чем ближе мы подходили к Тифлису, тем Шакро становился сосредоточеннее и угрюмее. Что-то новое появилось на его исхудалом, но всё-таки неподвижном лице. Недалеко от Владикавказа мы зашли в черкесский аул и подрядились там собирать кукурузу.

Проработав два дня среди черкесов, которые, почти не говоря по-русски, беспрестанно смеялись над нами и ругали нас по-своему, мы решили уйти из аула, испуганные всё возраставшим среди аульников враждебным отношением к нам. Отойдя вёрст десять от аула, Шакро вдруг вытащил из-за пазухи свёрток лезгинской кисеи и с торжеством показал мне, воскликнув:

— Больши нэ надо работать! Продадым — купым всего! Хватит до Тыфылса! Панымаишь?

Я был возмущён до бешенства, вырвав кисею, бросил её в сторону и оглянулся назад. Черкесы не шутят. Незадолго пред этим мы слышали от казаков такую историю: один босяк, уходя из аула, где работал, захватил с собой железную ложку. Черкесы догнали его, обыскали, нашли при нём ложку и, распоров ему кинжалом живот, сунули глубоко в рану ложку, а потом спокойно уехали, оставив его в степи, где казаки подняли его полуживым. Он рассказал это им и умер на дороге в станицу. Казаки не однажды строго предостерегали нас от черкесов, рассказывая поучительные истории в этом духе, — не верить им я не имел основания.

Я стал напоминать Шакро об этом. Он стоял предо мной, слушал и вдруг, молча, оскалив зубы и сощулив глаза, кошкой бросился на меня. Минут пять мы основательно колотили друг друга, и, наконец, Шакро с гневом крикнул мне:

— Будэт!..

Измученные, мы долго молчали, сидя друг против друга... Шакро жалко посмотрел туда, куда я швырнул краденую кисею, и заговорил:

— За что дрались? Фа, фа, фа!.. Очэнь глупо. Развэ я у тэбэ украл? Что тэбэ — жалко? Минэ тэбэ жалко, патаму и украл... Работайшэ ты, я нэ умэю... Что минэ делать? Хотэл помочь тэбэ...

Я попытался объяснить ему, что есть кража...

— Пожалуйста, ма-алчи! У тэбэ галава как дерево... — презрительно отнёсся он ко мне и объяснил: — Умирать будишь — воровать будишь? Ну! А развэ это жизнь? Малчи!

Боясь снова раздражить его, я молчал. Это был уже второй случай кражи. Ещё раньше, когда мы были в Черноморье, он стащил у греков-рыбаков карманные весы. Тогда мы тоже едва не подрались.

— Ну, — идём далшэ? — сказал он, когда оба мы несколько успокоились, примирились и отдохнули.

Пошли дальше. Он с каждым днём становился всё мрачней и смотрел на меня странно, исподлобья. Как-то раз, когда мы уже прошли Дарьяльское ущелье и спускались с Гудаура, он заговорил:

— Дэнь-два пройдёт — в Тыфлыс придём. Цце, цце! — почмокал он языком и расцвёл весь. — Приду домой, — гдэ был? Путэ-шествовал! В баню пайду... ага! Есть буду много... ах, много! Скажу матэри — очэнь хачу есть! Скажу отцу — просты мэнэ! Я видэл мынога горя, жизнь видэл, — разный! Босяки очэнь харроший народ! Встрэчу когда, дам рубль, павэду в духан, скажу — пей вино, я сам был босяк! Скажу отцу про тэбэ... Вот человек, — был минэ как старший брат... Учил мэнэ. Бил мэнэ, собака!.. Кормил. Тэперь, скажу, корми ты его за это. Год корми! Год корми — вот сколько! Слышишь, Максим?

Я любил слушать, когда он говорил так; он приобретал в такие моменты нечто простое и детское. Такие речи были мне и потому интересны, что я не имел в Тифлисе ни одного человека знакомого, а близилась зима — на Гудауре нас уже встретила вьюга. Я надеялся немного на Шакро.

Мы шли быстро. Вот и Мцхет — древняя столица Иберии. Завтра придём в Тифлис.

Ещё издали, вёрст за пять, я увидел столицу Кавказа, сжатую между двух гор. Конец пути! Я был рад чему-то, Шакро — равнодушен. Он тупыми глазами смотрел вперёд и сплёвывал в сторону голодную слюну, то и дело с болезненной grimасой хвата-

ясь за живот. Это он неосторожно поел сырой моркови, нарван-
ной по дороге.

— Ты думаешь, я — грузински дыварянин — пайду в мой го-
род днём такой, рваный, грязный? Нэ-эт!.. Мы падаждём вэчера.
Стой!

Мы сели у стены какого-то пустого здания и, свернув по по-
следней папироске, дрожа от холода, покурили. С Военно-Гру-
зинской дороги дул резкий и сильный ветер. Шакро сидел, на-
певая сквозь зубы грустную песню... Я думал о тёплой комнате
и других преимуществах оседлой жизни пред жизнью кочевой.

— Идём! — поднялся Шакро с решительным лицом. Стемне-
ло. Город зажигал огни. Это было красиво: огоньки постепенно,
один за другим, выпрыгивали откуда-то во тьму, окутавшую до-
лину, в которую спрятался город.

— Слушай! ты дай мэнэ этот башлык, чтоб я закрыл лицо... а
то узнают мэнэ знакомые, может быть...

Я дал башлык. Мы идём по Ольгинской улице. Шакро на-
свистывает нечто решительное.

— Максим! Видишь станцию конки — Верийский мост? Сы-
ди тут, жди! Пожалуста, жди! Я зайду в адын дом, спрошу това-
рища про своих, отца, мать...

— Ты недолго?

— Сэйчас! Адын момэнт!..

Он быстро сунулся в какой-то тёмный и узкий переулок и
исчез в нём — навсегда.

Я никогда больше не встречал этого человека — моего спут-
ника в течение почти четырёх месяцев жизни, но я часто вспо-
минаю о нём с добрым чувством и весёлым смехом.

Он научил меня многому, чего не найдёшь в толстых фоли-
антах, написанных мудрецами, — ибо мудрость жизни всегда
глубже и обширнее мудрости людей.

1894

Вопросы и задания

?

1. Подберите ключевые слова, с помощью которых устно нарисуйте портрет рассказчика.
2. Дайте характеристику образу рассказчика и сопоставьте его с характером Шакро.

3. Кажется ли вам правдоподобной история Шакро?
4. Почему рассказчик решил помочь своему новому знакомому? Найдите ответ на этот вопрос в тексте и прочитайте его. Дайте свой комментарий.
5. Чем принципиально разнятся взгляды Шакро и Максима? Кто из персонажей, с вашей точки зрения, прав? Почему?
6. Какой предстаёт перед читателем жизнь на Кавказе в рассказах героя? Как вы думаете, достоверная ли это картина? Или взгляд героя субъективен?
7. Как развивается конфликт в рассказе? Каково разрешение этого конфликта? Соответствует ли развязка вашим ожиданиям или расходится с ними?
8. Прочитайте слова рассказчика. О чём они? Как все три фрагмента связаны с идеей рассказа?

«Это мой спутник... Я могу бросить его здесь, но не могу уйти от него, ибо имя ему — легион... Это спутник всей моей жизни... он до гроба проводит меня...»

«А я под его говор думал о великом несчастье тех людей, которые, вооружившись новой моралью, новыми желаниями, одиноко ушли вперёд и встречаются на дороге своей спутников, чуждых им, неспособных понимать их... Тяжела жизнь таких одиноких! Они — над землёй, в воздухе... Но они носятся в нём, как семена добрых злаков, хотя и редко сгнивают в почве плодотворной...»

«Он научил меня многому, чего не найдёшь в толстых фолиантах, написанных мудрецами, — ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнее мудрости людей».

9. Какова художественная роль пейзажных сцен в рассказе?
10. Определите художественные средства, которые использованы в описаниях природы. Какие черты романтизма нашли отражение в пейзажных сценах? Проанализируйте один из фрагментов.

Для вас, любознательные

Рассказ «Мой спутник» написан М. Горьким в 1894 году и впервые был опубликован тогда же в «Самарской газете» в декабре месяце (с 11 по 31 декабря).

В основу положен один из эпизодов путешествия М. Горького пешком из Одессы в Тифлис осенью 1891 года с неким Цулукидзе, послужившим прототипом князя Шакро.

Рассказ включался во все собрания сочинений писателя.

Ознакомьтесь с высказываниями М. Горького о человеке и русском языке. Какое из них наиболее близко вам? Свой ответ аргументируйте.

* * *

«Я знаю русский народ и не склонен преувеличивать его достоинства, но я убеждён, я верю — этот народ может внести в духовную жизнь земли и нечто своеобразное и глубокое, нечто важное для всех».

«Никакая иная сила не делает человека великим и мудрым, как это делает сила труда, коллективного, дружного, свободного труда».

«По-моему, человек живёт, пока любит, а если он людей не любит, так зачем он нужен!»

«Превратить слово в дело гораздо труднее, чем дело в слово. Мало сказать: не делай так. Надо ещё прибавить: вот так делай».

«Чем больше знает человек, тем он сильнее».

«Правда всегда несколько обидна, но она же и полезна всегда».

«Любовь — это желание жить».

* * *

«Русский язык неисчерпаемо богат и всё обогащается с-быстротой поражающей».

«Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью, крепостью».

«Нужно, чтоб слова изнутри человека, а не извне наклеивались на него. Это поймать надо, и, когда это будет поймано, тогда органичность произведения явится сама собой, явится язык сильный своей красочностью, потому что наш русский язык в высшей степени благодарен в этом отношении, ярок, удивительно чётко и компактен».

«Уместно будет напомнить, что язык создаётся народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой“ язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».

«Всякий материал — а язык особенно — требует тщательного отбора всего лучшего, что в нём есть, ясного, точного, красочного, звучного, и — дальнейшего, любовного развития этого лучшего».

«Я указываю на необходимость делать книги, орудия культурного воспитания, простым и точным языком, вполне доступным пониманию наших читателей. <...> Я возражаю против засорения нашего языка хламом придуманных слов и стою за чёткий образ».

«А писать нужно просто, как будто беседа по душе с милейшим другом, с лучшим человеком, от которого ничего не хочется скрыть, который всё поймёт, всё оценит с полуслова. В простоте слова — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства в них на целые книги».

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

1. Раннее творчество М. Горького: проблематика и художественные особенности.
2. Герои ранних рассказов М. Горького (на примере одного из произведений).
3. М. Горький о языке.
4. Произведения М. Горького в живописи и киноискусстве.

После уроков

1. Подготовьте материал для заочной экскурсии «От Нижнего Новгорода — по Руси», на которой представьте не только схему «хождений» М. Горького, но и книги, фотографии, газетные публикации о тех местах, где побывал писатель.
2. Проведите конкурс на лучший вопрос к викторине «Биография М. Горького (1868—1917)».

Советуем прочитать

Басинский П. Горький. М., 2005 (ЖЗЛ).

Горький и его эпоха. [Сб. статей] М., 1989.

Спиридонова Л.А. М. Горький в жизни и творчестве. М., 2008.

**ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ**

1893—1930

<http://kurokam.ru>

Автобиографии писали многие, но автобиография Владимира Маяковского — нечто особенное. Она состоит из коротеньких, похожих на стихи, сжатых, как пружина, главочек. В них Маяковский иногда с болью, но чаще с юмором рассказывает о себе, о своём превращении из обычного мальчика в поэта. И называется автобиография необычно — «Я сам».

Уже в самом начале сказано главное: «Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом».

А вот как кратко характеризует он состав своей семьи: «Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий), умер в 1906 году.

Мама: Александра Алексеевна. Сёстры:

а) Люда.

б) Оля.

Других Маяковских, по-видимому, не имеется».

О своём образовании он говорит с иронией: «Учила мама и всякоюродные сёстры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счёта. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием». Так же иронично он характеризует свой круг чтения в детстве: «Какая-то „Птичница Агафья“. Если б мне в то время попало несколько таких книг — бросил бы читать совсем. К счастью, вторая — „Дон Кихот“. Вот это книга! Сделал деревянный меч и латы, разил окружающее».

В общем, рос, как росли тысячи его сверстников. Однако появилось в его понимании окружающего что-то неуловимо взрос-

В.К. Маяковский. Отец поэта.
Фотография. 1893 г.

А.А. Маяковская. Мать поэта.
Фотография. 1893 г.

лое очень рано — какое-то обострённое чувство необходимости выбора между правдой и неправдой, добром и злом.

Поражение в русско-японской войне ускорило развитие революционных событий в Российской империи. Они развернулись не только в столицах, но и на окраинах государства. И Грузия не была исключением. В главке «Японская война» читаем: «Появилось слово „прокламация“. Прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки. Мои товарищи грузины. Я стал ненавидеть казаков». Вот какие детские впечатления легли в основу гражданского выбора в будущем. Эти взгляды ещё больше утвердились оттого, что причастной к событиям была старшая сестра, жившая в Москве. В главке с характерным названием «Нелегальщина» Маяковский вспоминает: «Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.

И ещё какое-то, с окончанием:

...а не то путь иной —
к немцам с сыном, с женой и с мамашей...
(о царе).

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове». Последнее замечание — необыкновенно важное. Без него, наверное, гораздо сложнее понять, как и почему именно сформировался своеобразный пафос лирики поэта, его отношение к жизни и художественному слову.

В 1906 году в семье Маяковских случилось горе: «Умер отец. Уколол палец (сшивал бумаги). Заражение крови. С тех пор терпеть не могу булавок. Благополучие кончилось. После похорон отца — у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было». В Москве было несладко. Читаем в главке «Московское»: «С едами плохо. Пенсия — 10 рублей в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню — первый передо мной „большевик“ Вася Канделаки».

Комнату внаём сдавали своим землякам — грузинам, а грузины эти были революционерами. В такую атмосферу попадает мальчишка, из которого жизненные обстоятельства необычно рано сделали вполне взрослого. Снова и снова в автобиографии попадают слова о безденежье, о поисках выхода: «Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10—15 копеек».

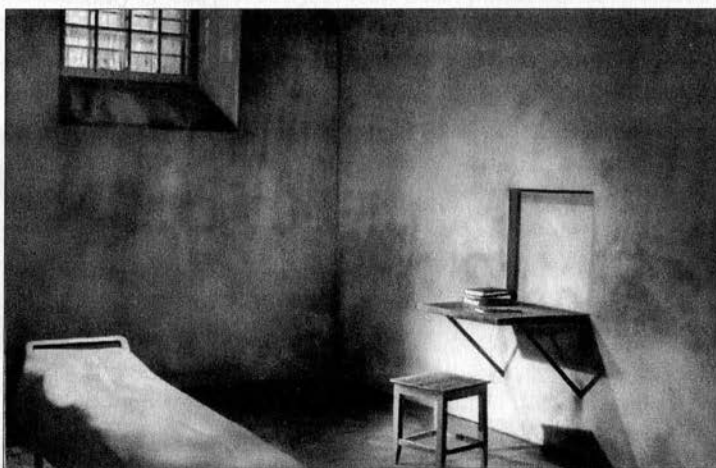
Маяковский рано начал принимать активное участие в политической деятельности. Много объясняет главка «Партия»: «1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошёл к булочникам, потом к сапожникам и наконец к типографщикам. На общегородской конференции выбрали в МК...» В неполные 15 лет Маяковский был не только «большевик», но и член Московского комитета РСДРП — Российской социал-демократической рабочей партии.

Революционная деятельность во все времена была связана с риском. Маяковский ушёл в революционную работу с головой — ничего не умел делать вполнину. За юношей устанавливается полицейское наблюдение. Для своих он «товарищ Константин», для сыщиков — «Высокий». Вскоре следует первый арест: «29 марта 1908 г. нарвался на засаду в Грузинах. Наша нелегальная типография. Ел блокнот. С адресами и в переплёте. Пресненская часть. Охранка. Суцёвская часть. Следователь Вольгановский (очевидно, считал себя хитрым) заставил писать под

диктовку; меня обвиняли в писании прокламации. Я безнадежно перевирал диктанта. Писал: „социальдемкритическая”. Возможно, провёл. Выпустили на поруки. Вышел. С год — партийная работа. И опять кратковременная сидка. Взяли револьвер. Махмудбеков, друг отца, тогда помощник начальника Крестов, арестованный случайно у меня в засаде, заявил, что револьвер его, и меня выпустили». Один из участников событий И. Морчадзе в 1929 году вспоминал: «Во время составления протокола, когда Владимиру Маяковскому пристав задал вопрос, кто он такой и почему пришёл сюда, Маяковский ответил ему каламбуром:

— Я, Владимир Маяковский, пришёл сюда по рисовальной части, отчего я, пристав Мещанской части, нахожу, что Владимир Маяковский виноват отчасти, а посему надо разорвать его на части».

Самым серьёзным оказался третий арест. Ему предшествовали важные события: «Живущие у нас (Коридзе (нелегальн. Морчадзе), Герулайтис и др.) ведут подкоп под Таганку. Освобождать женщин-каторжан. Удалось устроить побег из Новинской тюрьмы. Меня забрали. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть — Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и наконец — Бутырки. Одиночка № 103». Эти одиннадцать месяцев Маяковский оценил как «важнейшее для него время». В царских тюрьмах заключённым разрешали читать книги. Сидя в одиночке, Маяковский «...бросился на беллетристику. Перечёл всё новей-

Одиночная камера № 103 Бутырской тюрьмы в Москве, где был заключён Владимир Маяковский в 1909 г.

шее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрана формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось, так же про другое — нельзя. Вышло ходульно и ревлаксиво. Что-то вроде:

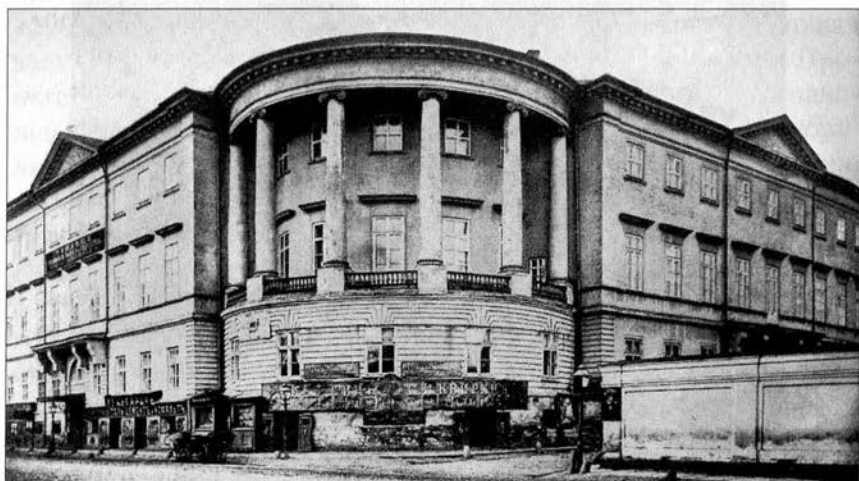
В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я, но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б ещё напечатал!».

Почему же это время было для него «важнейшим»? Маяковский был необыкновенно одарённым человеком: хорошо рисовал, чувствовал потребность выразить себя в поэтическом творчестве. Но оказалось, что нет важнейшего условия для этого — детали — знаний. Оказалось, что время, занятое политикой, лишило возможности заниматься самообразованием и образованием. Именно это он осознал в тюрьме.

По выходе из Бутырок он сделал всё, чтобы наверстать упущенное и начать учиться. «Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества: единственное место, куда приняли без свидетельства о благонадёжности».

Училище было собранием людей, каждый из которых считал себя если не гением, то уж самым талантливым художником.

Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой улице в Москве. Фотография. Начало 1900-х гг.

Давид Бурлюк.
Фотография. 1914 г.

Владимир Маяковский.
Фотография. 1914 г.

Творческие споры, стремление к самовыражению и самореализации — не самая худшая атмосфера для молодых дарований. Она способствует творчеству. В ней быстрее и естественнее проявляется талант. Наряду со способностями живописца у Маяковского проявился талант поэта. Это почувствовал его товарищ, художник и поэт, один из лидеров нового искусства, которое назовут «футуризмом», Давид Бурлюк.

Маяковский вспоминал: «Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: „Да это же вы сами написали! Да вы ж гениальный поэт!“ Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушёл в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом».

В главке «Бурлючье чудачество» Маяковский дорисовывает картину: «Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: „Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский“. Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Ещё и рычал на меня, отойдя: „Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение“».

1. Что показалось вам в автобиографии «Я сам» необычным и интересным?
2. Расскажите об условиях, в которых формировался характер юного Маяковского.
3. Почему впоследствии поэт назвал одиннадцать бутырских месяцев «важнейшим временем»?
4. «Так я стал поэтом», — пишет Маяковский. Как вы думаете, не будь чтения стихов Давиду Бурлюку, Маяковский поэтом уже не стал бы? Свой ответ аргументируйте.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта. Пели будто:

— Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб.

Ветром опита,

льдом обута,

улица скользила.

Лошадь на круп

грохнулась,

и — сразу

за зевакой зевака,

штаны пришедшие Кузнецким клёшить,

сгрудились, смех зазвенел и зазвякал:

— Лошадь упала! —

— Упала лошадь! —

Смеялся Кузнецкий.

Лишь один я

голос свой не вмешивал в вой ему.

Подошёл
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течёт по-своему...

Подошёл и вижу —
за каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть,
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла́,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

1918

1. Чем стихотворение Маяковского показалось вам неожиданным, непохожим на те, которые вы читали прежде?
- 2*. Найдите в стихотворении неологизмы. Определите их функцию в тексте.
3. Что вызывает неприятие поэта? Как вы относитесь к этим явлениям? Есть ли признаки этих явлений в современной жизни?
4. Проанализируйте самостоятельно стихотворение поэта. Обратите внимание на лексику, рифму и ритм, систему образов, поэтический синтаксис, интонацию.
5. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения. На какие детали при чтении необходимо обратить особое внимание, чтобы текст звучал ярко, не потерял своей неповторимости и образности? Назовите ключевые слова, которые передали бы ваше понимание того, как следует читать стихотворение.

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

1. Маяковский-художник.
2. Художественные особенности поэзии В. Маяковского.
3. Что мне нравится в творчестве Маяковского?
4. В. Маяковский и футуризм.

Подготовьте и проведите конкурс-викторину «Москва в изображении В. Маяковского».

<http://kurokam.ru>

**НАДЕЖДА
АЛЕКСАНДРОВНА
ТЭФФИ
1872—1952**

Надежда Александровна Лохвицкая, известная читателям под именем Тэффи, родилась 24 апреля 1872 года в дворянской семье. Её отец, Александр Владимирович Лохвицкий, был известным юристом, автором научных трудов по своей специальности, редактором «Судебного вестника», мать — обрусевшая француженка — любила поэзию, хорошо знала русскую и европейскую литературу и пользовалась популярностью как поэтесса. Писал стихи и прадед Надежды, сенатор эпохи Александра I.

Сборник стихов Тэффи 1910 года «Семь огней» привлёк внимание поэта Н. Гумилёва, и он откликнулся положительной рецензией. Но настоящая слава пришла к писательнице чуть позже, после выхода в свет двухтомного издания её юмористических рассказов. Эпиграфом к нему стали слова из «Этики» Б. Спинозы, точно определившие тональность многих её произведений: «Ибо смех есть радость, а посему сам по себе — благо». С этого момента пьесы Тэффи принимают к постановке во многих театрах, один за другим выходят сборники её рассказов. Её имя становится настолько популярным, что выпускаются даже духи и конфеты «Тэффи». Но не только к юмору обращалась писательница. В её коротких рассказах находилось место и горькой, трагической стороне человеческой жизни. Грустное и смешное переплетается в рассказах Тэффи, как и в жизни. «Я родилась в Петербурге весной, а, как известно, наша петербургская весна весьма переменчива: то сияет солнце, то идёт дождь. Поэтому и у меня, как на фронтоне древнего греческого театра, два лица: смеющееся и плачущее...» — писала она о себе.

В её рассказах живут и действуют самые разнообразные персонажи: мелкие чиновники и гимназисты, путешественники, журналисты, дети и взрослые, чудаки-«недотёпы». «Маленький

человек» — такое название применимо к подобным типам. Но у этого «маленького человека» свой мир, свои заботы и проблемы, своя — и единственная! — жизнь, которую он порой тратит необдуманно, безрассудно, часто впустую, по мелочам. Тэффи не издевается над такими людьми, но иронизирует, она говорит о серьёзном с улыбкой. И предоставляет читателю право самому решать — подходит такая жизнь ему самому или нет.

По стечению обстоятельств Тэффи оказалась в эмиграции. В 1920 году вместе с группой актёров она направилась на юг, дальше от революционных событий, а там, охваченная паникой, как и тысячи её современников, попала на корабль, увозивший от Родины. На этом корабле родились щемящие строки её стихотворного прощания, которое стало песней и блестяще исполнялось знаменитым русским певцом-эмигрантом А. Вертинским:

...Мимо стёклышка иллюминатора
Проплывут золотые сады,
Пальмы тропиков, звёзды экватора,
Голубые полярные льды —
Всё равно, где бы мы ни причалили,
К островам ли сиреневых птиц,
К мысу ль радости, к скалам печали ли —
Не поднять нам усталых ресниц...

Судьба русской эмиграции, её тяжёлая жизнь ярко отражены в рассказах сборника «Рысь». Характеризуя страдания своих соотечественников, оказавшихся в Константинополе и Берлине, Париже или Праге, Тэффи писала в рассказе «Ностальгия»: «Приезжают наши беженцы, измождённые, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут.

Тускнеют глаза, опускаются вялые руки, и вянет душа, душа, обращённая на восток.

Ни во что не верим, ничего не ждём, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской — и умерли смертью здесь. Вот мы — смертью смерть поправшие!

Думаем только о том, что теперь там. Интересуемся только тем, что приходит оттуда...»

В мире, где утрачиваются многие идеалы, подлинными ценностями для Тэффи остаются детская неискушённость, приверженность нравственной правде и самоотверженная любовь.

Последняя книга Тэффи «Земная радуга» вышла в Нью-Йорке совсем незадолго до её смерти. Тэффи умерла 6 октября 1952 года. Похоронена она на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем, где нашли последний приют многие её замечательные соотечественники.

Вопросы и задания

?

1. Расскажите о семье Н.А. Тэффи.
2. Что принесло литературную известность писательнице?
- 3*. Кто из известных деятелей русского искусства и литературы, кроме Тэффи, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа?

СВОИ И ЧУЖИЕ

Всех людей по отношению к нам мы разделяем на «своих» и «чужих».

Свои — это те, о которых мы знаем наверное, сколько им лет и сколько у них денег.

Лета и деньги чужих скрыты от нас вполне и навеки, и если почему-нибудь тайна эта откроется нам — чужие мгновенно превратятся в своих, а это последнее обстоятельство крайне для нас невыгодно, и вот почему: свои считают своей обязанностью непременно резать вам в глаза правду-матку, тогда как чужие должны деликатно привирать.

Чем больше у человека своих, тем больше знает он о себе горьких истин и тем тяжелее ему живётся на свете.

Встретите вы, например, на улице чужого человека. Он улыбнётся вам приветливо и скажет:

— Какая вы сегодня свеженькая!

А если через три минуты (что за такой короткий срок может в вас измениться?) подойдёт свой, он посмотрит на вас презрительно и скажет:

— А у тебя, голубушка, что-то нос вспух. Насморк, что ли?

Если вы больны, от чужих вам только радость и удовольствие: соболезнующие письма, цветы, конфеты.

Свой — первым долгом начнёт допытываться, где и когда могли вы простудиться, точно это самое главное. Когда, наконец, по его мнению, место и время установлены, он начнёт вас укорять, зачем вы простудились именно там и тогда:

— Ну как это можно было идти без калош к тётё Маше! Это прямо возмутительно — такая беспечность в твои лета!

Кроме того, чужие всегда делают вид, что страшно испуганы вашей болезнью и что придают ей серьёзное значение:

— Боже мой, да вы, кажется, кашляете! Это ужасно! У вас, наверное, воспаление лёгких! Ради Бога, созовите консилиум. Этим шутить нельзя! Я, наверное, сегодня всю ночь не засну от беспокойства.

Всё это для вас приятно, и, кроме того, больному всегда лестно, когда его ерундовую инфлуэнцу ценою в тридцать семь градусов и одну десятую величают воспалением лёгких.

Свои ведут себя совсем иначе.

— Скажите пожалуйста! Уж он и в постель завалился! Ну как не стыдно из-за такой ерунды?! Возмутительная мнительность... Ну возьми себя в руки! Подбодришься — стыдно так раскисать!

— Хороша ерунда, когда у меня температура тридцать восемь, — пишите вы, привирая на целый градус.

— Велика важность! — издевается свой. — Люди тиф на ногах переносят, а он из-за тридцати восьми градусов умирать собирается. Возмутительно!

И он будет долго издеваться над вами, припоминая разные забавные истории, когда вы так же томно закатывали глаза и стонали, а через два часа уплетали жареную индейку.

Рассказы эти доведут вас до бешенства и действительно поднимут вашу температуру на тот градус, на который вы её приврали.

На языке своих это называется «подбодрить больного родственника».

Водить знакомство со своими очень грустно и раздражительно.

Чужие принимают вас весело, делают вид, что рады вашему приходу до экстаза.

Так как вы не должны знать, сколько им лет, то лица у всех у них будут припудрены и моложавы, разговоры весёлые, движения живые и бодрые.

А так как вы не должны знать, сколько у них денег, то, чтобы

ввести вас в обман, вас будут кормить дорогими и вкусными вещами. По той же причине вас посадят в лучшую комнату с самой красивой мебелью, на какую только способны, а спальни с драными занавесками и табуреткой вместо умывальника вам даже и не покажут, как вы ни просите.

Чашки для вас поставят на стол новые, и чайник не с отбитым носом, и салфетку дадут чистую, и разговор заведут для вас приятный — о каком-нибудь вашем таланте, а если его нет, так о вашей новой шляпе, а если и её нет, так о вашем хорошем характере.

У своих ничего подобного вы не встретите.

Так как все лета и возрасты известны, то все вылезают хмурые и унылые.

— Э-эх, старость не радость. Третий день голова болит.

А потом вспоминают, сколько лет прошло с тех пор, как вы кончили гимназию.

— Ах, время-то как летит! Давно ли, кажется, а уж никак тридцать лет прошло.

Потом, так как вам известно, сколько у них денег, и всё равно вас в этом отношении уж не надуешь, то подадут вам чай с вчерашними сухарями и заговорят о цене на говядину, и о старшем дворнике, и о том, что в старой квартире дуло с пола, а в новой дует с потолка, но зато она дороже на десять рублей в месяц.

Чужие по отношению к вам полны самых светлых прогнозов. Все дела и предприятия вам, наверное, великолепно удадутся. Ещё бы! С вашим-то умом, да с вашей выдержкой, да с вашей обаятельностью!

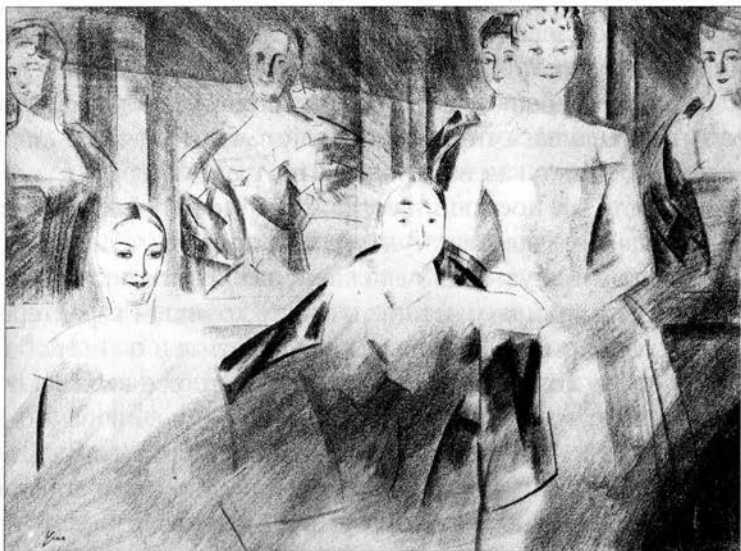
Свои, наоборот, заранее оплакивают вас, недоверчиво качают головой и каркают.

У них всегда какие-то тяжёлые предчувствия на ваш счёт. И, кроме того, зная вашу беспечность, безалаберность, рассеянность и неумение ладить с людьми, они могут вам доказать, как дважды два — четыре, что вас ждут большие неприятности и очень печальные последствия, если вы вовремя не одумаетесь и не выкинете из головы дурацкой затеи.

Сознание, насколько чужие приятнее своих, мало-помалу проникает в массы, и я уже два раза имела случай убедиться в этом.

Однажды — это было в вагоне — какой-то желчный господин закричал на своего соседа:

— Чего вы развалились-то! Нужно же соображать, что другому тоже место нужно. Если вы невоспитанный человек, так вы должны ездить в собачьем вагоне, а не в пассажирском. Имейте это в виду!

Группа воображаемых портретов. Художник Н.П. Ульянов. 1921 г.

А сосед ответил ему на это:

— Удивительное дело! Видите меня первый раз в жизни, а кричите на меня, точно я вам родной брат! Чёрт знает что такое!

Второй раз я слышала, как одна молодая дама хвалила своего мужа и говорила:

— Вот мы женаты уже четыре года, а он всегда милый, вежливый, внимательный, точно чужой!

И слушатели не удивлялись странной похвале. Не удивляюсь и я.

1913

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА Н.А. ТЭФФИ

Одним из наиболее сложных эпических жанров является рассказ. В узкие рамки формы при его написании нужно вместить событие, конфликт, дать представление о характерах. В конце XIX — начале XX века это блистательно удавалось А.П. Чехову. Тэффи сумела создать и сохранить собственную индивидуальность. Рассказам Тэффи присущи афористическая краткая речь, завершённость фразы, где нет ни одного сомнительного, лишнего слова. Тэффи настойчиво добивалась этого и писала: «В миниатюре взвешено каждое слово, каждое движение. Оставлено только самое необходимое».

По мысли Тэффи, анекдоты смешны, когда их рассказывают, а когда их переживают — это уже трагедия. Именно поэтому в рассказах писательницы за смешным нередко скрывается драматизм человеческой жизни. Но, несмотря на печаль, сквозящую в смехе, творчество Тэффи утверждает незыблемую ценность любви, чуткости и сострадания к ближним, умения прощать. Тэффи не навязывает читателю своих мыслей, исподволь, через систему художественных образов, подтекст, тонкую иронию, подводя его к самостоятельным выводам.

Вопросы и задания

1. На чём построен сюжет рассказа «Свои и чужие»?
2. В чём конфликт рассказа?
3. Есть ли в повествовании завязка, кульминация и развязка? Обоснуйте свой ответ.
4. Какова позиция автора? Она очевидна?
- 5*. «Свои и чужие» — произведение сатирическое, саркастическое, юмористическое? Свой ответ обоснуйте.
6. Какими средствами художественной выразительности автор создаёт особую интонацию повествования, образы «своих» и «чужих»?
7. Для чего Тэффи использует слово «конфеты» вместо «конфеты»?
8. Имеются ли в рассказе элементы поучительности, морали?

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

1. Русские писатели «первой волны» эмиграции.
2. Н. Тэффи и А. Аверченко.
3. «Маленький человек» в рассказах Н. Тэффи.
4. Виды комического в творчестве Н. Тэффи.

Советуем прочитать

Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 12. Тэффи. М., 2007.
Тэффи Н. Чёрный ирис. Белая сирень. М., 2006.

**МИХАИЛ
МИХАЙЛОВИЧ
ЗОЩЕНКО
1895—1958**

По официальным данным, М.М. Зощенко родился 29 июля 1895 года в Полтаве, однако в одном из вариантов автобиографии писатель утверждал, что, возможно, год его рождения 1894-й, а место рождения — не Полтава, а Петербург. Отец М.М. Зощенко был художником, атмосфера искусства окружала будущего писателя с детских лет.

После окончания гимназии в 1913 году Зощенко поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но учился там недолго. Началась Первая мировая война, и юноша добровольцем ушёл в армию. В 1915 году он закончил Павловское военное училище и в чине прапорщика был направлен на фронт.

Воевал М.М. Зощенко героически — имел четыре боевые награды за выдающуюся храбрость в боях, во время газовой атаки (немцы на полях сражений применяли отравляющие химические вещества) был отравлен. Служил полковым адъютантом, командиром батальона.

После событий Февральской революции 1917 года Зощенко назначили комендантом Главного почтамта и телеграфа. Октябрьский вооружённый переворот принял безоговорочно и добровольцем вступил в Красную Армию. Однако газовое отравление серьёзно подорвало здоровье, и он вынужден был демобилизоваться. На гражданской службе переменил десяток различных профессий. Многие из тех, кого он наблюдал рядом, стали потом прототипами персонажей его рассказов.

Писать Зощенко начал рано. К 1902—1905 годам относятся первые детские опыты, которые вряд ли следует воспринимать всерьёз. В 1907—1910 годах он пишет короткие рассказы, в которых ищет свою форму, свой жанр в литературе. Эти поиски проявляются не только в художественных произведениях, но

и в письмах. Вот, к примеру, отрывок из его письма тех лет: «Я до вечера бродил один, разнеженный ароматом леса и полей. И радовался удивлённо, что лес безлюден, что и здесь, в лесу, нет со мной даже моих старых мыслей и желаний...» Пройдёт с десяток лет, и писатель М.М. Зощенко такой язык и таких его носителей изберёт объектом своей сатиры. Но уже в это время проявляется его индивидуальная творческая манера: плотно спрессованная фраза, умение одним словом обнажить характер: *просящий запах духов, любовная благотворительность, вы сегодня пахнете лимонадом...*

М.М. Зощенко записал в своём дневнике: «Нужно придумать цель в жизни. Придумать идею. Или иметь в своей душе. <...> Цель жизни — найти призвание». Он нашёл его — выбрал самую трудную в литературе дорогу: стал писателем-сатириком. Он отчётливо осознавал опасности этой профессии, но пошёл по этой дороге, сказав однажды удивительно точные слова: «Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации». Свою квалификацию М.М. Зощенко не терял никогда, даже в самых трудных жизненных ситуациях.

Он сам великолепно читал свои рассказы, любили исполнять их на эстраде актёры. Вот как вспоминает об этом писатель Ю. Нагибин: «Мои воспоминания о М.М. Зощенко крайне скудны, но ведь говорил же Пушкин, что любая подробность из жизни великого человека драгоценна:

Я видел Зощенко трижды: мальчиком — на вечере в Политехническом музее; зрелым человеком в его ленинградской квартире на канале Грибоедова; в последний раз я видел не Зощенко, а его маленькое тело в тяжёлом гробу... <...>

Вечер в Политехническом музее состоялся где-то в середине тридцатых. К этому времени уже открылось, что Михаил Зощенко не смешной, а страшный писатель. <...>

Читал Михаил Михайлович изумительно. Ильф хохотал тихо, но до изнеможения, до слёз. Петров грохотал, булькал и чуть не упал со стула. А фокус был в том, что Зощенко вроде бы никак не читал, просто добросовестно и внятно произносил текст. Но контраст между невероятно смешным и серьёзным, чуть печально смугловатым лицом производил гомерический эффект.

Михаилу Михайловичу был задан вопрос, кто, по его мнению, лучше всех читает его рассказы. „Вне всякого сомнения, Игорь Владимирович Ильинский”, — сказал Зощенко и поклонился сидящему на сцене актёру».

Вопросы и задания

1. Какие качества личности М.М. Зощенко привлекли вас больше всего и почему?
2. Составьте план рассказа о жизни писателя. Подготовьте сообщение по этому плану.

Живое слово

Попытайтесь сочинить три-четыре эпизода для юмористического рассказа, ориентируясь в качестве образца на выделенные курсивом словосочетания (с. 199).

ОБЕЗЬЯНИЙ ЯЗЫК

Трудный этот русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный.

Главная причина в том, что иностранных слов в нём до чёрта. Ну, взять французскую речь. Всё хорошо и понятно. Кескесе, мерси, комси — всё, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова.

А нуте-ка, сунься теперь с русской фразой — беда. Вся речь пересыпана словами с иностранным, туманным значением.

От этого затрудняется речь, нарушается дыхание и треплются нервы.

Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились.

Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами.

Началось дело с пустяков.

Мой сосед, не старый ещё мужчина с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

— А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

— Пленарное, — небрежно ответил сосед.

— Ишь ты, — удивился первый, — то-то и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

— Да уж будьте покойны, — строго ответил второй. — Сегодня сильно пленарное, и кворум подобрался — только держись.

— Да ну? — спросил сосед. — Неужели и кворум подобрался?

— Ей-богу, — сказал второй.

— И что же он, кворум-то этот?

— Да ничего, — ответил сосед, несколько растерявшись. — Подобрался, и всё тут.

— Скажи на милость, — с огорчением покачал головой первый сосед. — С чего бы это он, а?

Второй сосед развёл руками и строго посмотрел на собеседника, потом добавил с мягкой улыбкой:

— Вот вы, товарищ, небось не одобряете эти пленарные заседания... А мне как-то они ближе. Всё как-то, знаете ли, выходит в них минимально по существу дня... Хотя я, прямо скажу, последнее время отношусь довольно перманентно к этим собраниям. Так, знаете ли, индустрия из пустого в порожнее.

— Не всегда это, — возразил первый. — Если, конечно, посмотреть с точки зрения. Вступить, так сказать, на точку зрения и отседа, с точки зрения, то — да, индустрия конкретно.

— Конкретно фактически, — строго поправил второй.

— Пожалуй, — согласился собеседник. — Это я тоже допускаю. Конкретно фактически. Хотя как когда...

— Всегда, — коротко отрезал второй. — Всегда, уважаемый товарищ. Особенно если после речей подсекция заварится минимально. Дискуссии и крику тогда не оберёшься...

На трибуну взошёл человек и махнул рукой. Всё смолкло. Только соседи мои, несколько разгорячённые спором, не сразу замолчали. Первый сосед никак не мог помириться с тем, что подсекция заваривается минимально. Ему казалось, что подсекция заваривается несколько иначе.

На соседей моих зашикали. Соседи пожали плечами и смолкли. Потом первый сосед наклонился ко второму и тихо спросил:

— Это кто ж там такой вышелши?

— Это? Да это президиум вышедши. Очень острый мужчина. И оратор первейший. Завсегда остро говорит по существу дня.

Оратор простёр руки вперёд и начал речь.

И когда он произносил надменные слова с иностранным туманным значением, соседи мои сурово кивали головами. Причём второй сосед строго поглядывал на первого, желая показать, что он всё же был прав в только что законченном споре.

Трудно, товарищи, говорить по-русски!

1925

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

М.М. ЗОЩЕНКО

М.М. Зощенко предстаёт перед нами как великолепный мастер юмористического рассказа. Константин Федин писал о том, что его поражало в творчестве М.М. Зощенко сочетание иронии и правды чувств. Замечательно сказал о языке М. Зощенко К. Чуковский в своём очерке «Современники»:

«О зощенковском языке Горький в одном из своих писем выражается так: „пёстрый бисер вашего лексикона“. Этот „пёстрый бисер“ уже к концу 20-х годов (именно в это время Зощенко стал одним из самых популярных писателей) привлёк самое пристальное внимание критики. Известный лингвист В.В. Виноградов счёл нужным написать о нём целый трактат, который так и озаглавил: „Язык Зощенко“»:

«...Это не ласковая мозаика старинных, редкостных, курьёзных и вычурных слов — это живая, свежая, неподдельная речь, которая зазвучала тогда на базарах, в трамваях, в очередях, на вокзалах, в банях.

Зощенко первый из писателей своего поколения ввёл в литературу в таких широких масштабах эту новую, ещё не вполне сформированную, но победительно разлившуюся по стране вне-литературную речь и стал свободно пользоваться ею, как своей собственной речью. Здесь он — первооткрыватель, новатор. <...>

Из него <языка> можно извлекать без конца множество комических и живописных эффектов именно потому, что он так не-леп и смешон.

На каждой странице писатель готов отмечать вывихи его синтаксиса, опухоли его словаря, демонстрируя с весёлым зло-

Люди общества. Из серии «НЭП».
Художник В.В. Лебедев. 1927 г.

радством полную неспособность ненавистного ему слоя людей пользоваться разумной человеческой речью.

О какой-то женщине они, например, говорят, что она „нюхала цветки и настурций“. Как будто настурции — не цветки. И вот другая такая же фраза: „Раздаются крики, возгласы и дамские слёзы“. Как будто слёзы могут раздаваться.

Или: „В одной руке у него газета. В другой почтовая открытка. В третьей руке его супруга держит талон“.

Или:

„Музыка играла траурные вальсы“. „Сердце не так, а ритмично бьётся, как хотелось бы“.

„Наводят на всё самокритику“.

„— Что ты нарушаешь беспорядок!“

„И вот происходит такая ситуация“.

Читая Зощенко, нельзя не прийти к убеждению, что низменный, грубый язык его „сказов“ создан низменной, грубой средой. Те, кто говорят на этом языке в его книгах, — люди очень невысокой морали».

Сказ — вид литературно-художественного повествования, построенного как рассказ лица, позиция и речевая манера которого отличны от точки зрения и стиля самого автора. Речь рассказчика в сказе выходит за пределы письменной литературной нормы.

1. Вспомните, какое произведение XIX века, изученное вами ранее, написано в манере сказа.
2. По словарю иностранных слов определите значение слов: *пленарный, кворум, перманентный, дискуссия, президиум, индустрия, оратор, подсекция*. Составьте с каждым из них предложение.

М.М. Зощенко умел и любил слушать живую речь различных слоёв общества. Он «подслушивал» на собраниях своеобразные выражения, обращал внимание на стилистические особенности. Писатель подчёркивал: «Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица».

3. Найдите в тексте, во-первых, слова с ошибками (типа «оттеда», «вышедши»), во-вторых, слова и фразеологизмы разговорного стиля (типа «небось», «сунься», «хлопал ушами»). Объясните их роль в создании яркой характеристики персонажей. Обратите внимание на то, что эти слова употребляются рядом с иноязычными по происхождению, и это создаёт комический эффект.

4. Понимают ли действующие лица рассказа значение слов «пленарное», «кворум» «президиум»? Подтвердите своё утверждение, приведя из текста словосочетания и предложения с этими словами.

Как видно из реплик этого диалога, собеседники не понимают значения слова «президиум». Судя по сочетаемости со словами «мужчина» и «оратор», у героев рассказа слово «президиум» ассоциируется с живым существом, с лицом мужского пола, и это становится смешным. Разговорная форма деепричастия «вышедши» (вместо «выйдя») усиливает комизм ситуации. В предложении: «Дискуссии и крику тогда не оберёшься...» — слова «дискуссия» и «крик» употребляются как синонимы. Разговорное слово «не оберёшься» усиливает юмористическое звучание фразы.

5. Какие два канцеляризма (словосочетания из официально-делового стиля) специально смешивает автор, употребляя дважды в рассказе словосочетание «по существу дня»?
6. Можно ли «вступить на точку зрения», «подсекции завариться минимально», «относиться к собраниям перманентно»? Свой ответ аргументируйте, заменяя слова, употреблённые в несвойственном им значении, другими, уместными в данном контексте.
7. Выпишите все глаголы, синонимичные глаголу «говорить», которые встречаются в тексте. Отметьте мастерство писателя в подборе языковых и контекстуальных синонимов.
8. Своеобразным обрамлением рассказа М.М. Зощенко являются первое «Трудный этот русский язык, дорогие граждане!» и последнее «Трудно, товарищи, говорить по-русски!» предложения. В прямом или переносном смысле следует понимать эти предложения? Есть ли в них иронический подтекст?
9. Какого разряда имя прилагательное использовано в названии «Обезьяний язык»? Какой приём использовал автор в названии?
10. Назовите встречающиеся в тексте фразеологизмы и определите их стилистическую окраску.
11. В рассказе есть пример градации. Найдите его и определите выразительную роль этой фигуры.
12. Найдите в тексте словосочетания и предложения «обезьяньего языка», то есть синтаксические конструкции, абсолютно лишённые смысла, например «конкретно фактически».
13. К какому стилю относятся следующие реплики героев рассказа: «Ишь ты», «Да уж будьте покойны», «Да ну?», «Ей-богу», «Скажи на милость», «Пожалуй»?
14. Подготовьтесь к выразительному чтению рассказа М. Зощенко.

Самостоятельная работа

Найдите и прочитайте любой другой рассказ М. Зощенко, написанный в манере сказа. Подготовьте подробный анализ языковых средств, которые автор использует при речевой характеристике персонажей.

НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
ЗАБОЛОЦКИЙ
1903—1958

Судьба России первой половины XX века в полной мере отражена в жизни и судьбе Н.А. Заболоцкого. Он родился 24 апреля (7 мая) 1903 года в Казани в семье агронома. В 1910 году вместе с родителями переехал в село Сернур Уржумского уезда Вятской губернии. В 1920 году поступил в медицинский институт в Москве, а в 1921-м переехал в Ленинград.

Юноша не был увлечён медициной, зато его звала к себе литература, и он поступил на отделение языка и литературы Педагогического института им. А.И. Герцена, который закончил в 1925 году.

Уже в самом начале творчества Заболоцкий очень требовательно относился к своим произведениям, считая, что нужно не писать отдельные стихотворения, а создавать книгу. Он сотрудничал в сатирических журналах «Ёж» и «Чиж», писал рассказы для детей; работал как переводчик (наиболее известно его переложение поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»).

Известность пришла к Заболоцкому после выхода в свет первой поэтической книги «Столбцы» (1929), в которой нашли отражение художественные принципы ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) — литературной группы, провозгласившей главной своей целью создание нового поэтического языка и нового ощущения жизни. Но вместе с известностью в жизнь Заболоцкого приходят тяжёлые испытания: появляются клеветнические толкования его произведений, начинается травля поэта. В 1938 году он был репрессирован (в его деле фигурировали злопыхательские статьи, обвинявшие его в формализме и идейно-чуждой направленности), и началась другая судьба, другая жизнь — в лагерях, на лесоповалах, строительстве дорог на Дальнем Востоке, в Алтайском крае, в Караганде. Он был

обречён на разлуку с друзьями, семьёй, литературой и каждый день находился между жизнью и смертью.

В 1984 году была опубликована книга «Воспоминания о Заболоцком». Прочитайте несколько фрагментов из неё — не связанных единым сюжетом, но дающих представление о том, каким человеком был Н. Заболоцкий и что ему пришлось пережить.

Вспоминает сын — Никита Заболоцкий. Он приводит выдержки из писем отца к жене:

«Мой душевный инструмент поэта грубеет без дела, восприятие вещей меркнет, но внутренне я чувствую себя... целостным человеком, который мог бы ещё жить и работать» (3 августа 1940 г.).

«Горько становится: не имею возможности писать сам. И приходит в голову вопрос — неужели один я теряю от этого? Я чувствую, что мог бы сделать ещё немало и мог бы писать лучше, чем раньше» (6 апреля 1941 г.).

«Если бы я мог теперь писать — я бы стал писать о природе. Чем старше я становлюсь, тем ближе мне делается природа. И теперь она стоит передо мной, как огромная тема, и всё то, что я писал о природе до сих пор, мне кажется только небольшими и робкими попытками подойти к этой теме» (19 апреля 1941 г.).

Не о голоде и холоде физическом пишет поэт, хотя страдает от них невероятно. Значительно сильнее мучит его невозможность писательской работы. И ещё: отец беспокоится о будущем сына. Он пишет жене 18 мая 1944 года: «Было бы хорошо, если бы он больше читал. Чтение классиков поможет ему овладеть языком и грамматикой. В его годы¹ я уже порядно знал русскую литературу».

До своего ареста Н.А. Заболоцкий собрал довольно солидную библиотеку. Из лагеря он писал домой, в Ленинград, желая хоть как-то помочь семье, советовал продавать книги: «...Вообще, мне хотелось бы, чтобы из моей библиотеки сохранились лишь немногие книги: Пушкина однотомник, Тютчева томик, Баратынского два тома, Гоголь, Сковорода, Лермонтов, Достоевский, Бунин, Хлебников; книги, относящиеся к „Слову о полку Игореве» и Руставели...»

В 1946 году Н.А. Заболоцкий был освобождён, восстановлен в Союзе писателей; ему разрешили и вернуться в Москву. Жить было негде, работы не было. Его приютили друзья. Первое время он жил на даче у писателя Каверина в небольшом,

¹ В его годы... — В данном случае имеется в виду в двенадцать лет.

спешно утеплённом финском домике. В. Каверин писал в своих воспоминаниях: «Заболоцкий провёл несколько лет вне литературы. Вне поэзии, вне той жизни, которой были полны его друзья по делу литературы. Это были трудные для него годы, о которых он не рассказывал ничего или почти ничего. Это были годы, когда, работая землекопом, дорожным рабочим, чертёжником, он совершает подвиг — не могу иначе назвать — перевод „Слова о полку Игореве“, который является, мне кажется, одной из вершин его мастерства».

Поэту были подвластны все темы. Он так изголодался в лагере по настоящей жизни, что всё в ней становилось для него вдохновенным объектом творчества: куст можжевельника и судьба старой актрисы, подмосковные рощи и монах XIII века Рубрук, гробница Данте и строительство гидростанции в Грузии. Эта всеохватность компенсировалась напряжённой отделкой каждой строки, каждого слова — выходили стихи, которые тотчас вызвали взволнованный отклик в душах читателей. «Когда перечитываешь созданное Заболоцким за три с лишним десятилетия работы в поэзии, — отмечал поэт Яков Хелемский, — поражаешься тому, как необыкновенно плодотворна его поздняя пора. С того дня, когда после войны Николай Алексеевич приехал в Москву с переводом „Слова“, и до последних часов своей жизни он работал неумоимо и вдохновенно, как бы навёрстывая упущенное и в то же время ощущая, что жизненный срок, отпущенный ему, не столь уж велик».

Н.А. Заболоцкий после возвращения из лагерей и ссылки много переводил, большей частью грузинских поэтов.

Умер поэт 14 октября 1958 года в Москве.

Небольшой рассказ о жизни поэта закончим двумя стихотворениями, посвящёнными его памяти. Одно написано грузинским автором Григолом Абашидзе и называется «Бессмертие».

Небо легло на Москву тяжело,
Улицы колкой крупой занесло.

В гору брели мы по скользкому снегу,
Лица январь обжигал нам с разбегу.

Дверь отворилась, и люди толпой
Хлынули, будто их вскинул прибой,

И обозначилась очередь в давке:
Книга твоя их ждала на прилавке.

Разве не так получали они
Хлеб свой насущный в военные дни?

Со стороны наблюдал я за ними,
Тихо шепча драгоценное имя:

— Верил ты в это с начала пути.
Стоило бремя страданий нести,

Чтоб поделиться бессмертьем со всеми.
Жаль, не застало тебя это время.

1966

Перевод А. Тарковского

Автор другого стихотворения — «На смерть Заболоцкого» —
Борис Слуцкий:

Умирают мои старики,
Мои боги,
Мои педагоги,
Пролагатели торной дороги,
Где шаги мои были легки.

Вы, прикрывшие грудью наш возраст
От ошибок,
Угроз
И прикрас, —
Неужели дешёвая хворость
Одолела,
Осилила вас?

Умирают мои старики.
Завещают мне жить очень долго,
Но не дольше,
Чем нужно по долгу,
По закону
Строфы и строки.

Угасают большие огни
И светить
За себя
Поручают.
Орден не дождался они:
Сразу памятники получают.

1961

1. Расскажите о важнейших событиях в биографии Н.А. Заболоцкого. Как вы поняли фразу о том, что жизнь и судьба страны отразилась в жизни и судьбе поэта?
2. Какие качества в наибольшей степени были присущи Н.А. Заболоцкому как поэту и человеку?
3. Что показалось вам особенно значимым в стихотворениях Г. Абашидзе и Б. Слуцкого?

* * *

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир её дремучий!
В ожесточённом пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой, —
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встаёт передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

1947

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Н.А. ЗАБОЛОЦКОГО

Стихотворение «Я не ищу гармонии в природе...» написано вскоре после возвращения Н.А. Заболоцкого в Москву.

Природа, о которой мечтал писать Заболоцкий в своём заточении, вся состоит из противоречий — как жизнь. Эти противоречия не уменьшают величия. Не случайно третья, четвёртая и пятая строфы насыщены словом «когда», за которым следует описание успокоенности («Когда умолкнет ветер вдалеке»), иногда умиротворения — олицетворённое, очеловеченное («Когда огромный мир противоречий / Насытится бесплодной игрой...»). Образ «печальной природы» противопоставлен чуждой «дикой свободе», «где от добра неотделимо зло». Это сердце стихотворения, его основная художественная и человеческая мысль.

Что же не вызывает противоречия и отторжения? Созидание, труд. Употребляя градацию, Заболоцкий с каждой строкой усиливает значения именно этого начала в человеке, способного залечить душевные раны.

Для вас, любознательные

В уже цитированных воспоминаниях поэт Яков Хелемский писал: «В лирике последних лет Заболоцкий чаще всего говорит от своего имени. А если и прибегает к посредничеству, вместо пунктирных фигур в стихах возникают живые характеры,

подтверждённые поступками. Некрасивую девочку мы узнаём и успеваем полюбить с первых же строк. Мы видим лицо дурнушки, видим её жалкую одежду и богатую бескорыстную душу. Девочка не произносит ни слова, нам неизвестно её имя, но огонь, мерцающий в её душе, не угасает в нашей памяти...

Перечитайте другие стихи-портреты, созданные поздним Заболоцким. „Прохожий”, „Жена”, „Старая актриса”, „В кино”, „Это было давно”, „Железная старуха”, „После работы”, „Поэт”... как удивительно и разнообразны судьбы! Как достоверны наблюдения».

Прочитайте стихи Н. Заболоцкого. Выберите одно из них, охарактеризуйте его самостоятельно. Примерное начало вам дано — строки Я. Хелемского.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчишки, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бежит по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,

Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её нехороши,
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движении.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

1955

Вопросы и задания

?

1. Сформулируйте основную мысль стихотворения Н.А. Заболоцкого.
2. Найдите в тексте строки, в которых художественная идея выражена наиболее полно. Прочитайте их.
3. Выучите наизусть стихотворение Н.А. Заболоцкого и подготовьте его для конкурса выразительного чтения.

После уроков

...

Подберите стихотворения и проведите час поэзии на тему «Что есть красота?..». Чтение стихотворений можно сопроводить подготовленными вами рассуждениями на эту тему.

МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ИСАКОВСКИЙ
1900—1973

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в январе 1900 года на Смоленщине — в деревне Гло-товке, Осельской волости, Ельнинского уезда, — в бедной кре-стьянской семье.

Грамоту одолел самоучкой, — никакой школы в нашей мест-ности не было. Когда же наконец она открылась, я окончил её за две зимы и весной 1913 года сдал выпускные экзамены, получив по всем предметам пятёрки.

На этих экзаменах, на которые сошлись учителя и выпу-скники нескольких школ и где за столом экзаменаторов воссе-дал земский начальник и какой-то очень важный поп, я прочи-тал два своих стихотворения и в том числе стихотворение под названием «М.В. Ломоносов». Помню его начало:

Жил у нас в былые годы
Ломоносов Михаил.
Я читал его исходы, —
Как учиться он ходил.
Тайно вышел он из дому,
И никто о том не знал.
Как в Москву с обозом рыбы
За наукой он бежал...

Судьба Ломоносова, о котором я узнал в школе, судьба чело-века, вышедшего «из мужиков» и ставшего великим учёным и поэтом, очень меня волновала. Она даже как бы подсказывала мне, что и я могу сделать нечто подобное тому, что сделал Ломо-

посов, ушедший с обозом рыбы из родного села Холмогоры в Москву «за наукой». По детской наивности своей я придавал значение даже тому, что имя и отчество у меня — точно такие же, как у Ломоносова: Михаил Васильевич. Это было и лестно, и как бы обнадеживало меня...

Так или иначе, но «Ломоносовское стихотворение» совершило в моей жизни настоящий переворот. После того как я прочёл его, все присутствующие — в том числе и те, которые раньше просто не замечали меня, — в один голос заговорили, что мне непременно надо учиться дальше, что у меня определённо есть литературные способности... В общем, я сразу же стал «героем дня».

И мне действительно посчастливилось «учиться дальше», хотя, к сожалению, недолго.

Летом 1915 года учитель В.В. Свистунов подготовил меня для поступления в четвёртый класс гимназии (по возрасту меня могли принять только в этот класс, не ниже). И осенью, после вступительных экзаменов, я был принят в гимназию Ф.В. Воронина в Смоленске. Для того времени это был случай исключительно редкий: гимназии существовали тогда отнюдь не для крестьянских детей.

Моя удача заключалась ещё и в том, что владелец гимназии Ф.В. Воронин не брал с меня никакой платы за обучение, а М.И. Погодин — член Ельнинской земской управы, ведавший делами народного образования в уезде, выхлопотал в управе небольшую стипендию, за счёт которой я и жил.

Кончить гимназию мне, однако, не удалось: осенью 1917 года я вынужден был оставить её. Причина — материальная необеспеченность: деньги к тому времени сильно обесценились в результате войны и хозяйственной разрухи и существовать на мою стипендию было уже никак нельзя.

После ухода из гимназии я некоторое время учительствовал в той самой Готовской школе, в которой когда-то учился сам. Работал в своём Осельском волисполкоме — то в земельном отделе, то помощником секретаря волисполкома.

В августе 1918 года я вступил в Коммунистическую партию.

К тому времени я напечатал в газетах несколько корреспонденций из деревни и два-три стихотворения. И, наверно, поэтому, когда Ельнинский уком партии решил издавать свою газету, меня — это было в феврале 1919 года — назначили её редактором — «как человека вполне грамотного и знакомого с газетой».

Так я стал газетчиком, хотя газетной работы конечно же не знал и постигать её мне надо было с самого начала.

После Ельни я десять лет (1921—1930) работал в Смоленске в газете «Рабочий путь». А потом переехал в Москву, где редактировал иллюстрированный журнал «Колхозник», выходивший в издательстве «Крестьянская газета». Однако через год я вынужден был оставить «Крестьянскую газету»: тяжело заболели глаза.

Надо сказать, что болезнь глаз началась у меня с детства, и — что ни год — зрение моё становилось всё хуже и хуже. Это было каким-то проклятием, всю жизнь преследовавшим меня. Болезнь глаз мешала мне и учиться, и работать, и просто жить. Она безжалостно срывала мои дела и планы, а часто и вовсе выводила меня из строя на долгое время.

На «Крестьянской газете» мой «послужной список» закончился. Всё из-за той же болезни глаз я уже не мог связывать себя какой бы то ни было постоянной служебной должностью. Работал только дома, занимаясь преимущественно литературой.

Как это сказано раньше, в детские годы я писал стихи. Однако настоящим началом своей поэтической работы я считаю 1924 год. Именно с этого года я стал писать не вслепую, не наобум, не как выйдет, а с известным пониманием дела, с чувством ответственности, с раздумьем о том, что и как я должен делать и для чего делать.

Мысленно я составил для себя даже «программу». Я увидел, почувствовал, пришёл к выводу, что материалом поэзии должна быть не какая-то там выдумка, оторванная от жизни, не какой-то там «вольный полёт фантазии», а та реальная действительность, которая меня окружает, та реальная, подлинная жизнь, которой живут люди, народ, страна. Причём мне представлялось, что из этой действительности поэт должен брать наиболее важные, наиболее характерные её черты. Они-то и должны ложиться в основу каждого произведения.

Что касается формы поэтических произведений, то мне думалось, что она должна быть простой и ясной, доступной для возможно большего количества читателей. Это вовсе, конечно, не значило, что поэт должен писать примитивно, упрощённо. Нет, это значило, что он должен уметь даже о самых сложных вещах говорить самыми обыкновенными словами и фразами — обыкновенными, но в то же время ёмкими, точными, красочными, поэтически убедительными. Всякая так называемая «сложная поэзия», а вернее сказать — формалистическая поэзия была мне органически чужда, как чужда она и поныне.

Я и сейчас согласен со своей «программой», хотя сейчас я, наверно, сформулировал бы её несколько иначе. Первый сборник моих стихов «Провода в соломе» вышел в 1927 году. Тогдашняя критика встретила его не очень-то дружелюбно. И это в известной мере обескуражило меня. Но вскоре в печати появилась «Рецензия» М. Горького (так называлась его статья, напечатанная одновременно и в газете «Известия», и в журнале «Сибирские огни»), в которой он отозвался о «Проводах в соломе» очень положительно. «Рецензия» обрадовала меня, укрепила мою уверенность в том, что я нахожусь на верном пути.

Я выпустил в свет довольно много сборников: вслед за «Проводами в соломе» был сборник «Провинция», затем «Мастера земли», затем другие. Но всего вернее было бы сказать, что я всю жизнь писал как бы всё одну и ту же книгу, расширяя и дополняя её всё новыми и новыми произведениями.

Начиная с середины тридцатых годов стали появляться песни, написанные на мои стихи. Многие из этих песен получили довольно широкое распространение как в нашей стране, так и за её пределами.

В моей литературной работе довольно большое место занимали переводы. Переводил я главным образом с украинского и белорусского (стихи Т.Г. Шевченко, Леси Украинки, Янки Купалы, Якуба Коласа, а также современных украинских и белорусских поэтов). Но переводил я — правда, не так много — и с других языков: с венгерского, сербского, итальянского...

Как отдельные мои стихи, так и целые сборники много раз печатались на языках народов Советского Союза, а также за рубежом: в Болгарии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Китае, Италии и других странах.

1963

Михаил Исаковский

Вопросы и задания

?

1. Назовите основные вехи жизненного пути М.В. Исаковского.
2. Что необычного показалось вам в судьбе поэта?
3. Какие произведения М.В. Исаковского вы знаете? Чем они вас привлекают?

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт,
Пусть он землю бережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

1938

«КАТЮША»

(Из статьи «История двух песен»)

Стихи, ставшие впоследствии песней под названием «Катюша», я начал писать в начале 1938 года.

У меня сразу, без особых усилий написались первые восемь строк, то есть первая половина «Катюши». <...>

Весной — в самом конце апреля или в начале мая — по какому-то делам я поехал в редакцию «Правды». Там — в литературном отделе — я впервые встретился и познакомился с композитором Матвеем Исааковичем Блантером, за которым уже «числилось» несколько весьма популярных песен, — таких, например, как «Партизан Железняк», как «Песня о Щорсе» и др.

Матвей Исаакович сразу же стал выпрашивать — нет ли у меня каких-либо стихов, на которые можно было бы написать музыку.

Я вспомнил про начатую «Катюшу» и ответил:

— Знаете, стихи есть, и, по-видимому, их можно положить на музыку, но вся беда заключается в том, что они не закончены: я написал лишь восемь начальных строк.

— А вы можете сейчас переписать эти восемь строк для меня?

— Конечно же могу, — согласился я. <...>

Я передал написанное Блантеру и, по совести говоря, скоро позабыл об этом, не веря, что из моих незаконченных стихов может что-либо получиться.

Однако летом, когда я по какому-то случаю снова встретился с Матвеем Исааковичем, тот сказал мне, что музыку «Катюши» он написал, что, по его мнению, песня получилась хорошая, но что конечно же совершенно необходимо дописать слова.

Я обещал, что допишу. Но сделать это сразу почему-то не смог, а потом — в августе — я уехал на целый месяц в Ялту, решив про себя, что допишу после возвращения в Москву.

И вдруг совершенно неожиданно для меня в Ялте появился Блантер — он отдыхал тоже где-то в Крыму и, узнав о моём местопребывании, приехал, чтобы «подогнать» меня. Мне он сообщил, что в Москве организован Государственный джаз-оркестр, руководит которым В. Кнушевицкий. В ближайшее время состоится первое выступление, первый концерт этого джаза. «Катюша» уже включена в программу первого концерта, и я немедленно должен дописать её. Мол, деваться теперь некуда.

Матвей Исаакович пообещал, что через два дня он снова придет ко мне и что надеется увезти с собой совершенно полный и окончательный текст «Катюши».

Я немедленно принялся за работу, хотя это было для меня крайне трудно: вне дома, вне привычной обстановки я почти не могу работать, у меня ничего не получается.

Но дописать песню нужно было во что бы то ни стало, и я дописывал её.

У меня, к сожалению, не сохранилось от тех дней ни каких-либо черновиков, ни каких-либо записей, но помнится, что через два дня я передал композитору пять или семь вариантов законченной «Катюши» — мол, выбирайте любой.

Сам я, однако, выделил один вариант, который мне казался наиболее удачным, и я сделал на нём соответствующую пометку. После оказалось, что и Блантеру больше всего приглянулся именно этот вариант. Таким образом, слова «Катюши» были одобрены нами обоими.

Может быть, стоит сказать, хотя бы вкратце, почему я включил в песню бойца-пограничника, которого Катюша любит и ждёт, которому она даёт наказ зорко беречь родную землю...

Дело в том, что время тогда было всё-таки тревожное. Мы как бы уже предчувствовали войну, хотя и не знали точно, когда и откуда она может прийти. Впрочем, мы не только предчувствовали, что война будет, но в известной мере уже переживали её: ведь в 1938 году ещё пылало пламя войны в Испании; в том же году Красная Армия вынуждена была вести и вела тяжёлые бои с японскими самураями у озера Хасан; не очень спокойно было и на западных наших границах.

По этим причинам тема родины, тема защиты её от посягательств врага была темой самой важной, самой первостепенной, и я, конечно, никак не мог пройти мимо неё даже в лирической песне.

Осенью 1938 года, как и обещал М.И. Блантер, состоялся первый концерт Государственного джаз-оркестра. На концерте была впервые исполнена «Катюша», которая сразу же понравилась всем. Отсюда и началось её шествие по нашей стране.

Однако история «Катюши» на этом не кончается. Она, пожалуй, только начинается. И поэтому стоит кое-что рассказать о «Катюше» дополнительно.

Через год (а может быть, и раньше) «Катюша» перешагнула границы Советского Союза.

Во всяком случае, уже в сентябре 1939 года население Западной Украины и Западной Белоруссии, находившееся дотоле под властью польских панов, встречало нашу армию-освободительницу пением «Катюши».

В годы Великой Отечественной войны «Катюшу» пели бойцы армии Сопротивления во Франции и Италии.

Осенью 1957 года, когда я приехал в Италию, мне рассказывали, что по крайней мере восемьдесят процентов населения

Италии знает «Катюшу». Об этом писал и поэт А. Прокофьев, утверждая, что «Катюша»

Впереди отрядов партизанских
Чуть не всю Италию прошла.

Любопытно отметить и такой факт: советские воины, сражавшиеся в партизанских отрядах Италии, в дни победы, когда их пожелал увидеть папа римский, вошли в Ватикан с пением «Катюши».

Дошла «Катюша» и до Соединённых Штатов Америки. Побывав там вскоре после войны, украинский поэт Андрей Малышко писал в одном из своих стихотворений:

Негры пели русскую «Катюшу»,
Ту, что Исаковский написал.

В последние годы «Катюша» стала очень популярной в Японии. В Токио и сейчас есть кафе под названием «Катюша», в котором эта песня исполняется по крайней мере один раз в течение вечера. <...>

О популярности «Катюши» в нашей стране свидетельствует, в частности, хотя бы то, что в военные и послевоенные годы появилось множество переделок «Катюши», «ответов» на неё, продолжений, подражаний и тому подобное.

Первые переделки и «ответы» стали известны ещё во время финской кампании («Нахожусь в Финляндии, Катюша», — писал неизвестный автор), но особенно много их стало потом — в годы Великой Отечественной войны. Переделки, приспособленные к местным условиям, распевались во многих местах. В этих переделках Катюша изображалась не только девушкой, которая любит и ждёт своего возлюбленного, но и такой, которая сама борется с врагами, находясь в партизанском отряде; она же и на фронте — «С автоматом девушка простая», она — и медицинская сестра: «Раны Катя крепко перевязет, на руках из боя унесёт».

Ныне покойный профессор И.Н. Розанов собрал около ста переделок, продолжений «Катюши» и «ответов» на неё.

Весьма любопытную историю рассказывал мне ещё в дни войны поэт Илья Львович Сельвинский, который участвовал в боях на Керченском полуострове.

Однажды под вечер, в часы затишья, наши бойцы услышали из немецкого окопа, расположенного поблизости, «Катюшу».

Немцы прокрутили её раз, потом поставили второй раз, потом третий... Это разозлило наших бойцов: мол, как это подлые фашисты могут играть нашу «Катюшу»?! Не бывать этому! Надо отобрать у них «Катюшу»!..

В общем, дело кончилось тем, что группа красноармейцев совершенно неожиданно бросилась в атаку на немецкий окоп. Завязалась короткая, молниеносная схватка. В результате — немцы ещё и опомниться не успели! — «Катюша» (пластинка) вместе с патефоном была доставлена к своим.

У «Катюши» есть и несколько иное продолжение. Дело в том, что «катюшами» на фронте начали называть реактивные миномёты — грозное для врагов оружие того времени. На эту тему также появились переделки «Катюши» вроде вот такой:

Вот к передней «Катя» подходила,
Подвозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты подымали вой.

В канун 1944 года ко мне в Москву приехали посланцы генерала А.И. Нестеренко, командовавшего крупной воинской гвардейской частью, вооружённой «катюшами».

А.И. Нестеренко просил меня, поскольку новое оружие Красной Армии названо по имени моей песни «Катюша», то, мол, хорошо бы, если бы я написал новую песню уже о другой «катюше».

Я выполнил просьбу генерала. Уже в начале января была готова «Песня про „катюшу“». Начиналась она так:

И на море и на суше —
По дорогам фронтовым —
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым.
Подчистую немцев косит,
Подчистую, гадов, бьёт, —
И фамилии не спросит,
И поплакать не даёт.

Музыку новой «Катюши» написал В.Г. Захаров. И очень скоро новая «Катюша», исполняемая хором имени Пятницкого, зазвучала сначала в Москве, а потом и по всей стране, а также на фронтах ещё продолжающейся войны.

Советуем прочитать

В 1943 году Михаил Исаковский за создание цикла песен, в число которых входила и «Катюша», был удостоен Государственной премии в области литературы. Тогда же, в 1943 году, был освобождён от фашистских захватчиков Выходский район Смоленской области — его малая родина. Исаковский передал деньги, полученные за премию, на строительство в посёлке Выходы Дома культуры.

В 1985 году в помещении этого Дома культуры был создан в своём роде единственный в мире литературный музей — музей песни «Катюша». Больше узнать об этом вы можете, если прочитаете книгу: Меркин Г.С. Душа обязана трудиться. М.: Советская Россия, 1989. С. 58—98.

Живое слово

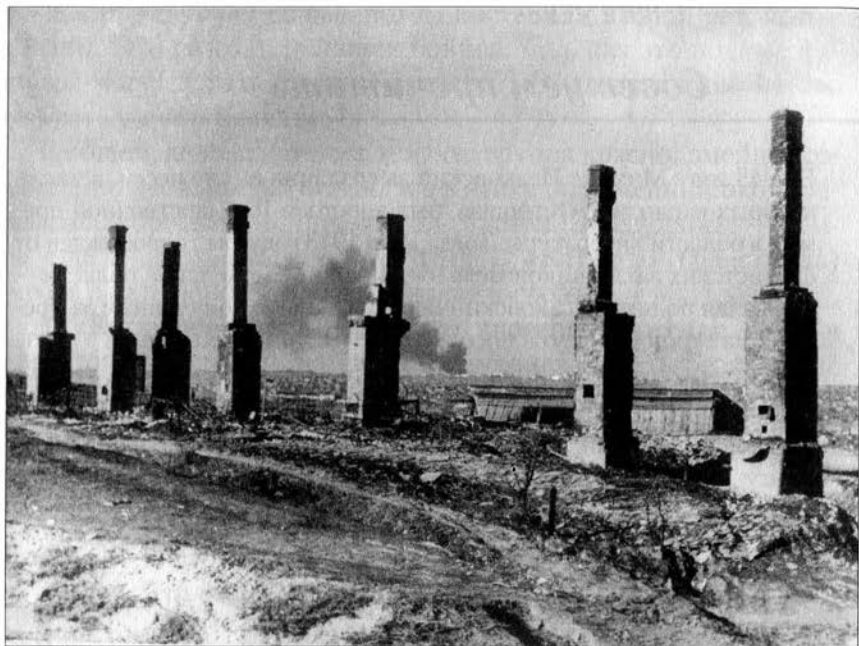
1. Подготовьте рассказ о судьбе песни «Катюша».
2. Найдите материал об исполнителях песни «Катюша». Расскажите о них.

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Из фотохроники Великой Отечественной войны

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

ТРИ РОВЕСНИЦЫ

За плотиною, за мельницей,
Где шаткие мостки,
На закате три ровесницы
Гуляют у реки.

То пройдут себе по берегу,
То станут над водой,
То сорвут они по веточке
С берёзки молодой.

То попробуют, потрогают —
Тепла ль в реке вода, —
Будто только ради этого
И шли они сюда.

А уж сумерки спускаются, —
До дому не пора ль?
И всё чаще три ровесницы
Посматривают вдаль.

А вдали туман лишь стелется,
Над речкою дымит,
А вдали одно лишь слышится,
Как мельница шумит.

А на небе нет ни месяца,
Ни месяца, ни звёзд...
И пошли обратно девушки,
Обижены до слёз.

Три высоких чистых голоса
Над речкой поплыли:
— Что ж вы, мальчики-обманщики,
Забыли — не пришли?!

1953

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М.В. ИСАКОВСКОГО

Лирика М.В. Исаковского соединена с устной народной поэзией глубинными связями. Народные представления, приметы, склад и образ мыслей живут в поэтическом мироощущении Исаковского. Поэтому, читая его стихи, важно для более глубокого проникновения в тайны замысла видеть изнутри тот или иной образ, представлять не только прямое значение слова, но и формы его бытования в народно-поэтическом сознании. При осмыслении содержания стихотворного текста необходим принцип медленного, а чаще всего и возвратного, повторного чтения.

1. Как вы думаете, где и когда происходит действие? С какой целью пришли «три ровесницы»?
2. Высокий берег в народной поэтике — место любовного свидания. Вспомните фрагмент из стихотворения «Катюша»: «Выходила на берег Катюша, / На высокий берег на крутой...» В стихотворении «Три ровесницы» крутизна берега не подчёркнута. Случайно ли это? Зато в этой же строфе есть другой «прозрач-

ный» образ. Он «спрятан» в строках: «То сорвут они по веточке / С берёзки молодой...» Вспомните другие произведения русской поэзии. Какие ассоциации должна вызывать веточка молодой кудрявой берёзы?

3. Девушки пробуют, «Тепла ль в реке вода...»; в другом месте стихотворения говорится, что «вдали туман лишь стелется...». Холодная вода и стелющийся туман, по народным поверьям, предвещают беду; тёплая вода и поднимающийся туман — радость. Так, может быть, и в самом деле «...только ради этого / И шли они сюда»? Зачем же М.В. Исаковскому понадобилось слово «будто»? И ещё: что же хотели узнать девушки, пробуя «тепла ль в реке вода»?

4. Вчитайтесь ещё раз в строфу:

А на небе нет ни месяца,
Ни месяца, ни звёзд...
И пошли обратно девушки,
Обижены до слёз.

Что означает «на небе нет ни месяца, / Ни месяца, ни звёзд»?

5. Сделайте ещё один микровывод: почему же не пришли «мальчики-обманщики»? Где остались они? Что ещё раз с горечью и болью ощутили «три ровесницы»?

6. Сформулируйте тему стихотворения М.В. Исаковского «Три ровесницы». Следуя примерно таким же путём, охарактеризуйте стихотворение М.В. Исаковского «Враги сожгли родную хату».

Для вас, любознательные

Познакомьтесь с фрагментами статьи А.Т. Твардовского «Поэзия Михаила Исаковского».

«Слова песен Исаковского это, за немногими исключениями, стихи, имеющие самостоятельное содержание и звучание, живой поэтический организм, сам собой как бы предполагающий ту мелодию, с которой ему суждено слиться и существовать вместе. Исаковский — не „автор текстов“ и не „поэт-песенник“, а поэт, стихам которого органически присуще начало песенности, что, кстати сказать, всегда было одной из характернейших черт русской лирики.

Эта черта сближает Исаковского как автора популярнейших песен с классиками русской поэзии, Пушкиным, Лермон-

Среди родных. Художник Е.М. Чепцов. 1945 г.

товым, Некрасовым, стихи которых поются, что называется, через страницу. И среди них столько ставших широко известными народными песнями (тоже часто утратившими принадлежность именам своих великих авторов). Это поэтические произведения, созданные без обязательной их песенной предназначенности, но потом призвавшие к себе и музыкальную их интерпретацию. <...>

Слова лучших песен Исаковского содержательны, пусть даже это содержание забавное, шуточное, что, между прочим, не редкость и в народной песне, или раздумчиво-лирическое и трогательное. Но вершинные его вещи этого жанра, приобретшие широчайшую известность, поражают значительностью, сосредоточенностью и глубиной гражданской, патриотической мысли. <...>

Удивительно послевоенное стихотворение Исаковского, тоже ставшее широко известной песней „Враги сожгли родную хату”, сочетанием в ней традиционно-песенных, даже стилизованных приёмов с остросовременным трагическим содержанием. С какой немногословной и опять-таки негромогласной силой

передана здесь в образе горького солдатского сиротства великая мера страданий и жертв народа-победителя в его правой войне против вражеского нашествия. <...>

Лирика Исаковского свидетельствует о цельности его душевного склада, о скромности и достоинстве, о добром, отзывчивом сердце, не склонном, однако, к сентиментальности, вернее, защищённом от неё врождённым чувством юмора. Личный облик поэта представляется в органическом единстве с его творчеством. <...>

Целостный дух и склад его поэзии, характеристические черты её формы как нельзя более близки духу и складу народного труженического характера, чуждого горлопанству и краснословию, более способного высказаться на деле, чем на словах, отнюдь не лишённого, однако, чувства юмора. <...>

Поэт обладает способностью даже в самой непритязательной на первый взгляд форме как бы ненароком отозваться на острые и глубоко существенные стороны народной жизни. Вот песенка — не песенка, лирическая зарисовка позднего гулянья „трёх ровесниц“, поджидающих обещанной парнями встречи.

А уж сумерки спускаются, —
До дому не пора ль?
И всё чаще три ровесницы
Посматривают вдаль.

Эту простенькую частушечного лада вещицу с её как бы шуточной интонацией можно по внешнему содержанию отнести и к довоенной поре, и к ещё более дальним временам сельской жизни. Но написана она в самом начале пятидесятых годов, когда ещё горькая память войны сказывалась в особой горечи послевоенного деревенского девичества — преизбытке невест и нехватке женихов. И стихи, в которых как будто и нет речи об этом, пронизаны болью за судьбы „ровесниц“ с их сердечной обидой и робким упреком:

— Что ж вы, мальчики-обманщики,
Забыли — не пришли?!

Так в незатейливой и почти что пасторальной форме „Трёх ровесниц“ вмещается содержание, может быть, не меньшей жизненной остроты, чем в таком сильном стихотворении Исаковского послевоенных лет, как „Враги сожгли родную хату“...»

Вопросы и задания

1. Какие черты поэзии М.В. Исаковского отмечены в статье А.Т. Твардовского?
2. Какой образ Исаковского — поэта и человека — сложился у вас после чтения его стихотворений и биографических материалов о нём?

Советуем прочитать

Кошелев Я.Р. Живое наследие // Михаил Исаковский. Сто песен. Смоленск, 2000. С. 3—6.

После уроков

Подготовьте и проведите литературно-музыкальный вечер «Живое наследие» (песни М.В. Исаковского в моей семье и в моей стране).

АЛЕКСАНДР
ТРИФОНОВИЧ
ТВАРДОВСКИЙ
1910—1971

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в Смоленщине, в 1910 году, 21 июня, на «хуторе пустоши Столпово», как назывался в бумагах клочок земли, приобретённый моим отцом, Трифоном Гордеевичем Твардовским, через Поземельный крестьянский банк с выплатой в рассрочку. <...> Нам, детям, он с самого малого возраста внушал любовь и уважение к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но нашей земле — нашему «имению», как в шутку и не в шутку называл он свой хутор. <...>

В жизни нашей семьи бывали изредка просветы относительного достатка, но вообще жилось скудно и трудно. <...>

Отец был человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски. Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе. Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-нибудь книги. Первое моё знакомство с «Полтавой» и «Дубровским» Пушкина, «Тарасом Бульбой» Гоголя, популярнейшими стихотворениями Лермонтова, Некрасова, А.К. Толстого, Никитина произошло таким именно образом. Отец и на память знал много стихов: «Бородино», «Князя Курбского», чуть ли не всего ершовского «Конька-горбунка». Кроме того, он любил и умел петь, — смолоду даже отличался в церковном хоре. Обнаружив, что слова общеизвестной «Коробушки» — только малая часть «Коробейников» Некрасова, он пел при случае целиком всю эту поэму.

Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка, даже не без сентиментальности, ко многому, что находилось вне практических житейских интересов

Семья Твардовских. На фотографии слева направо: М.М. Твардовская — мать поэта, Александр (на втором плане), Иван (на велосипеде), Т.Г. Твардовский — отец поэта с дочерью Анной на коленях, Константин. 1916 г.

крестьянского двора, хлопот и забот хозяйки в большой многодетной семье. Её до слёз трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далёких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца и т. п.

Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой. Хорошо помню, что первое моё стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнёзд, я пытался записать, ещё не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения. Там не было ни лада, ни ряда — ничего от стиха, но я отчётливо помню, что это было страстное, горячее до сердцебиения желание всего этого — и лада, и ряда, и музыки, — желание родить их на свет — и немедленно, — чувство, сопутствующее и доньне всякому новому замыслу. <...>

По-разному благосклонно и по-разному с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. Отцу, человеку очень честолобивому, это было лестно. <...> Мать, видя мою при-

верженность к таким необычным занятиям, по-своему чуяла в них некую печальную предназначенность моей судьбы и жалела меня.

Лет тринадцати я как-то показал свои стихи одному молодому учителю. Ничуть не шутя, он сказал, что так теперь писать не годится: всё у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что в стихах написано, — таковы современные литературные требования. Он показал мне журналы с некоторыми образцами тогдашней — начала двадцатых годов — поэзии. Какое-то время я упорно добивался в своих стихах непонятности. Это долго не удавалось мне, и я пережил тогда, пожалуй, первое по времени горькое сомнение в своих способностях. Помнится, я, наконец, написал что-то уж настолько непонятное ни с какого конца, что ни одной строчки вспомнить не могу оттуда и не знаю даже, о чём там шла речь. Помню лишь факт написания чего-то такого.

С 1924 года я начал посылать небольшие заметки в редакции смоленских газет. Писал о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей и т. п. Изредка заметки печатались. Это делало меня, рядового сельского комсомольца, в глазах моих сверстников и вообще окрестных жителей лицом значительным. Ко мне обращались с жалобами, с предложениями написать о том-то и о том-то, «протянуть» такого-то в газете... Потом я отважился послать и стихи. В газете «Смоленская деревня» летом 1925 года появилось моё стихотворение «Новая изба». <...>

После этого я, собрав с десяток стихотворений, отправился в Смоленск к М.В. Исаковскому, работавшему там в редакции газеты «Рабочий путь». Принял он меня приветливо, отобрав часть стихотворений, вызвал художника, который зарисовал меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами и портретом «селькора-поэта А. Твардовского».

Михаилу Исаковскому, земляку, а впоследствии другу, я очень многим обязан в своём развитии. Он, может быть, единственный из советских поэтов, чьё непосредственное влияние я всегда признаю и считаю, что оно было благотворным для меня. В стихах своего земляка, уже известного в наших краях поэта, я увидел, что предметом поэзии может и должна быть окружающая меня жизнь советской деревни, наша непритязательная смоленская природа, собственный мой мир впечатлений, чувств, душевных привязанностей. Пример его поэзии обратил меня в моих юношеских опытах к существенной объективной теме,

А.Т. Твардовский. Смоленск. 1930 г.

Страница из газеты «Смоленская деревня» со стихотворением А.Т. Твардовского и рисунком Н. Фомичёва «Селькор-поэт А. Твардовский»

к стремлению рассказывать и говорить в стихах о чём-то интересном не только для меня, но и для тех простых, не искушённых в литературном отношении людей, среди которых я продолжал жить. Ко всему этому, конечно, необходима оговорка, что писал я тогда очень плохо, ученически, беспомощно, подражательно.

В развитии и росте моего литературного поколения было, мне кажется, самым трудным и для многих моих сверстников губительным то, что мы, втягиваясь в литературную работу, выступая в печати и даже становясь уже «профессиональными» литераторами, оставались людьми без сколько-нибудь серьёзной общей культуры, без образования. Поверхностная начитанность, некоторая осведомлённость в «малых секретах» ремесла питала в нас опасные иллюзии.

Обучение моё прервалось, по существу, с окончанием сельской школы. Годы, назначенные для нормальной и последовательной учёбы, ушли. Восемнадцатилетним парнем я приехал в Смоленск, где не мог долго устроиться не только на учёбу, но даже на работу — по тем временам это было ещё не легко, тем более что специальности у меня никакой не было. Поневоле

пришлось принимать за источник существования грошовый литературный заработок и обивать пороги редакций. Я и тогда понимал незavidность такого положения, но и отступать было некуда, — в деревню я вернуться не мог, а молодость позволяла видеть впереди, в недалёком будущем только хорошее. <...>

Период этот — может быть, самый решающий и значительный в моей литературной судьбе... В Смоленске я, наконец, принялся за нормальное учение... поступил я в педагогический институт без приёмных испытаний, но с обязательством сдать в первый год все необходимые предметы за среднюю школу, в которой я не учился. Мне удалось в первый же год выровняться с моими однокурсниками, успешно закончить второй курс, с третьего я ушёл по сложившимся обстоятельствам и доучивался уже в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), куда поступил осенью тридцать шестого года.

Эти годы учёбы и работы в Смоленске навсегда отмечены для меня высоким душевным подъёмом. Никаким сравнением я не мог бы преувеличить испытанную тогда впервые радость приобщения к миру идей и образов, открывшихся мне со страниц книг, о существовании которых я ранее не имел понятия. Но, может быть, всё это было бы для меня «прохождением» институтской программы, если бы одновременно меня не захватил всего целиком другой мир — реальный нынешний мир потрясений, борьбы, перемен, происходивших в те годы в деревне...

<...> Осенью 1939 года я был призван в армию и участвовал в освободительном походе наших войск в Западную Белоруссию. По окончании похода я был уволен в запас, но вскоре вновь призван и, уже в офицерском звании, но в той же должности спецкорреспондента военной газеты, участвовал в войне с Финляндией. Месяцы фронтовой работы в условиях суровой зимы сорокового года в какой-то мере предварили для меня военные впечатления Великой Отечественной войны. А моё участие в создании фельетонного персонажа «Васи Тёркина» в газете «На страже Родины» — это, по существу, начало моей основной литературной работы в годы Отечественной войны. Но дело в том, что глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне с первых дней отличили её от каких бы то ни было иных войн, и тем более военных кампаний. Это, конечно, и определило существенное отличие теперешнего «Василия Тёркина» от того, прежнего, «Васи».

<...> «Тёркин» был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем — воюющим советским человеком, — моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю. Впрочем, всё это, мне кажется, более удачно выражено в заключительной главе моей книги. <...>

Но так же естественно, что с годами, с расширением жизненного и литературно-общественного опыта, поездками по стране и за её пределы — расширялось и, так сказать, поле действительности, становившейся основой моих писаний.

Могу сказать, что если Смоленщина, со всей её неповторимой и бесценной для меня памятью, досталась мне, как говорится, от отца с матерью, то уже, например, Сибирь, с её суровой и величественной красотой, природными богатствами, гигантскими стройками и сказочно широкими перспективами, я обретал для себя уже сам в зрелые годы. Правда, интерес и влечение к Сибири и Дальнему Востоку были у меня задолго до моих поездок в эти края, с отроческих лет, под влиянием книг и отчасти переселенческих мечтаний и планов отца...

Эту новую мою связь — связь с «иными краями» — я сознательно развиваю и укрепляю с конца сороковых годов, когда впервые побывал на востоке страны, и она непосредственно сказалась в главной моей работе пятидесятых годов — книге «За далью — даль»...

1947–1965

Вопросы и задания

?

1. Какие впечатления детства и юности Твардовского кажутся вам наиболее значимыми для его дальнейшей творческой судьбы?
2. Расскажите о родителях поэта, об их отношении к желанию сына заняться поэзией.
3. Каким был путь Твардовского в литературу? Кто помогал ему на этом пути?
4. Какие основные события в своей творческой биографии выделяет сам поэт?

Пора! Ударил отправленье
Вокзал, огнями залитой;
И жизнь, что прожита с рожденья,
Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил;

Хотя своей считал дорогой
И про себя её берёг,
Как книгу, что прочесть до срока
Всё собирался и не мог.

Мешало многое другое,
Что нынче в памяти у всех.
Мне нужен был запас покоя,
Чтоб ей отдаться без помех.

Иллюстрации к поэме
художника О.Г. Верейского. 1967 г.

Но книги первую страницу
Я открываю в срок такой,
Когда покой, как говорится,
Опять уходит на покой...

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берёт.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревёт.

Игорь Тихомиров

Он над моей поёт постелью
И по стеклу сечёт крупой,
Дурной, безвременной метелью
Свистит и воет вразнобой.

Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждёт.
Он здесь ещё слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Ещё огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.

Ещё мне хватит этой полки,
Ещё московских суток жаль,
Ещё такая даль до Волги,
А там-то и начнётся даль —
За той великой водной гранью.

И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье,
Предуралье,
Взойдёт отлого на Урал.
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль.

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

А там Байкал, за тою далью, —
В полсуток обогнуть едва ль, —
А за Байкалом —
Забайкалье.

А там ещё другая даль,
Что обернётся далью новой.

А та, неведомая мне,
Ещё с иной, большой, суровой,
Сомкнётся и пройдёт в окне...

А той порой, отменно точный,
Всего пути исполнив срок,
Придёт состав дальневосточный
На Дальний, собственно, Восток,
Где перед станцией последней,
У пограничного столба,
Сдаётся мне, с земли соседней
Глухая слышится пальба...

Но я ещё с Москвою вместе,
Ещё во времени одном.
И, точно дома перед сном,
Её последних жду известий;
Она свой голос подаёт
И мне в моей дороге дальней.

А там из-за моря восход
Встаёт, как зарево, печальный.

И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.

И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи¹.
С утра усталые режут
Береговые батареи...

¹...Страда защитников Кореи. — Имеется в виду война в Корее в 1950—1953 гг.

Идут бои, горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесён от стен Европы.

И вы, что горе привезли
На этот берег возрождённый¹,
От вашей собственной земли
Всем океаном отделённый, —
Хоть в цвет иной рядитесь вы,
Но ошибётся мир едва ли:
Мы вас встречали из Москвы
И до Берлина провожали...

Народ — подвижник и герой —
Оружье зла оружием встретил.
За грех войны — карал войной,
За смерть — печатью смерти метил.

В борьбе исполнен новых сил,
Он в годы грозных испытаний
Восток и Запад пробудил —
И вот —
Полмира в нашем стане!

Что ж, или тот урок забыт,
И вновь, под новым только флагом,
Живой душе война грозит,
Идёт на мир знакомым шагом?

И, чуждый жизни, этот шаг,
Врываясь в речь ночных известий,
У человечества в ушах
Стоит, как явь и как предвестье.

С ним не забыться, не уснуть,
С ним не обвыкнуть и не сжиться.
Он — как земля во рву на грудь
Зарытым заживо ложится...

¹...И вы, что горе привезли / На этот берег возрождённый... — Свыше половины вооружённых сил, участвовавших в корейской войне, были американскими.

Дорога дальняя моя,
Окрестный мир страны обширной,
Родные русские поля,
В ночи мерцающие мирно, —

Не вам ли памятни года,
Когда по этой магистрали
Во тьме оттуда и туда
Составы без огней бежали;

Когда тянулись в глубь страны
По этой насыпи и рельсам
Заводы — беженцы войны¹ —
И с ними люди — погорельцы;

Когда, стволы зениток ввысь
Подняв над «улицей зелёной»,
Безостановочно неслись
Туда, на запад, эшелоны.

И только, может, мельком взгляд
Тоски немой и бесконечной
Из роты маршевой солдат
Кидал на санитарный встречный...

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет — и вдруг
Заговорит к дурной погоде.

Но, люди, счастье наше в том,
Что счастья мы хотим упорно,
Что на века мы строим дом,
Свой мир живой и рукотворный.

Он всех людских надежд оплот,
Он всем людским сердцам доступен.
Его ли смерти мы уступим?..
На Спасской башне полночь бьёт...

¹ Заводы — беженцы войны... — Во время Великой Отечественной войны многие крупные заводы были эвакуированы в восточные районы страны, главным образом в Сибирь и на Урал.

ОГНИ СИБИРИ

Сибирь!
Леса и горы скопом,
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вширь пяти Европам
Со всею музыкой своей.

Могучий край всемирной славы,
Что грозной щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Её рудник и арсенал.

Край, где несметный клад заложен,
Под слоём — слой мощней вдвойне.
Иной ещё не потревожен,
Как донный лёд на глубине.

Родимый край лихих сибирских
Трёх войнам памятных полков
С иртышских,
Томских,
Обских,
Бийских
И Енисейских берегов...

Сестра Урала и Алтая,
Своя, родная вдаль и вширь,
С плечом великого Китая
Плечо сомкнувшая, Сибирь!

Сибири!
И лёг и встал — и снова —
Вдоль полотна пути Сибирь.
Но как дремучестью суровой
Ещё объят её пустырь!

Идёт, идёт в окне экспресса
Вдоль этой просеки одной
Неотодвинутого леса
Оббитый ветром перестой.

По хвойной тьме — берёзы проседь...
Откосы сумрачные гор...
И всё кругом — как бы укор
Из давней давности доносит.

Земля пробитых в глушь путей,
Несчётных вёрст и редких дымов,
Как мало знала ты людей,
Кому была б землёй родимой!

Кому была бы той одной,
Что с нами в радости и в горе,
Как юг иль степь душе иной,
Как взморье с тёплой волной,
Как мне навек моё Загорье...

Недоброй славы край глухой.
В новинку твой нелёгкок норov.
Ушёл тот век, настал другой,
Но ты — всё ты — с твоим укором,

И в старых песнях не устал
Взывать с тоской неутолимой
Твой Александровский централ
И твой бродяга с Сахалина¹.

¹ *Твой Александровский централ / И твой бродяга с Сахалина...* — Имеются в виду русские народные песни «Александровский централ» («Далеко в стране Иркутской...»), «Глухой неведомой тайгою...».

Да, горделивая душа
Звучит и в песнях, с бурей споря,
О диком бреге Иртыша
И о твоём священном море¹.

Но, может быть, в твоей судьбе,
И величавой и суровой,
Чего недодано тебе —
Так это мощной песни новой,
Что из конца прошла б в конец
По всем краям с зазывной силой
И с миллионами сердец
Тебя навеки породнила.

Та честь была бы дорога
И слава — не товар лежалый,
Когда бы мне принадлежала
В той песне добрая строка...

И снова — сутки прочь, и снова —
Сибирь!
Как свист пурги — Сибирь, —
Звучит и ныне это слово,
Но та ли только эта быль!

В часы дорожные ночные
Вглядишься — глаз не отвести:
Как Млечный Путь, огни земные
Вдоль моего текут пути.
Над глухоманью вековой,
Что днём и то была темна.
И, точно в небе, эта млечность
Тревожна чем-то и скрытна...

Текут, бегут огни Сибири,
И с нерассказанной красой
Сквозь непроглядность этой шири
И дали делятся полосой.

¹ *Звучит и в песнях, с бурей споря, / О диком бреге Иртыша / И о твоём священном море...* — Имеются в виду ставшие народными песни «Смерть Ермака» на слова поэта-декабриста К.Ф. Рыльева (1795—1826) и «Славное море, священный Байкал» — несколько изменённый вариант стихотворения сибирского учителя и поэта Д.П. Давыдова (1811—1888) «Дума беглеца на Байкале».

Лучатся в тех угрюмых зонах,
Где время шло во мгле слепой.
Дробятся в дебрях потрясённых,
Смыкая зарева бессонных
Таёжных кузниц меж собой.

И в том немеркнушем свеченье
Вдали угадываю я
Ночное позднее движенье,
Оседлый мир, тепло жилья;
Нелёгкий труд и отдых сладкий,
Уют особенной цены,
Что с первой детскою кроваткой
У голой лепится стены...

Как знать, какой отрадой дивной
И там бывает жизнь полна —
С тайгою дикой, срединной,
Чуть отступившей от окна,

С углом в бараке закопчённом
И чаем в кружке жестяной, —
Под стать моим молодожёнам,
Что едут рядом за стеной,
У первой нежности во власти,
В плену у юности своей...

И что такое в жизни счастье,
Как ни мудри, а им видней...
Так час ли, два в работе поезд,
А точно годы протекли,
И этот долгий звёздный пояс
Уж опоясал полземли.

А что там — в каждом поселенье
И кем освоена она,
На озарённом протяженьи
Лесная эта сторона.

И как в иной таёжный угол
Издалека вели сюда
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...

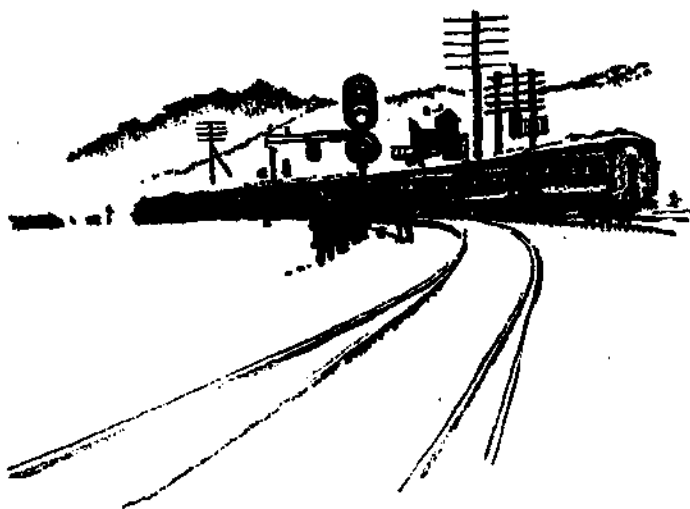
Но до того, как жизнь рассудит,
Судьбу назвав, какая чья,
Любой из тысяч этих судеб
И так и так обязан я.

Хотя бы тем одним, что знаю,
Что полон памятью живой
Твоих огней, Сибирь ночная,
Когда всё та же, не иная,
Видна ты далее дневной...

Тот свет по ней идёт всё шире,
Как день сменяя ночи тьму.
И что! Какие силы в мире
Потщатся путь закрыть ему!

Он и в столетях не померкнет,
Тот вещей отблеск наших дней.
Он — жизнь.
А жизнь сильнее смерти:
Ей больше нужно от людей,

И перемен бесповоротных
Неукротим победный ход.
В нём власть и воля душ несчётных,
В нём страсть, что вдаль меня зовёт.

Мне дорог мир большой и трудный,
Я в нём — моей отчизны сын.
Я полон с ней мечтою чудной —
Дойти до избранных вершин.
Я до конца в походе с нею,
И мне все тяготы легки.
Я всех врагов её сильнее:
Мои враги —
Её враги.

Да, я причастен гордой силе
И в этом мире — богатырь
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звёздная Сибирь!

Со всем — без края, без предела,
С чем людям жить и счастьем быть.
Люблю!
И что со мной ни делай,
А мне уже не разлюбить.

И той любви надёжной мерой
Мне мерить жизнь и смерть до дна.
И нет на свете большей веры,
Что сердцу может быть дана.

1950—1960

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

А.Т. ТВАРДОВСКОГО

Поэмы Твардовского запечатали все важнейшие события середины XX века: коллективизацию, Великую Отечественную войну, стремительную индустриализацию Урала, Зауралья и Сибири после войны. Каждое из эпических полотен поэта — это особый мир и особый миг в жизни страны и её людей. Но при всём разнообразии тем и художественных средств есть в них нечто общее — образы дороги и движения.

Через всю Россию в поисках счастливой для крестьянина судьбы идёт герой поэмы «Страна Муравия» Никита Моргунок. Идёт он по деревенскому бездорожью, и оно, это бездорожье, — не только реальность, но и символ крестьянской до-

ли во все века и времена. Никита Моргунок не странник, он мечтатель и искатель.

Через войну от западной границы и от столицы до Берлина с боями проходит солдат Василий Тёркин. Это уже другой герой страны — боец-победитель. Он защищает Отечество: в атаке в полный рост с автоматом или вдавливаясь брюхом в безымянное болото, в неистовой схватке рукопашной или под бронёй танка. Он идёт на Запад в рядах победителей.

Мимо дома проходят бойцы к победе в поэме «Дом у дороги». Он станет символом России в тяжёлые годы борьбы за освобождение. «Дом» и «война» — несовместимые понятия. Все войны рано или поздно заканчиваются. Дом вечен. Проходят мимо дома солдаты, и дом зовёт их к миру.

Через всю страну едет лирический герой поэмы «За далью — даль», с радостью и гордостью наблюдая и оценивая трудовой подвиг народа-созидателя. Кто этот герой? Пассажир? Созерцатель? Пассажир — да. Все мы пассажиры в поезде времени. Только не каждый хочет осознавать, куда и зачем он едет. Созерцатель? Скорее, нет; он — живой участник дел живых. Радостно и гордо ему сознавать: в том, что создаётся, — результат и его жизни, и жизни его отца, и жизни Никиты Моргунка, и Василия Тёркина, и тех ребят в солдатской форме, что прошли мимо дома у дороги и ушли к победе и в бессмертие.

«За далью — даль» — это итог поэтического эпоса А.Т. Твардовского.

Вопросы и задания

1. Особенностью поэтического языка поэмы является разговорная (иногда почти просторечная) лексика. Какова её роль?
 2. Приведите примеры различных строф в поэме. Чего достигает поэт, используя разные строфы?
 3. Какое значение для Твардовского имели отчие места, его малая родина? Подтвердите свои мысли фактами из автобиографии поэта и строчками поэмы.
 4. Одну из глав поэмы «За далью — даль» охарактеризуйте самостоятельно.
- Перечитайте её.

- Определите основную тему.
 - Какие образы, помогающие раскрыть тему, созданы поэтом?
 - Каковы композиция главы и её сюжет?
 - Отметьте наличие лирических отступлений, их место и темы.
 - Охарактеризуйте речь; обратите внимание на афористические выражения.
 - Особо на примере отдельных фрагментов остановитесь на системе изобразительных средств (тропы и фигуры в главе).
 - Определите стихотворный размер.
 - В качестве вывода может быть размышление об образе автора и его отношении к изображаемому.
- 5*.** Подготовьте 2–3 вопроса по характеристике других глав поэмы.

Для вас, любознательные

Сибирь, как указывает сам поэт в автобиографии, воплощала в семье Твардовских мечту об обширной, плодородной земле, где можно было зажить «по-новому», без лишений и нужды: «Интерес и влечение к Сибири и Дальнему Востоку были у меня задолго до моих поездок в эти края, с отроческих лет под влиянием книг и отчасти переселенческих мечтаний и планов отца, то и дело возникавших у него в полном противоречии к своему загорьевскому имению».

В 30-е годы мысль о сибирских землях в творчестве поэта возникла в связи с патриархальным мифом русского крестьянина о свободных, вольных, плодородных просторах. Вновь обращается Твардовский к сибирской теме во второй половине 40-х — 50-е годы. Это обращение обусловлено социально-экономическими событиями в жизни страны: строительством гидроэлектростанций, перекрытием Ангары, возникновением новых городов.

Поэтическое освоение «иных краёв» связано не только с поэмой «За далью — даль», но и с «отпочковавшимися» от неё стихотворениями «Две Оки», «От Иркутска до Братска», «Разговор с Падун», «Порог Падун», «Ещё о Сибири», «У Падуна», «Байкал», «В тайге Приморья». В стихотворениях этого цикла сильны элементы очерковости, следования за событием, фактом, для них характерно открытое выражение авторской позиции и риторика, что свойственно избранному поэтом

Урал. Художник В.В. Переплётчиков. 1897 г.

жанру. В стихотворениях «сибирского цикла» и поэме «За далью — даль» поэт даёт пейзажные зарисовки не только вечно прекрасной, суровой природы Сибири, но и той красоты, что рождается с приходом человека — преобразователя земли. По мысли поэта, «часть красы земной ушла, чтоб место дать иной». Признавая их равноценность, Твардовский не скупится на описание «иной красоты»:

В рассветный час во мгле сухой,
Одетый инеем Сибири,
Мост пробудился над рекой,
Одной из самых славных в мире.

Однако осмысление поэтом сибирской темы в ходе развития его взглядов осложнялось. В поэмах «За далью — даль», «Тёркин на том свете» возникает иной образ Сибири — Сибири каторжной, с её Александровским централом и страшными рядами безымянных могил:

За черту из-за черты,
С разницею малой,
Область вечной мерзлоты
В вечность их списала.

В данном случае образ Сибири начинает наполняться трагическим смыслом:

...Там — рядами по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

Образ Сибири — образ достаточно неоднозначный в творчестве Твардовского. С одной стороны, это «газетная», «парадная» Сибирь эпохи «великих строек» и «преобразования мира». С другой — вольная, плодородная земля вековой мечты среднерусского крестьянства. И она же — символ несвободы, подневольного труда, место ссылки и гибели миллионов:

И как в иной таёжный угол
Издалека вели сюда
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда....

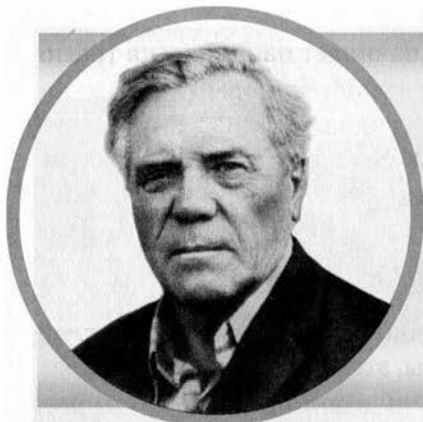
Неоднозначность образа Сибири — яркое свидетельство развития мировоззрения поэта.

После уроков

1. Организуйте книжную выставку произведений А.Т. Твардовского «О России — с болью и любовью».
2. Проведите конкурс чтецов на тему «Судьба Отчизны». На нём могут быть прочитаны стихи: «Есть минуты, когда не тревожит...» А.А. Блока; «Мне мало нужно...» В.В. Хлебникова; «После вьюги» Б.Л. Пастернака; «Катюша» М.В. Исаковского; «Я знаю, никакой моей вины...» А.Т. Твардовского; «Весёлая песня» М.А. Светлова; «Слеги» А.А. Вознесенского; «Мне такую нравится земля...» Р.И. Рождественского; «Я не люблю» В.С. Высоцкого и др.

ВИКТОР
ПЕТРОВИЧ
АСТАФЬЕВ
1924—2001

«Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, которые не покидают, да и никогда, верно, не покинут тех, кто прошёл войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя, порой не успев ещё и жизни-то как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поесть, я думаю о ёлочке, которая растёт в лесу, на пне. Она уже, наверное, большая-пребольшая...» — так пишет Виктор Астафьев, рассказывая простенькую историю о ёлочке, вскормленной прахом срубленного дерева и потому жизнестойкой среди хилых подружек, тщетно пытающихся выжить на почве голой, каменистой, бесплодной. В ёмких строках умной притчи «И прахом своим...» — личность автора, с его жизненным опытом, с его выношенными убеждениями, мудрой, грустной и гордой любовью к родной земле и её людям, личность художника выразилась полно и цельно.

Образ, подсказанный мимолётным наблюдением над явлением природы, заключил в себе мысль общественную, нравственную о том, что только посредством преемственности, неразрывной связи с предшественниками утверждается новая жизнь, а тем, кто оторвался от материнского лона, «можно было прорасти, но нельзя выжить».

Проза Астафьева, отливается ли она в сюжетное повествование или лирический рассказ-раздумье, — это всегда размышление о нашей жизни, о назначении человека на земле и в обществе и его нравственных устоях, о народном русском характере, о способности натур живых и деятельных прорасти через обстоятельства, как бы ни были они тягостны, выходить из испытаний, обогащаясь нравственно и сохраняя живую душу. Он превосходно знает и изображает быт — от особого быта таёжных

охотников до быта фронтовой жизни, проникновенно рисует мир деревенского детства, талантливо живописует природу, одухотворяя её своим воображением. И всё же ни одно из этих свойств его дара не является определяющим суть его таланта — Астафьева не назовёшь ни бытописателем, ни пусть даже вдохновенным певцом природы. По натуре своей он моралист и поэт человечности и относится к тому роду художников, которые пишут о душе — предмете необъяснимом и как бы иллюзорном, однако всем понятном.

Осень 1945 года. Астафьев вернулся с войны, на которую ушёл добровольцем.

Вернулся не в родную деревню Овсянку, что где-то там под Красноярском, в далёкой Сибири, и не в северный порт, и не на станцию Базинка, где подростком работал составителем поездов. Много «домов» было у вчерашнего солдата, но не осталось такого, где бы его ждали. Поехал туда, куда с остывающих фронтовых дорог свернула стёжка-дорожка личной судьбы, — в заводской уральский город Чусовой. Здесь предстояло вить гнездо, «вращать» в мирное житьё. Прошлое, сколь ни было оно полно событий, мало чем могло помочь на первых порах, разве лишь тем, что он унаследовал от русских мужиков, обжившихся на суровой сибирской земле, цепкость и выносливость, да привёз с войны не только ранения, но и ту энергию, какая отличала сотни тысяч его сверстников и которую питал дух только что одержанной победы.

За пять послевоенных лет Виктор Астафьев переменял ряд профессий: был дежурным по вокзалу, слесарем, литейщиком в вагонном депо, ночным сторожем, — прежде чем взяться за перо. Произошло это, как писал один из рецензентов, случайно. В литературном кружке при газете «Чусовской рабочий», куда Астафьев заходил, кто-то читал рассказ о войне, и его удивило, что бывший фронтовик пишет так, как будто он боя в глаза не видел. Чуть позже в часы ночного дежурства он написал первый рассказ «Гражданский человек», исписав листов двадцать в книге, предназначенной для записей происшедшего на дежурстве, за что начальник охраны и отчитал его, как положено. Но рассказ уже существовал: его одобрили в том же кружке, опубликовали в газете, и замеченный талант вскоре занял в редакции место литературного сотрудника. А через два года, в 1953 году, вышла в Перми первая книжечка Астафьева — «До будущей весны».

По А.Н. Макарову

1. Расскажите о жизни В.П. Астафьева. Какие факты его биографии кажутся вам самыми значительными?
2. Какой вы представляете себе личность В.П. Астафьева?
- 3*. Какие произведения Астафьева о детях и детстве вы знаете? В чём, по вашему мнению, их своеобразие в сравнении с произведениями других писателей на эту тему?

ФОТОГРАФИЯ, НА КОТОРОЙ МЕНЯ НЕТ (В сокращении)

Глухой зимою, во времена тихие, сонные, нашу школу взбудоражило неслыханно важное событие.

Из города на подводе приехал фотограф!

И не просто так приехал, по делу — приехал фотографировать.

И фотографировать не стариков и старух, не деревенский люд, алчущий быть увековеченным, а нас, учащихся овсянской школы.

Фотограф прибыл за полдень, и по этому случаю занятия в школе были прерваны. Учитель и учительница — муж с женою — стали думать, где поместить фотографа на ночёвку.

Сами они жили в одной половине дряхленького домишка, оставшегося от выселенцев¹, и был у них маленький парнишка-ревун. Бабушка моя, тайком от родителей, по слёзной просьбе тётки Авдотьи, домовничавшей у наших учителей, три раза заговаривала пупок дитёнку, но он всё равно орал ночи напролёт и, как утверждали сведущие люди, наревел пуп в луковицу величиной.

¹ Сами они жили в одной половине дряхленького домишка, оставшегося от выселенцев... — В конце 20-х — начале 30-х гг. в борьбе с так называемыми кулаками органами власти из родных мест крестьяне насильно переселялись (ссылались) на другие территории.

Во второй половине дома размещалась контора сплавного участка, где висел пузатый телефон, и днём в него было не докричаться, а ночью он звонил так, что труба на крыше рассыпалась, и по телефону этому можно было разговаривать. Сплавное начальство и всякий народ, спяну или просто так забредающий в контору, кричал и выражался в трубку телефона.

Такую персону, как фотограф, неподходяще было учителям оставить у себя. Решили поместить его в заезжий дом, но вмещалась тётка Авдотья. Она отозвала учителя в куть и с напором, правда конфузливой, взялась его убеждать:

— Им тама нельзя. Ямщиков набьётся полна изба. Пить зачнут, луку, капусты да картошек напрутся и ночью себя некультурно вести станут. — Тётка Авдотья посчитала все эти доводы неубедительными и прибавила: — Вшей напустют...

— Что же делать?

— Я чичас! Я мигом! — Тётка Авдотья накинула полушалак и выкатилась на улицу. Фотограф был пристроен на ночь у десятника сплавконторы. Жил в нашем селе грамотный, деловой, всеми уважаемый человек Илья Иванович Чехов. Происходил он из ссыльных. Ссылными были не то его дед, не то отец. Сам он давно женился на нашей деревенской молодежи, был всем кумом, другом и советчиком по части подрядов на сплаве, лесозаготовках и выжиге извести. Фотографу конечно же в доме Чехова — самое подходящее место. Там его и разговором умным займут, и водочкой городской, если потребуется, угостят, и книжку почитать из шкафа достанут.

Вздыхнул облегчённо учитель. Ученики вздохнули. Село вздохнуло — все переживали. Всем хотелось угодить фотографу, чтобы оценил он заботу о нём и снимал бы ребят как полагается, хорошо снимал.

Весь длинный зимний вечер школьники гужом ходили по селу, гадали, кто где сядет, кто во что оденется и какие будут распорядки. Решение вопроса о распорядках выходило не в нашу с Санькой пользу. Прилежные ученики сядут впереди, средние — в середине, плохие — назад — так было порешено. Ни в ту зиму, ни во все последующие мы с Санькой не удивляли мир прилежанием и поведением, нам и на середину рассчитывать было трудно. Быть нам сзади, где и не разберёшь, кто заснят? Ты или не ты? Мы полезли в драку, чтоб боем доказать, что мы люди пропащие... Но ребята прогнали нас из своей компании, даже драться с нами не связались. Тогда пошли мы с Санькой на увал и стали

кататься с такого обрыва, с какого ни один разумный человек никогда не катался. Ухарски гикая, ругаясь, мчались мы не просто так, а в погибель, поразбивали о камня головки санок, коленки поносили, вывалились, начерпали полные катанки снегу.

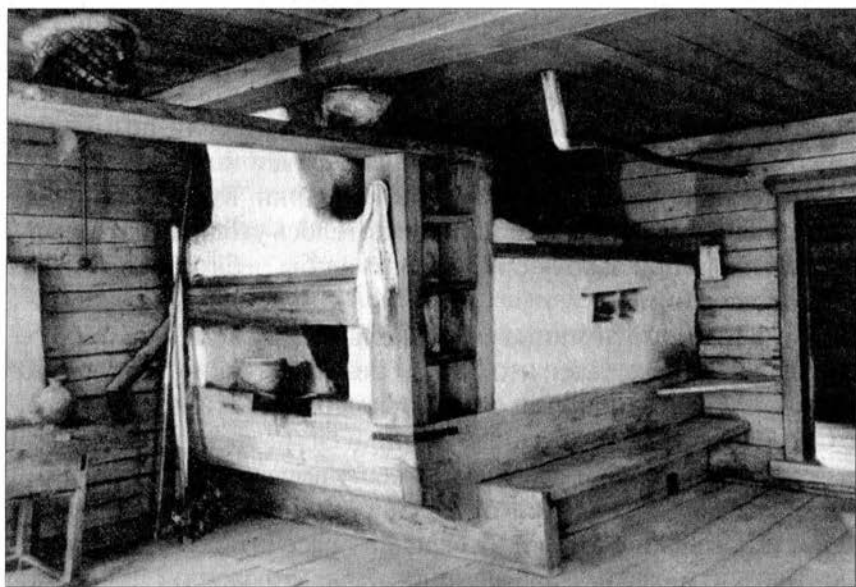
Бабушка уж затемно сыскала нас с Санькой на увале, обоих настегала прутом.

Ночью наступила расплата за отчаянный разгул — у меня заболели ноги. Они всегда ныли от «рематизни», как называла бабушка болезнь, якобы доставшуюся мне по наследству от покойной мамы. Но стоило мне застудить ноги, начерпать в катанки снегу — тотчас нудь в ногах переходила в невыносимую боль.

Я долго терпел, чтоб не завывать, очень долго. Раскидал одежду, прижал ноги, ровно бы вывернутые в суставах, к горячим кирпичам русской печи, потом растирал ладонями сухо, как лучина, хрустящие суставы, засовывал ноги в тёплый рукав полушубка — ничего не помогало.

И я завыл. Сначала тихонько, по-щенячьи, затем и в полный голос.

— Так я и знала! Так я и знала! — проснулась и заворчала бабушка. — Я ли тебе, язвило бы тебя в душу и в печёнки, не гово-

Русская печь. Рассказ оформлен фотосъёмкой предметов быта и интерьеров русской крестьянской избы. Фотограф А.В. Ополовников. 1960–1970-е гг.

рила: «Не студи́ся, не студи́ся!» — повысила она голос. — Так он ведь умнее всех! Он бабушку послушат? Он добрым словам воньмёт? Загибат теперь! Загибат, худа немочь! Мольчи лучше! Мольчи! — Бабушка поднялась с кровати, присела, схватившись за поясницу. Собственная боль действует на неё умиротворяюще. — И меня загибат...

Она зажгла лампу, унесла её с собой в куть и там зазвенела посудой, флакончиками, баночками, скляночками — ищет подходящее лекарство. Припугнутый её голосом и отвлечённый ожиданиями, я впал в усталую дрему.

— Где ты тутока?

— Зде-е-е-ся, — по возможности жалобно откликнулся я и перестал шевелиться.

— Зде-е-е-ся! — передразнила бабушка и, нашарив меня в темноте, перво-наперво дала затрещину. Потом долго натирала мои ноги нашатырным спиртом. Спирт она втирала основательно, досуха, и всё шумела: — Я ли тебе не говорила? Я ли тебя не упреждала? — И одной рукой натирала, а другой мне поддавала да поддавала: — Эх его умучило! Эх его крючком скрючило! Посинел, будто на лёде, а не на пече сидел...

Я уж ни гугу, не огрызался, не перечил бабушке — лечит она меня.

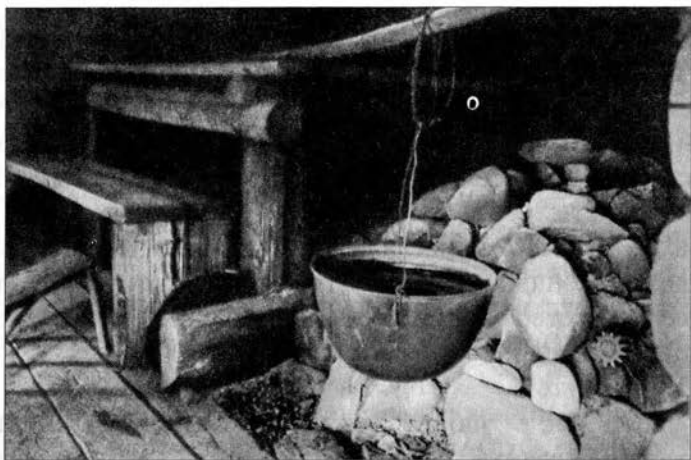
Выдохлась, умолкла докторша, заткнула гранёный длинный флакон, прислонила его к печной трубе, укутала мои ноги старой пуховой шалью, будто тёплой опарой облепила, да ещё сверху полушубок накинула и вытерла слёзы с моего лица щипучей от спирта ладонью.

— Спи, пташка малая, Господь с тобой и ангелы во изголовье.

Заодно бабушка свою поясницу и свои руки-ноги натёрла вонючим спиртом, опустилась на скрипучую деревянную кровать, забормотала молитву Пресвятой Богородице, охраняющей сон, покой и благоденствие в доме. На половине молитвы она прервалась, вслушивается, как я засыпаю, и где-то уже сквозь склеивающийся слух слышно:

— И чего к ребёнку привязалась? Обутки у него починены, догляд людской...

Не уснул я в ту ночь. Ни молитва бабушкина, ни нашатырный спирт, ни привычная шаль, особенно ласковая, целебная от того, что мамина, не принесли облегчения. Я бился и кричал на весь дом. Бабушка уж не колотила меня, а, перепробовавши все свои лекарства, заплакала, напустилась на деда:

Печь-каменка в бане

— Дрыхнешь, старый одер!.. А тут хоть пропади!
— Да не сплю я, не сплю. Чё делать-то?
— Баню затопляй!
— Середь ночи?
— Середь ночи. Экой барин! Робёнок-то! — Бабушка закрылась руками. — Да отколь напасть такая, да за что же она сиротиночку ломат, как тонку тали-и-инку... Ты долго кряхтеть будешь, толстодум? Чё ишшэшь? Вчерашний день ишшэшь? Вон твои рукавицы. Вон твоя шапка!..

Утром бабушка унесла меня в баню — сам я идти уже не мог. Долго растирала бабушка мои ноги запаренным берёзовым веником, грела их над паром от калёных камней, парила сквозь тряпку всего меня, макая веник в хлебный квас, и в заключение опять же натёрла нашатырным спиртом. Дома мне дали ложку противной водки, настоящей на борце, чтоб нутренность прогреть, и мощёной брусники. После всего этого напоили молоком, кипячённым с маковыми головками. Больше я ни сидеть, ни стоять не в состоянии был, меня сшибло с ног, и я проспал до полудня.

Разбудился от голосов. Санька препирался или ругался с бабушкой в кути.

— Не может он, не может... Я те русским языком толкую! — говорила бабушка. — Я ему и рубашечку приготовила, и пальтишко высушила, упочинила всё, худо ли, бедно ли, изладила. А он слёг...

— Баушка Катерина, машину, аппарат наставили. Меня учитель послал. Баушка Катерина!.. — настаивал Санька.

— Не может, говорю... Постой-ко, это ведь ты, жиган, смашил его на увал-то! — осенило бабушку. — Смашил, а теперича?..

— Баушка Катерина...

Я скатился с печки с намерением показать бабушке, что всё могу, что нет для меня преград, но подломились худые ноги, будто не мои они были. Плюхнулся я возле лавки на пол. Бабушка и Санька тут как тут.

— Всё равно пойду! — кричал я на бабушку. — Давай рубаху! Штаны давай! Всё равно пойду!

— Да куда пойдёшь-то? С печки на полати, — покачала головой бабушка и незаметно сделала рукой отмаху, чтоб Санька убирался.

— Санька, стой! Не уходи-и-и-и! — завопил я и попытался шагать. Бабушка поддерживала меня и уже робко, жалостливо уговаривала:

— Ну, куда пойдёшь-то? Куда?

— Пойду-у-у! Давай рубаху! Шапку давай!..

Вид мой поверг и Саньку в удручение. Он помялся, помялся, потоптался, потоптался и скинул с себя новую коричневую телогрейку, выданную ему дядей Левонтием по случаю фотографирования.

— Ладно! — решительно сказал Санька. — Ладно! — ещё решительней повторил он. — Раз так, я тоже не пойду! Всё! — И под одобрительным взглядом бабушки Катерины Петровны проследовал в среднюю. — Не последний день на свете живём! — солидно заявил Санька. И мне почудилось: не столько уж меня, сколько себя убеждал Санька. — Ещё наснимаемся! Ништя-а-ак! Поедем в город и на коне, может, и на ахтомобиле заснимемся. Правда, баушка Катерина? — закинул Санька удочку.

— Правда, Санька, правда. Я сама, не сойти мне с этого места, сама отвезу вас в город, и к Волкову, к Волкову. Знаешь Волкова-то?

Санька Волкова не знал. И я тоже не знал.

— Самолучший это в городе фотограф! Он хочь на портрет, хочь на почпорт, хочь на коне, хочь на ероплане, хочь на чём заснимет!

— А школа? Школу он заснимет?

— Школу-то? Школу? У него машина, ну, аппарат-то не перевозной. К полу привинченный, — приуныла бабушка.

— Вот! А ты...
— Чего я? Чего я? Зато Волков в рамку сразу вставит.
— В ра-амку! Зачем мне твоя рамка?! Я без рамки хочу!
— Без рамки! Хочешь? Дак на! На! Отваливай! Коли сва-
лишься с ходуль своих, домой не являйся! — Бабушка вкидала
в меня одежонку: рубаху, пальтишко, шапку, рукавицы, катан-
ки — все покидала. — Ступай, ступай! Баушка худа тебе хочет!
Баушка — враг тебе! Она коло него, аспида, व्यюном въётся, а он,
видали, какие благодарствия баушке!..

Тут я заполз обратно на печку и заревел от горького бесси-
лия. Куда я мог идти, если ноги не ходят?

В школу я не ходил больше недели. Бабушка меня лечила
и баловала, давала варенья, брусницы, настряпала отварных су-
шек, которые я очень любил. Целыми днями сидел я на лавке,
глядел на улицу, куда мне ходу пока не было, от безделья прини-
мался плевать на стёкла, и бабушка страшила меня, мол, зубы за-
болят. Но ничего зубам не сделалось, а вот ноги, плюй не плюй,
всё болят, всё болят.

Деревенское окно, заделанное на зиму, — своего рода произ-
ведение искусства. По окну, ещё не заходя в дом, можно опреде-
лить, какая здесь живёт хозяйка, что у неё за характер и каков
обиход в избе.

Бабушка рамы вставляла в зиму с толком и неброской красо-
той. В горнице меж рам валиком клала вату и на белое сверху
кидала три-четыре розетки рябины с листиками — и всё. Ника-
ких излишеств. В средней же и в кути бабушка меж рам накла-
дывала мох вперемежку с брусничником. На мох несколько бе-
рёзовых углей, меж углей ворохом рябину — и уже без листьев.

Бабушка объяснила причуду эту так:

— Мох сырость засасывает. Уголёк обмёрзнуть стёклам не
даёт, а рябина от угару. Тут печка, с кути чад.

Бабушка иной раз подсмеивалась надо мною, выдумывала
разные штуковины, но много лет спустя, у писателя Александра
Яшина, прочёл о том же: рябина от угара — первое средство. На-
родные приметы не знают границ и расстояний.

Бабушкины окна и соседние окна изучил я буквально-доско-
нально, по выражению предсельсовета Митрохи.

У дяди Левонтия нечего изучать. Промеж рам у них ничего
не лежит, и стёкла в рамах не все целы — где фанерка прибита,
где тряпками заткнуто, в одной створке красным пузом выперла
подушка.

В доме наискосок, у тётки Авдотьи, меж рам навалено всего: и ваты, и моху, и рябины, и калины, но главное там украшение — цветочки. Они, эти бумажные цветочки, синие, красные, белые, отслужили свой век на иконах, на угловике и теперь попали украшением меж рам. И ещё у тётки Авдотьи за рамами красуется одноногая кукла, безногая собака-копилка, развешаны побрякушки без ручек и конь стоит без хвоста и гривы, с расковырянными ноздрями. Все эти городские подарки привозил деткам муж Авдотьи, Терентий, который где ныне находится — она и знать не знает. Года два и даже три может не появляться Терентий. Потом его словно коробейники из мешка вытряхнут, нарядного, пьяного, с гостинцами и подарками. Пойдёт тогда шумная жизнь в доме тётки Авдотьи. Сама тётка Авдотья, вся жизнью издёрганная, худая, бурная, бегучая, всё в ней навалом — и легкомыслие, и доброта, и бабья сварливость.

Дальше тётки Авдотьиного дома ничего не видать. Какие там окна, что в них — не знаю. Раньше не обращал внимания — некогда было, а теперь вот сижу да поглядываю да бабушкину воркотню слушаю.

Какая тоска!

Оторвал листок у мятного цветка, помял в руках — воняет листок, будто нашатырный спирт. Бабушка листья мятного цветка в чай заваривает, пьёт с варёным молоком. Ещё на окне алой остался, да в горнице два фикуса. Фикусы бабушка стережёт пуще глаза, но всё равно прошлой зимой ударили такие морозы, что потемнели листья у фикусов, склизкие, как обмылки, сделались и опали. Однако вовсе не погибли — корень у фикуса живучий, и новые стрелки из ствола проклюнулись. Ожили фикусы. Люблю я смотреть на оживающие цветы. Все почти горшки с цветами-геранями, серёжками, колочей розочкой, луковицами — находятся в подполье. Горшки или вовсе пустые, или торчат из них серые пеньки.

Но как только на калине под окном ударит синица по первой сосульке и послышится тонкий звон на улице, бабушка вынет из подполья старый чугунок с дыркой на дне и поставит его на тёплое окно в кути.

Через три-четыре дня из тёмной нежилой земли проткнутся бледно-зелёные острые побеги — и пойдут, пойдут они торопливо вверх, на ходу накапливая в себе тёмную зелень, разворачиваясь в длинные листья, и однажды возникнет в пазухе этих листьев круглая палка, проворно двинется та зелёная палка

в рост, опережая листья, породившие её, набухнет щепотью на конце и вдруг замрёт перед тем, как сотворить чудо.

Я всегда караулил то мгновение, тот миг свершающегося таинства-расцветания, и ни разу скараулить не мог. Ночью или на рассвете, скрыто от людского урочливого глаза, зацветала луковка.

Встанешь, бывало, утром, побежишь ещё сонный до ветру, а бабушкин голос остановит:

— Гляди-ко, живунчик какой у нас родился!

На окне, в старом чугушке, возле замёрзшего стекла над чёрной землёю висел и улыбался яркогубый цветок с бело мерцающей сердцевинкой и как бы говорил младенчески радостным ртом: «Ну вот и я! Дождались?»

К красному граммофончику осторожная тянулась рука, чтоб дотронуться до цветка, чтоб поверить в недалёкую теперь весну, и боязно было спугнуть среди зимы впорхнувшего к нам предвестника тепла, солнца, зелёной земли.

После того как загоралась на окне луковица, заметней прибывал день, плавилась толсто обмёрзшие окна, бабушка доставала из подполья остальные цветы, и они тоже возникали из тьмы, тянулись к свету, к теплу, обрызгивали окна и наш дом цветами. Луковица меж тем, указав путь весне и цветению, сворачивала граммофончики, съёживалась, роняла на окно сохлые лепестки и оставалась с одними лишь гибко падающими, подёрнутыми хромовым блеском ремнями стеблей, забытая всеми, снисходительно и терпеливо дожидалась весны, чтоб вновь пробудиться цветами и порадовать людей надеждами на близкое лето.

Во дворе залился Шарик.

Бабушка перестала починаться, прислушалась. В дверь постучали. А так как в деревнях нет привычки стучать и спрашивать, можно ли войти, то бабушка всполошилась, побежала в куть.

— Какой это там лешак ломится?.. Милости просим! Милости просим! — совсем другим, церковным голоском запела бабушка. Я понял: к нам нагрянул важный гость, поскорее спрятался на печку и с высоты увидел школьного учителя, который обметал веником катанки и прицеливался, куда бы повесить шапку. Бабушка приняла шапку, пальто, бегом умчала одежду гостя в горницу, потому как считала, что в кути учительской одежде висеть неприлично, пригласила учителя проходить.

Я притаился на печи. Учитель прошёл в среднюю, ещё раз поздоровался и справился обо мне.

— Поправляется, поправляется, — ответила за меня бабушка и конечно же не удержалась, чтоб не поддеть меня: — На еду уж здоров, вот на работу хил покуда.

Учитель улыбнулся, поискал меня глазами. Бабушка потребовала, чтоб я слезал с печки.

Боязливо и нехотя я спустился с печи, присел на припечек. Учитель сидел возле окошка на стуле, принесённом бабушкой из горницы, и приветливо смотрел на меня.

Лицо учителя, хотя и малоприметное, я не забыл до сих пор. Было оно бледновато по сравнению с деревенскими, калёнными ветром, грубо тёсанными лицами. Причёска под «политику» — волосы зачёсаны назад. А так ничего больше особенного не было, разве что немного печальные и оттого необыкновенно добрые глаза, да уши торчали, как у Саньки левонтьевского. Было ему лет двадцать пять, но он мне казался пожилым и очень солидным человеком.

— Я принёс тебе фотографию, — сказал учитель и поискал глазами портфель.

Бабушка всплеснула руками, метнулась в куть — портфель остался там.

И вот она, фотография, — на столе.

Я смотрю. Бабушка смотрит. Учитель смотрит. Ребят и девчонок на фотографии что семечек в подсолнухе! И лица величиной с подсолнечные семечки, а узнать всех можно. Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витка Касьянов, вот Колька-хохол, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская, её брат Саня...

В гуще ребят, в самой серёдке — учитель и учительница. Он в шапке и в пальто, она в полушалке. Чему-то улыбаются едва заметно учитель и учительница. Ребята чего-нибудь сморозили смешное. Им что? У них ноги не болят.

Санька из-за меня на фотографию не попал. И чего припёрся? То измывается надо мной, вред мне наносит, а тут восчувствовал. Вот и не видно его на фотографии. И меня не видно. Ещё и ещё перебегаю с лица на лицо. Нет, не видно. Да и откуда я там возьмусь, коли на печке лежал и загибала меня «худя немочь».

— Ничего, ничего! — успокоил меня учитель. — Фотограф, может быть, ещё приедет.

— А я что ему толкую? Я то же и толкую...

Я отвернулся, моргая на русскую печку, высунувшую толстый белёный зад в среднюю, губы мои дрожат. Что мне толковать? Зачем толковать? На этой фотографии меня нет. И не будет!

Красный угол в избе

Бабушка настраивала самовар и занимала учителя разговорами.

— Как парнишечка? Грызть-то не унялася?

— Спасибо, Екатерина Петровна. Сыну лучше. Последние ночи спит спокойней.

— И слава Богу. И слава Богу. Они, робятишки, пока вырастут, ой сколько натерпишься с имя! Вон у меня их сколько, субчиков-то было, а ниче, выросли. И ваш вырастет...

Самовар запел в кути протяжную тонкую песню. Разговор шёл о том о сём. Бабушка про мои успехи в школе не спрашивала. Учитель про них тоже не говорил, поинтересовался насчёт деда.

— Сам-от? Сам уехал в город с дровами. Продаст, деньжонками разживёмся. Каки наши достатки? Огородом, коровёнкой да дровами живём.

— Знаете, Екатерина Петровна, какой случай вышел?

— Какой ж?

— Вчера утром обнаружил у своего порога воз дров, сухих, швырковых. И не могу дознаться, кто их свалил.

— А чего дознаваться-то? Нечего и дознаваться. Топите — и все дела.

— Да как-то неудобно.

— Чего неудобного. Дров-то нету? Нету. Ждать, когда предподобный Митроха распорядится? А и привезут сельсоветские — сырьё сырьём, тоже радости мало.

Бабушка, конечно, знает, кто свалил учителю дрова. И всему селу это известно. Один учитель не знает и никогда не узнает.

Уважение к нашему учителю и учительнице всеобщее, молчаливое. Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных, ни самоходов. Ещё уважают за то, что в любое время дня и ночи к учителю можно прийти и попросить написать нужную бумагу. Пожаловаться на кого угодно: на сельсовет, на разбойника мужа, на свекровку. Дядя Левонтий — лиходеёв из лиходеёв, когда пьяный, всю посуду приберёт, Васёне фонарь привесит, ребятишек поразгонит. А как побеседовал с ним учитель — исправился дядя Левонтий. Неизвестно, о чём говорил с ним учитель, только дядя Левонтий каждому встречному и поперечному радостно толковал:

— Ну чисто рукой дурь снял? И вежливо всё, вежливо. Вы, говорит, вы... Да ежели со мной по-людски, да я что, дурак, что ли? Да я любому и каждому башку сверну, если такого человека пообидят!

Тишком, бочком просочатся деревенские бабы в избу учителя и забудут там кринку молока, либо сметанки, творогу, брусники туюсок. Ребёночка доглядят, полечат, если надо, учительницу необидно отругают за неумелость в обиходе с дитём. Когда на сносях была учительница, не позволяли бабы ей воду таскать. Один раз пришёл учитель в школу в подшитых через край катанках. Умыкнули бабы катанки — и к сапожнику Жеребцову снесли. Шкалик поставили, чтоб с учителя, ни Боже мой, копейки не взял Жеребцов и чтоб к утру, к школе, всё было готово. Сапожник Жеребцов — человек пьющий, ненадёжный. Жена его, Тома, спрятала шкалик и не отдавала до тех пор, пока катанки не были подшиты.

Учителя были заводилами в деревенском клубе. Играм и танцам учили, ставили смешные пьесы и не гнушались представлять в них попов и буржуев; на свадьбах бывали почётными гостями, но блюли себя и приучили несговорчивый в гулянке народ выпивкой их не неволить.

А в какой школе начали работу наши учителя!

В деревенском доме с угарными печами. Парт не было, скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было. Один букварь на весь первый класс и один красный карандаш. Принесли ребята из дома табуретки, скамейки, сидели кружком, слушали учителя, затем он давал нам аккуратно заточенный красный карандаш, и мы, пристроившись на подоконнике, поочерёдно писали палочки. Счёту учились на спичках и палочках, собственноручно выструганных из лучины. <...>

Учитель как-то уехал в город и вернулся с тремя подводами. На одной из них были весы, на двух других ящики со всевозможным добром. На школьном дворе из плах соорудили временный ларёк «Утильсырьё». Вверх дном перевернули школьники деревню. Чердаки, сараи, амбары очистили от веками скапливаемого добра — старых самоваров, плугов, костей, тряпья.

В школе появились карандаши, тетради, краски вроде пуговиц, приклеенные к картонкам, переводные картинки. Мы попробовали сладких петушков на палочках, женщины разжились иголками, нитками, пуговицами.

Учитель ещё и ещё ездил в город на сельсоветской кляче, выхлопотал и привёз учебники, один учебник на пятерых. Потом ещё полегчение было — один учебник на двоих. Деревенские семьи большие, стало быть, в каждом доме появился учебник.

Столы и скамейки сделали деревенские мужики и плату за них не взяли, обошлись магарычом, который, как я теперь догадываюсь, выставил им учитель на свою зарплату.

Учитель вот фотографа сговорил к нам приехать, и тот заснял ребят и школу. Это ли не радость! Это ли не достижение!

Учитель пил с бабушкой чай. И я первый раз в жизни сидел за одним столом с учителем и изо всей мочи старался не обляпаться, не пролить из блюдца чай. Бабушка застелила стол праздничной скатертью и понаставила-а-а-а... И варенье, и брусница, и сушки, и лампасейки, и пряники городские, и молоко в нарядном сливочнике. Я очень рад и доволен, что учитель пьёт у нас чай, безо всяких церемоний разговаривает с бабушкой, и всё у нас есть, и стыдиться перед таким редким гостем за угощение не приходится.

Учитель выпил два стакана чаю. Бабушка упрасивала выпить ещё, извиняясь, по деревенской привычке, за бедное угощение, но учитель благодарил её, говорил, что всем он премного доволен, и желал бабушке доброго здоровья.

Когда учитель уходил из дома, я всё же не удержался и полюбопытствовал насчёт фотографа. «Скоро ли он опять приедет?»

— А, штабы тебя приподняло да шлёпнуло! — бабушка употребила самое вежливое ругательство в присутствии учителя.

— Думаю, скоро, — ответил учитель. — Выздоровливай и приходи в школу, а то отстанешь. — Он поклонился дому, бабушке, она засемила следом, провожая его до ворот с наказом, чтоб кланялся жене, будто та была не через два посада от нас, а невесть в каких дальних краях.

Брякнула щеколда ворот. Я поспешил к окну. Учитель со стареньким портфелем прошёл мимо нашего палисадника, обернулся и махнул мне рукой, дескать, приходи скорее в школу, — и улыбнулся при этом так, как только он умел улыбаться, — вроде бы грустно и в то же время ласково и приветно. Я проводил его взглядом до конца нашего переулка и ещё долго смотрел на улицу, и было у меня на душе отчего-то щемливо, хотелось заплакать.

Бабушка, ахая, убирала со стола богатую снедь и не переставала удивляться:

— И не поел-то ничего. И чаю два стакана токо выпил. Вот какой культурный человек! Вот чё грамота делает! — И увещевала меня: — Учись, Витька, хорошеньче! В учителя, может, выйдешь або в десятники...

Не шумела в этот день бабушка ни на кого, даже со мной и с Шариком толковала мирным голосом, а хвасталась, а хвасталась! Всем, кто заходил к нам, подряд хвасталась, что был у нас учитель, пил чай, разговаривал с нею про разное. И так разговаривал, так разговаривал! Школьную фотокарточку показывала, сокрушалась, что не попал я на неё, и сулилась заключить её в рамку, которую она купит у китайцев на базаре.

Рамку она и в самом деле купила, фотографию на стену повесила, но в город меня не везла, потому как болел я в ту зиму часто, пропускал много уроков.

К весне тетрадки, выменянные на утильсырьё, исписались, краски искрасились, карандаши исстрогались, и учитель стал водить нас по лесу и рассказывать про деревья, про цветки, про травы, про речки и про небо.

Как он много знал! И что кольца у дерева — это годы его жизни, и что сера сосновая идёт на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из берёзы делают фанеру; из хвойных пород — он так и сказал — не из лесин, а из пород! — изготавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, стало быть, и жизнь речек.

Но и мы тоже знали лес, пусть по-своему, по-деревенски, но знали то, чего учитель не знал, и он слушал нас внимательно, хвалил, благодарил даже. Мы научили его копать и есть корни саранок, жевать листовничную серу, различать по голосам птичек, зверьков и, если он заблудится в лесу, как выбраться отсюда, в особенности как спастись от лесного пожара, как выйти из страшного таёжного огня.

Однажды мы пошли на Лысую гору за цветами и саженцами для школьного двора. Поднялись до середины горы, присели на камень отдохнуть и поглядеть сверху на Енисей, как вдруг кто-то из ребят закричал:

— Ой, змея, змея!..

И все увидели змею. Она обвивалась вокруг пучка кремowych подснежников и, разевая зубастую пасть, злобно шипела.

Ещё и подумать никто ничего не успел, как учитель оттолкнул нас, схватил палку и принялся молотить по змее, по подснежникам. Вверх полетели обломки палки, лепестки прострелов. Змея кипела ключом, подбрасывалась на хвосте.

— Не бейте через плечо! Не бейте через плечо! — кричали ребята, но учитель ничего не слышал. Он бил и бил змею, пока та не перестала шевелиться. Потом он приткнул концом палки голову змеи в камнях и обернулся. Руки его дрожали. Ноздри и глаза его расширились, весь он был белый, «политика» его рассыпалась, и волосы крыльями висели на оттопыренных ушах.

Мы отыскиали в камнях, отряхнули и подали ему кепку.

— Пойдёмте, ребята, отсюда.

Мы посыпались с горы, учитель шёл за нами следом и всё оглядывался, готовый оборонять нас снова, если змея оживёт и погонится.

Под горою учитель забрёл в речку — Малую Слизневку, попил из ладоней воды, побрызгал на лицо, утёрся платком и спросил:

— Почему кричали, чтоб не бить гадюку через плечо?

— Закинуть же на себя змею можно. Она, зараза, обовьётся вокруг палки!.. — объясняли ребята учителю.

— Да вы раньше-то хоть видели змей? — догадался кто-то спросить учителя.

— Нет, — виновато улыбнулся учитель. — Там, где я рос, никаких гадов не водится. Там нет таких гор, и тайги нет.

— Вот тебе и на! Нам надо было учителя-то оборонять, а мы?!

Прошли годы, много, ох много их минуло. А я таким вот и помню деревенского учителя с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперёд и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь. Уже работая над этой книгой, я узнал, что звали наших учителей Евгений Николаевич и Евгения Николаевна. Мои земляки уверяют, что не только именем-отчеством, но и лицом они походили друг на друга. «Чисто брат с сестрой!..» Тут, я думаю, сработала благодарная человеческая память, сблизив и сроднив дорогих людей, а вот фамилии учителя с учительницей никто в Овсянке вспомнить не может. Но фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово «учитель»! И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживёт до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька.

Школьная фотография жива до сих пор. Она пожелтела, обломалась по углам. Но всех ребят я узнаю на ней. Много их полегло в войну. Всему миру известно прославленное имя — сибиряк.

Как суетились бабы по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубёнки, телогрейки, всё равно бедновато, шибко бедновато одеты ребятишки. Зато как твёрдо держат они материю, прибитую к двум палкам. На материи написано каракулисто: «Овсянская нач. школа 1-й ступени». На фоне деревенского дома с белыми ставнями — ребятишки: кто с оторопелым лицом, кто смеётся, кто губы поджал, кто рот открыл, кто сидит, кто стоит, кто на снегу лежит.

Смотрю, иногда улыбнусь, вспоминая, а смеяться и тем паче насмехаться над деревенскими фотографиями не могу, как бы они порой нелепы ни были. Пусть напыщенный солдат или унтер снят у кокетливой тумбочки, в ремнях, в начищенных сапогах — всего больше их и красуется на стенах русских изб, потому как в солдатах только и можно было раньше «сняться» на карточку; пусть мои тётки и дядя красуются в фанерном автомобиле, одна тётка в шляпе вроде вороньего гнезда, дядя в кожаном шлеме, севшем на глаза; пусть казак, точнее мой братишка Кеша, высунувший голову в дыру на материи, изображает казака с газырями и кинжалом; пусть люди с гармонками, балалайками, гитарами, с часами, высунутыми напоказ из-под рукава, и другими предметами, демонстрирующими достаток в доме, таращатся с фотографий.

Я всё равно не смеюсь.

Деревенская фотография — своеобразная летопись нашего народа, настенная его история. А ещё не смешно и оттого, что фото сделано на фоне родового, разорённого гнезда.

1968

Вопросы и задания

?

1. Чем для жителей села стал приезд фотографа? Какие детали поведения сельчан подтверждают ваш вывод?
2. Зачем рассказчик и Санька пошли кататься на увал? Каковы последствия этого катания?
3. Какие особенности характера бабушки проявляются в повседневной жизни? Какие детали это передают?
4. Какое время воспроизведено в рассказе? По каким приметам вы это определили?
5. Какие детали в рассказе передают отношение жителей села к учителю? В чём причина такого отношения?
6. Приведите примеры, по которым можно судить о влиянии учителя на сельчан.
7. В чём основа взаимного уважения учителя, деревенских жителей, учеников?
8. Каким запомнил своего учителя герой рассказа?
9. Почему рассказчику дорога фотография, на которой его нет?
10. Назовите просторечия и диалектные слова, передающие своеобразие речи сельских жителей.
11. Прочитайте фразы:
 - а) «Народные приметы не знают границ и расстояний»;
 - б) «...фамилию учителя можно и забыть, важно, чтоб осталось слово „учитель“».

Какие основания были у писателя, чтобы прийти к таким выводам?

12*. В рассказе представлены два типа отступлений. Назовите их и определите их художественную роль.

Из приведённых высказываний В.П. Астафьева найдите одно, которое станет эпиграфом вашего сообщения. Тему сообщения сформируйте самостоятельно.

«...Если в жизни будет трудно, если случится беда, надо бежать не от людей, а к людям».

«Война во сне очень нелепая, но она всегда заканчивается благополучно. Иной раз за ночь убьют раз десять, но всё равно проснёшься. Во сне воевать ничего, можно».

«...Тому, кто любил и был любим, счастье есть и сама память о любви, тоска по ней и раздумья о том, что где-то есть человек, тоже о тебе думающий, и, может, в жизни этой суетной, трудной и ему становится легче среди серых будней, когда он вспомнит молодость свою — ведь в памяти друг дружки мы так навсегда и остаемся молодыми и счастливыми».

«И никто и никогда не повторит нашей ни молодости, ни нашего счастья, которое кто-то называл „горьким“. Нет-нет, счастье не бывает горьким, неправда это! Горьким бывает только несчастье».

«Матери, матери! Зачем вы покорились дикой человеческой памяти, примирились с насилием и смертью? Ведь больше всех, мужественней всех страдаете вы в своём первобытном одиночестве, в своей священной и звериной тоске по детям».

«Ушёл человек, и жизнь на этом месте остановилась».

«Но уж так устроен человек: пока он жив — растревоженно работает его сердце, голова, вобравшая в себя не только груз собственных воспоминаний, но и память о тех, кто встречался на расстанях жизни и навсегда канул в бурлящий людской водоворот либо прикипел к душе так, что уж не оторвать, не отделить ни боль его, ни радость от своей боли, от своей радости».

«Как часто мы бросаемся высокими словами, не вдумываясь в них. Вот долдоним: дети — счастье, дети — радость, дети — свет в окошке! Но дети — это ещё и мука наша! Вечная наша тревога! Дети — это наш суд миру, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу — всё наголо видеть. Дети могут нами закрыться, мы ими — никогда. И ещё: какие бы они ни были, большие, умные, сильные, они всегда нуждаются в нашей защите и помощи. И как подумаешь: вот скоро умирать, а они тут останутся одни, кто их, кроме отца и матери, знает такими, какие они есть? Кто их примет со всеми изъятиями? Кто поймёт? Простит?»

«...Радость кратка, преходяща, часто обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна. Радость сверкнёт зарницей, нет, молнией скорее и укатится перекатным громыханьем. Печаль светит тихо, как неугаданная звезда, но свет этот не меркнет ни днём, ни ночью, рождает думы о близких, тоску по любви, мечты о чём-то неведомом, то ли о прошлом, всегда томительно-сладком, то ли о заманчивом и от неясности пугающе-притягательном будущем. Мудра, выросла печаль — ей миллионы лет, радость же всегда в детском возрасте, в детском обличье, ибо всяким сердцем она рождается заново, и чем дальше в жизнь, тем меньше её, ну вот как цветок — чем гуще тайга, тем они реже».

После уроков

1. Подготовьте выставку «На родине писателя» (по материалам периодики и произведений В.П. Астафьева).
2. Подготовьте литературный вечер «Музы не молчали» по материалам произведений русских писателей о войне.

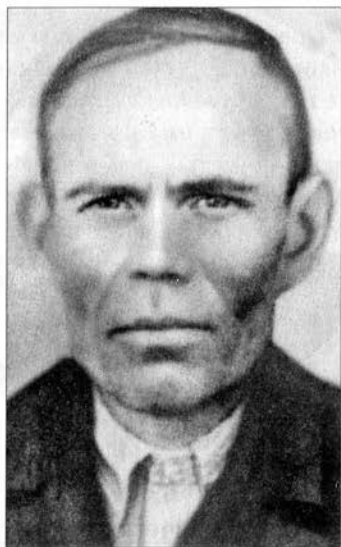
ВАЛЕНТИН
ГРИГОРЬЕВИЧ
РАСПУТИН
р. 1937

СТРОКИ О СЕБЕ

В автобиографических заметках Валентин Распутин сообщал: «Родился я в тридцать седьмом году, в трёхстах километрах от Иркутска, — в Усть-Уде, что на Ангаре. Так что я — коренной сибиряк, или, как у нас говорят, тутошний. Отец мой крестьянствовал, работал в леспромхозе, служил и воевал... Словом, был, как все. Мать работала, была домохозяйкой, едва-едва управлялась с делами и семьёй, — ей забот, сколько я помню, всегда хватало».

Усть-Уда — райцентр на полпути между Иркутском и Братском, рабочий посёлок, в пятидесяти километрах от которого, также на Ангаре, стояла деревушка Аталанка, где прошло детство Распутина. Теперь этой деревни нет — перенесли на другое место в связи со строительством Братской гидроэлектростанции. Но в сердце писателя его Аталанка осталась навсегда:

«Едва научившись ходить, мы ковыляли к реке и забрасывали в неё удочки; ещё не окрепнув, тянулись в тайгу, начинавшуюся сразу за деревней, собирали ягоду и грибы, с малых лет садились в лодку и самостоятельно брались за вёсла, чтобы грести к островам, где косили сено, а потом снова шли в лес — больше наших радостей и наших занятий была связь с рекой и тайгой. Это была она, известная всему свету река, о которой слагались вечные легенды и песни, единственная дочь Байкала, об удивительной красоте и поэзии которой я храню самые чистые и священные воспоминания. И теперь, приезжая в родные места, на берег могучего водохранилища, я вижу разницу между тем, что есть и было, примерно так же, как если бы природа наша тоже имела короткий век, и я, помня её молодой, красивой, доброй, встретил вдруг глубокой, неряшливой старухой».

Нина Ивановна Распутина (Чернова), Григорий Никитич Распутин — мать и отец писателя

В.Г. Распутин — один из тех писателей, которые во второй половине XX столетия сказали своё слово в защиту природы, ибо она, казавшаяся мощной и великой, вдруг оказалась необыкновенно уязвимой, беззащитной перед людьми и машинной цивилизацией. Писатель всегда чувствовал себя её верным и заботливым сыном. Вот характерное его признание: «Я верю, что и в моём писательском деле она сыграла не последнюю роль: когда-то в неотмеченную минуту вышел я к Ангаре... и от вошедшей в меня красоты обомлел, а также от явившегося из неё сознательного и материнского чувства Родины».

«Книга жизни человека начинается со страниц детства, — писал Валентин Распутин и продолжал: — Я уверен, что писателем человека делает детство, способность в раннем возрасте увидеть и почувствовать всё то, что и даёт ему затем право взяться за перо...» Я «чуть ли не упрямым всю жизнь держался того, что было приобретено в душевной практике до 14—15 лет». А в начале 80-х годов XX века Распутин сказал: «Для нашего поколения был очень труден хлеб детства». И одновременно с этим признанием отметил и другое важное качество дней и лет его детства: «Это было время крайнего проявления людской общности, когда люди против больших и малых бед держались вместе».

Валентин Распутин. 1963 г.

Было в его детстве ещё одно очень важное обстоятельство: совсем ребёнком, едва научившись читать, В.Г. Распутин однажды и навсегда полюбил книгу. Чтение помогало жить, вырабатывало характер, формировало нравственные принципы, делало его, читателя, сопричастным миру, ибо «читатель сам должен участвовать в событиях, иметь к ним своё отношение и даже место в них, чувствовать прилив крови от движения. Культура чтения тоже существует, но не все ею владеют».

Дальнейшая судьба писателя откроется вам, когда вы прочитаете рассказ В.Г. Распутина «Уроки французского». Конечно, факты из жизни ребёнка, ставшего впоследствии большим русским писателем, художественно обобщены, но не искажены — детство многих талантливых мальчишек и девчонок в первые послевоенные годы проходило именно так. И с какой-то внутренней гордостью и в то же время болью В.Г. Распутин напишет, что «до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первым». Низкий поклон он шлёт матери, которая отправилась в районный центр, «угovorилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь».

1. Какие факты из биографии В. Г. Распутина произвели на вас наибольшее впечатление и почему? Какие события показались самыми существенными?
2. Прокомментируйте фразу: «Для нашего поколения был очень труден хлеб детства». К какому поколению принадлежит писатель? Что вы знаете о годах его детства?
3. Сопоставьте годы детства В. Распутина с вашими. Есть ли в них что-либо общее, знакомое и понятное вам? Что вам трудно себе представить и почему?

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Анастасии Прокопьевне Копыловой

Странно: почему мы, так же как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не

придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались, или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё невольно перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали; однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт... Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? Затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с

головой выдавало всё моё ангарское происхождение, вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливая короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторить — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел; мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедem домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне присылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто по-таскивал — тетя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, ко-

торая одна мыкалась с тремя ребяташками, кто-то из её старших девочек или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвырвав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни сэкономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

- Ты в «чиху» играть не боишься?
- В какую «чиху»? — не понял я.
- Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.
- Нету.
- И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.
— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторону и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея в основном за Вадика. Хозяиничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, выросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важнее всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и, если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: на беру горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко — за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что принаравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманный запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей поляне, пожелтев-

шая и сморенная, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком как тень следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг как снег на голову свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверное, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает не знает — всё равно тянет. Вызывает — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добываясь права на первый удар; когда много играющих, это непросто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втрое. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так бы-

ло непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убежал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался внакладе, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазины. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — зарёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и редко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и, если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придерживать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел. Он сунул мне под нос кулак:

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно; если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидая улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её.

Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка, повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упорно выкрикивал одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птах, но сразу вернулся — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, ко-

нечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал! — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит, упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — ничего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни натворил — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть поперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на

вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросил школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и во все меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она.

Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но заператься никакого смысла не было. Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замаялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости.

ти и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувь. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немпожко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карман и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне все время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблескивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все устались на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой навывпуск рубаше с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка. Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немного?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — шурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится, он найдёт к чему придаться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать—тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, случается, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но, как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «веаисоир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристомом пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, это она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе не виданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос

опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко.

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? Теперь я думаю, что она к этому времени успела побывать замужем; по голосу, по походке — мягкой, но уверенной, свободной, по всему её поведению в ней чувствовались смелость и опытность. А кроме того, я всегда придерживался мнения, что девушки, изучающие французский или испанский язык, становятся женщинами раньше своих сверстниц, которые занимаются, скажем, русским или немецким.

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, непохожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было

невозможно. Я убежал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящик, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящике? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, написал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дорожке которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик, чтобы макароны не поломались, не покروшились, прибыли ко мне в целостности и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки, не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл

на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и

покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и свариишь себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шаг,

помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом?

Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет. — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенки». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отле-

тела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монету в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь, — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, понав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далеко сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам.

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли?

Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошку. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Свето-

преставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое приниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

→ Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик по первости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Би-

ли, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издала пошла своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор, позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотягивался без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За ма-

ленького? Французский язык преподаёт называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать — двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы не мешкая переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всём теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой.

Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказываться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня. Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — наползая на меня и размазывая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» не считово.

— Почему это не считово?

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор.

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Совращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учишься спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись. — Она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

1973

О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РАССКАЗА «УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО»

Познакомьтесь с предисловием В. Распутина к одному из изданий рассказа «Уроки французского», вышедшему в 1982 году в издательстве «Детская литература».

Этот рассказ, когда он впервые появился в книжке, помог мне разыскать мою учительницу Лидию Михайловну. Она купила мою книжку, узнала в авторе меня, а в героине рассказа себя и написала мне.

Удивительно, но Лидия Михайловна, оказывается, не помнит, что она похожим же, как в рассказе, образом отправляла мне посылку с макаронами. Я это прекрасно помню и ошибаться не могу: было. Меня сначала поразило, как же так — не помнит?! Как можно такое забыть?! Но, поразмыслив, я понял, что удивительного тут, в сущности, нет ничего: истинное добро со стороны того, кто творит его, имеет меньшую память, чем со стороны того, кто его принимает. Так и должно быть. На то оно и добро, чтобы не искать прямой отдачи (я помог тебе — изволь и ты помогать), а быть бескорыстным и уверенным в своей тихой чудодейственной силе. И если, уйдя от человека, добро возвращается к нему через много лет совсем с другой стороны, тем больше, значит, оно обошло людей и тем шире был круг его действия.

Вы уже догадались, очевидно, что это в немалой степени автобиографический рассказ, то есть такой, где автор описывает события из своей жизни. Для чего он это делает? Вовсе не из-за недостатка воображения, как может показаться, и не из тщеславного желания, пользуясь своим положением писателя, непременно рассказать обо всём, что он пережил. Есть такие понятия: духовная память и духовный опыт человека, которые должны присутствовать в каждом из нас, независимо от нашего возраста. Это то главное и как бы высшее, дающее нам нравственное направление наперёд, что мы выносим из событий своей жизни и что представляет интерес не только для нас одних. Когда такое происходит и когда моральное извлечение из внешних событий представляется нам важным, мы, естественно, хотим поделиться им с другими людьми.

Вот так и случилось, что спустя более чем двадцать лет я сел за стол и стал вспоминать, что было когда-то со мной, пятиклассником, мальчишкой из глухой сибирской деревни. Вернее, стал записывать то, что никогда и не забывалось, что постоянно просилось во мне на люди. Я написал этот рассказ в надежде, что преподанные мне в своё время уроки лягут на душу как маленького, так и взрослого читателя.

1. Главный герой рассказа не назван В. Распутиным по имени. Как вы предполагаете, почему?

2. Как вы понимаете слова учительницы: «Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда он перестаёт быть ребёнком»?

3. Вам предложено несколько тезисов, связанных с содержанием рассказа «Уроки французского». Прочитайте их. К каждому из тезисов подберите необходимый фактический материал из текста рассказа.

а) На автобиографический характер рассказа указывает и время, и целый ряд деталей быта, окружающего героя.

б) Игра в деньги для мальчика — не развлечение и не попытка обманом заработать. В игре он расчётлив и рассудителен, настойчив. С упорством он пытается постигнуть все её закономерности и секреты. Игра для него — одно из немногих видимых ребёнком средств для выживания.

в) Рассказ «Уроки французского» психологически достоверен.

г) Отправив мальчика одного учиться в район, родная деревня выразила ему особое доверие и возложила на него особые надежды. И он помнит об этом и старается не подвести никого из односельчан.

д) Лидия Михайловна совершает неординарные, рискованные поступки в отношении мальчика и потому, что пытается помочь ему выжить, и потому, что угадала в нём способности к учению.

е) Характер главного героя развивается в естественном общении с теми людьми, которых послала ему жизнь, — сверстниками, родственниками хозяев, самими хозяевами квартиры, Лидией Михайловной и директором школы. Этот мир сложен. Но именно он вырабатывает у мальчика чувство неприятия зла, казённости, равнодушия, жестокости. Под его влиянием возникает и понимание того, что добро не афишируется и ничего не требует взамен.

4. Какие ещё тезисы вы могли бы сформулировать на основе рассказа «Уроки французского»? Запишите их.

Живое слово

По рассказу «Уроки французского» снят художественный фильм. Посмотрите его и напишите развёрнутый отзыв или небольшую рецензию.

Для вас, любознательные

Познакомьтесь с основными фактами, связанными с изданиями произведений В. Распутина. О чём они свидетельствуют?

«Деньги для Марии» — первая повесть В. Распутина, которая принесла её автору небывалую известность в стране и мире. Впервые опубликована в 1967 году, неоднократно переиздавалась. «Деньги для Марии» напечатаны в Болгарии, Чехословакии, Португалии, Финляндии, Японии... По мотивам произведения создана пьеса, поставленная в Москве и Германии.

Повесть «Последний срок» была впервые опубликована в 1970 году в журнале «Наш современник» и сразу же вышла в не-

Обложка журнала, в котором была опубликована повесть В.Г. Распутина «Живи и помни»; обложка книги, выпущенной в издательстве «Детская литература» в 1982 году

скольких советских издательствах. Пьеса «Последний срок» была поставлена на сцене МХАТа (Москва) и в Болгарии. Повесть издана во многих городах мира — в Праге, Бухаресте, Милане, Будапеште, Штутгарте, Софии.

Первые повесть «Живи и помни» была опубликована в журнале «Наш современник» в 1974 году; в 1975-м дважды выходила отдельной книгой, после чего многократно переиздавалась как на русском языке, так и на языках народов СССР. Издана в Болгарии, Германии, Венгрии, Польше, Финляндии, Чехословакии, Норвегии, Англии. В 1977 году В. Распутин за повесть «Живи и помни» удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

Повесть «Прощание с Матёрой» была опубликована в журнале «Наш современник» (1976), затем многократно выходила на русском и языках народов СССР. Опубликована в Праге, Мюнхене, Софии, Осло, Хельсинки, Барселоне, Варшаве, Братиславе, Берлине. В 1982 году режиссёры Лариса Шепитько и Элем Климов создали по мотивам повести фильм «Прощание»; в 1983 году фильм появился на экранах страны.

Повесть «Пожар» впервые вышла в журнале «Наш современник» в 1985 году, затем отдельным изданием — в библиотеке журнала «Огонёк»; неоднократно включалась в сборники повестей и рассказов В. Распутина; переведена на многие языки мира. В 1987 году В. Распутин за повесть «Пожар» удостоен Государственной премии СССР.

В 1987 году писатель был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В 2003 году опубликована повесть «Дочь Ивана, мать Ивана».

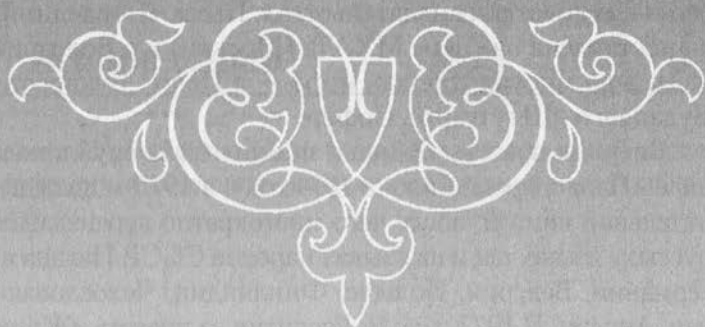

После уроков

Подготовьте и проведите диспут «Уроки жизни» (по рассказу В. Распутина «Уроки французского» и другим произведениям писателя). Подготовьте вопросы для обсуждения. Подберите материал и организуйте книжную выставку.

Пригласите к участию в обсуждении не только сверстников, но и взрослых — у многих из них будут разные точки зрения на одни и те же вопросы и проблемы. Ищите аргументы и попытайтесь услышать друг друга.

Из зарубежной литературы

Мировая литература — это своеобразная большая книга, которую можно читать и перечитывать во все времена и в любом порядке. Страницы гениальных произведений далёкого прошлого могут пожелтеть от времени, но они не бледнеют и не тускнеют. Они не перестают быть нужными современному читателю, потому что вопросы добра и зла, правды и лжи, жизни и смерти, верности и предательства, всемогущей и всепобеждающей любви не подвержены старению. Темы, поднятые в них, так и называют — «вечными». Они не знают географических границ, временных и социальных ограничений. Эти книги принадлежат всем читателям мира. Эти книги принадлежат и вам. Нужно только не упустить возможности прочитать их.

УИЛЬЯМ
ШЕКСПИР
1564—1616

О таких, как У. Шекспир, говорят — гений. Ему была подвластна передача тончайших оттенков чувств. Он создавал пьесы на исторические сюжеты (хроники «Генрих IV», «Ричард II», «Король Джон» и др.); комедии («Сон в летнюю ночь», «Укрощение строптивой», «Много шума из ничего», «Виндзорские насмешницы» и др.); трагедии («Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Король Лир», «Отелло» и др.).

Сцену Шекспир знал великолепно. Оказавшись в Лондоне в конце 80-х годов XVI века, он стал актёром и пайщиком театральной труппы «Слуги лорда-камергера», с которой был связан всю жизнь. После 1603 года Шекспир, вероятно, оставил актёрскую деятельность, но продолжал писать для своей труппы пьесы. После вступления на трон Якова I она стала именоваться труппой короля.

Примерно в 1612 году Шекспир вернулся в родной город Стратфорд. Там он умер и был похоронен под алтарём храма Троицы.

Трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта», как и другие его произведения, обрела долгую жизнь в искусстве. Она не сходит со сцен лучших театров мира; её отголоски находим в более поздних произведениях других авторов, одним из которых является новелла Готфрида Келлера «Сельские Ромео и Джульетта». Бесчисленны отражения этой пьесы в изобразительном искусстве. Но особенно глубоки и проникновенны музыкальные переложения этого творения Шекспира (опера Гунно, симфония Берлиоза, увертюры Чайковского и Свендсена, балет Прокофьева).

1. Подготовьте рассказ о гениальном английском поэте и драматурге.
2. К каким жанрам драматургии обращался в своём творчестве У. Шекспир?
3. Какие произведения великого драматурга вы знаете? Расскажите, как состоялось знакомство с ними: вы самостоятельно прочитали, просмотрели в театре или по телевидению? Расскажите о своих впечатлениях.

Трагедия — жанр драматургии; пьеса, в основе которой лежит неразрешимое противоречие между героями, а конфликт носит трагический характер, то есть коллизия, как правило, завершается гибелью главного действующего лица.

Своим возникновением трагедия обязана древнегреческой культуре и первоначально представляла собой сценическое воплощение мифа: вершина античной трагедии — произведения Эсхила, Софокла, Еврипида. В творчестве У. Шекспира трагедия занимает особое место: именно в этом жанре английского драматурга удалось создать поистине вечные образы — такие, как Гамлет, Отлело, Макбет, Ромео и Джульетта.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА (Фрагменты)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эскал, герцог Веронский.

Парис, молодой дворянин, родственник герцога.

Монтекки }
Капулетти } главы двух враждующих домов.

Старик, родственник Капулетти.

Ромео, сын Монтекки.

Меркуцио, родственник герцога и друг Ромео.

Бенволио, племянник Монтекки и друг Ромео.

Тибальт, племянник синьоры Капулетти.

Брат Лоренцо }
Брат Джованни } францисканские монахи.

Бальтазар, слуга Ромео.

Самсон }
Грегори } слуги Капулетти.

Пьетро, слуга кормилицы Джульетты.

Абрам, слуга Монтекки.

Аптекарь.

Три музыканта.

Паж Меркуцио.

Паж Париса.

Пристав.

Синьора Монтекки, жена Монтекки.

Синьора Капулетти, жена Капулетти.

Джульетта, дочь Капулетти.

Кормилица Джульетты.

Горожане Вероны, родственники обоих домов,
мужчины и женщины, маски, стража, часовые
и слуги. Хор.

Место действия — Верона и Мантуя.

<...>

АКТ II <...>

СЦЕНА 2

Сад Капулетти.
Входит Ромео.

Ромео

Над шрамом шутит тот, кто не был ранен.

Джюльетта появляется на балконе.

Но тише! Что за свет блеснул в окне?
О, там восток! Джюльетта — это солнце.
Встань, солнце ясное, убей луну —
Завистницу: она и без того
Совсем больна, бледна от огорченья,
Что, ей служа, ты всё ж её прекрасней.
Не будь служанкою луны ревнивой!
Цвет девственных одежд зелёно-бледный
Одни шуты лишь носят: брось его.
О, вот моя любовь, моя царица!
Ах, знай она, что это так!
Она заговорила? Нет, молчит.
Взор говорит. Я за него отвечу!
Я слишком дерзок: эта речь — не мне.
Прекраснейшие в небе две звезды,
Принуждены на время отлучиться,
Глазам её своё моление шлют —
Сиять за них, пока они вернутся.
Но будь её глаза на небесах,
А звёзды на её лице останься, —
Затмил бы звёзды блеск её ланит,
Как свет дневной лампаду затмевает;
Глаза ж её с небес струили б в воздух
Такие лучезарные потоки,
Что птицы бы запели, в ночь не веря.
Вот подперла рукой прекрасной щёку.
О, если бы я был её перчаткой,
Чтобы коснуться мне её щеки!

Джюльетта

О, горе мне!

Ромео

Она сказала что-то.

О, говори, мой светозарный ангел!
Ты надо мной сияешь в мраке ночи,
Как легкокрылый посланец небес
Пред изумлёнными глазами смертных,
Глядящих, головы закинув ввысь,
Как в медленных парит он облаках
И плавает по воздуху.

Джюльетта

Ромео!

Ромео, о, зачем же ты Ромео!
Покинь отца и отрекись навеки
От имени родного, а не хочешь —
Так поклянись, что любишь ты меня, —
И больше я не буду Капулетти.

Ромео

Ждать мне ещё иль сразу ей ответить?

Джюльетта

Одно ведь имя лишь твоё мне враг,
А ты — ведь это ты, а не Монтекки.
Монтекки — что такое это значит?
Ведь это не рука, и не нога,
И не лицо твоё, и не любая
Часть тела. О, возьми другое имя!
Что в имени? То, что зовём мы розой, —
И под другим названьем сохраняло б
Свой сладкий запах! Так, когда Ромео
Не звался бы Ромео, он хранил бы
Все милые достоинства свои
Без имени. Так сбрось же это имя!
Оно ведь даже и не часть тебя.
Взамен его меня возьми ты всю!

Ромео

Ловлю тебя на слове: назови
Меня любовью — вновь меня окрестишь,
И с той поры не буду я Ромео.

Ромео и Джульетта

Джульетта

Ах, кто же ты, что под покровом ночи
Подслушал тайну сердца?

Ромео

Я не знаю,
Как мне себя по имени назвать.
Мне это имя стало ненавистно,
Моя святыня: ведь оно — твой враг.
Когда б его написанным я видел,
Я б это слово тотчас разорвал.

Джульетта

Мой слух ещё и сотни слов твоих
Не уловил, а я узнала голос:
Ведь ты Ромео? Правда? Ты Монтекки?

Художник Д.А. Шмаринов. 1959 г.

Ромео

Не то и не другое, о святая,
Когда тебе не нравятся они.

Джульетта

Как ты попал сюда? Скажи, зачем?
Ведь стены высоки и неприступны.
Смерть ждёт тебя, когда хоть кто-нибудь
Тебя здесь встретит из моих родных.

Ромео

Я перенёсся на крылах любви:
Ей не преграда — каменные стены.
Любовь на всё дерзает, что возможно,
И не помеха мне твои родные.

Дж у л ь е т т а

Но, встретив здесь, они тебя убьют.

Р о м е о

В твоих глазах страшнее мне опасность,
Чем в двадцати мечах. Взгляни лишь нежно —
И перед их враждой я устою.

Дж у л ь е т т а

О, только бы тебя не увидали!

Р о м е о

Меня укроет ночь своим плащом.
Но коль не любишь — пусть меня увидят.
Мне легче жизнь от их вражды окончить,
Чем смерть отсрочить без твоей любви.

Дж у л ь е т т а

Кто указал тебе сюда дорогу?

Р о м е о

Любовь! Она к расспросам понудила,
Совет дала, а я ей дал глаза.
Не кормчий я, но будь ты так далёко,
Как самый дальний берег океана, —
Я б за такой отважился добычей.

Дж у л ь е т т а

Моё лицо под маской ночи скрыто,
Но всё оно пылает от стыда
За то, что ты подслушал нынче ночью.
Хотела б я приличья соблюсти,
От слов своих хотела б отказаться,
Хотела бы... но нет, прочь лицемерье!
Меня ты любишь? Знаю, скажешь: «Да».
Тебе я верю. Но, хоть и поклявшись,
Ты можешь обмануть: ведь сам Юпитер
Над клятвами любовников смеётся.
О милый мой Ромео, если любишь —
Скажи мне честно. Если ж ты находишь,
Что слишком быстро победил меня, —
Нахмурюсь я, скажу капризно: «Нет»,
Чтоб ты молил. Иначе — ни за что!

Да, мой Монтекки, да, я безрассудна,
И ветреной меня ты вправе счесть.
Но верь мне, друг, — и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет.
И я могла б казаться равнодушной,
Когда б ты не застал меня врасплох
И не подслушал бы моих признаний.
Прости ж меня, прошу, и не считай
За легкомыслие порыв мой страстный,
Который ночи мрак тебе открыл.

Ромео

Клянусь тебе священной луной,
Что серебрит цветущие деревья...

Джюльетта

О, не клянись луной непостоянной,
Луной, свой вид меняющей так часто,
Чтоб и твоя любовь не изменилась.

Ромео

Так чем поклясться?

Джюльетта

Вовсе не клянись;

Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой — души моей кумиром, —
И я поверю.

Ромео

Если чувство сердца...

Джюльетта

Нет, не клянись! Хоть радость ты моя,
Но стовор наш ночной мне не на радость.
Он слишком скор, внезапен, необдуман —
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния». О милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
В дыханье тёплом лета расцветает
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся. Друг, доброй, доброй ночи!

В своей душе покой и мир найди,
Какой сейчас царит в моей груди.

Ромео

Ужель, не уплатив, меня покинешь?

Джюльетта

Какой же платы хочешь ты сегодня?

Ромео

Любовной клятвы за мою в обмен.

Джюльетта

Её дала я раньше, чем просил ты,
Но хорошо б её обратно взять.

Ромео

Обратно взять! Зачем, любовь моя?

Джюльетта

Чтоб искренне опять отдать тебе.
Но я хочу того, чем я владею:
Моя, как море, безгранична нежность
И глубока любовь. Чем больше я
Тебе даю, тем больше остаётся:
Ведь обе — бесконечны.

Кормилица зовёт за сценой.

В доме шум!

Прости, мой друг. — Кормилица, иду! —
Прекрасный мой Монтекки, будь мне верен.
Но подожди немного — я вернусь.

(Уходит.)

Ромео

Счастливая, счастливейшая ночь!
Но, если ночь — боюсь, не сон ли это?
Сон, слишком для действительности сладкий!

Входит снова Джюльетта.

Дж у л ь е т т а

Три слова, мой Ромео, и тогда уж
Простимся. Если искренне ты любишь
И думаешь о браке — завтра утром
Ты с посланной моею дай мне знать,
Где и когда обряд свершить ты хочешь, —
И я сложу всю жизнь к твоим ногам
И за тобой пойду на край Вселенной.

Голос кормилицы за сценой: «Синьора!»

Сейчас иду! — Но если ты замыслил
Дурное, то молю...

Голос кормилицы за сценой: «Синьора!»

Иду, иду! —

Тогда молю, оставь свои исканья
И предоставь меня моей тоске.
Так завтра я пришлю.

Р о м е о

Души спасеньем...

Дж у л ь е т т а

Желаю доброй ночи сотню раз.

(Уходит.)

Р о м е о

Ночь не добра без света милых глаз.
Как школьники от книг, спешим мы к милой;
Как в школу, от неё бредём уныло.
(Делает несколько шагов, чтобы уйти.)

Дж у л ь е т т а

(выходит снова на балкон)

Ромео, тсс... Ромео!.. Если б мне
Сокольногого голос, чтобы снова
Мне сокола-красавца приманить!
Неволя громко говорить не смеет, —
Не то б я потрясла пещеру Эхо
И сделался б её воздушный голос

Слабее моего от повторенья
Возлюбленного имени Ромео.

Ромео
Любимая опять меня зовёт!
Речь милой серебром звучит в ночи,
Нежнейшею гармонией для слуха.

Джюльетта
Ромео!

Ромео
Милая!

Джюльетта
Когда мне завтра
Прислать к тебе с утра?

Ромео
Пришли в девятом.

Джюльетта
Пришлю я. Двадцать лет до той минуты!
Забыла я, зачем тебя звала...

Ромео
Позволь остаться мне, пока не вспомнишь.

Джюльетта
Не стану вспоминать, чтоб ты остался;
Лишь буду помнить, как с тобой мне сладко.

Ромео
А я останусь, чтоб ты всё забыла,
И сам я всё забуду, что не здесь.

Джюльетта
Светает. Я б хотела, чтоб ушёл ты
Не дальше птицы, что порой шалунья
На ниточке спускает полетать,
Как пленницу, закованную в цепи,

И вновь к себе за шелковинку тянет,
Её к свободе от любви ревнуя.

Ромео

Хотел бы я твоею птицей быть.

Джульетта

И я, мой милый, этого б хотела;
Но заласкала б до смерти тебя.
Прости, прости. Прощанье в час разлуки
Несёт с собою столько сладкой муки,
Что до утра могла б прощаться я.

Ромео

Спокойный сон очам твоим, мир — сердцу.
О, будь я сном и миром, чтобы тут
Найти подобный сладостный приют.
Теперь к отцу духовному, чтоб это
Всё рассказать и попросить совета.

(Уходит.)

<...>

АКТ III

СЦЕНА 1

Площадь в Вероне.

Входят Меркуцио, Бенволио, пажи и слуги.

Бенволио

Прошу тебя, Меркуцио, друг, уйдём:
День жаркий, всюду бродят Капулетти;
Коль встретимся, не миновать нам ссоры.
В жару всегда сильнее бушует кровь.

Меркуцио. Ты мне напоминаешь одного из тех молодцов, которые, взойдя в таверну, хлопают своей шпагой по столу и восклицают: «Дай Бог, чтобы ты мне не понадобилась!» — а после второго кубка тычут шпагой в слугу, когда в этом нет никакой надобности.

Бенволио. Неужели я похож на такого молодца?

Меркуцио. Ещё бы! Ты один из самых вспыльчивых малых во всей Италии. Чуть тебя заденут — ты сердишься; а чуть рассердишься — всех задеваешь.

Бенволио. Ну и что же?

Меркуцио. А вот что: сойдишь таких двое — скоро не осталось бы ни одного, потому что они бы друг друга прикончили. Да ты можешь поссориться с человеком из-за того, что у него в бороде одним волосом больше или меньше, чем у тебя; ты можешь поссориться с человеком, который щёлкает орехи, только из-за того, что у тебя глаза орехового цвета. Какой глаз, кроме твоего, увидит в этом повод для ссоры? Голова твоя полна задора, как яйцо полно желтка, хотя её столько раз били во время ссор, что удивительно, как она до сих пор не разбита, как яйцо. Раз ты сцепился с человеком из-за того, что он кашлял на улице и этим будто бы разбудил твоего пса, спавшего на солнце. А не напал ли ты как-то на портного за то, что он осмелился надеть свой новый камзол до Пасхи, а ещё на кого-то — за то, что он новые башмаки зашнуровал старыми тесёмками? И это ты уговариваешь меня не заводить ссоры!

Бенволио. Ну, будь я таким забиякой, как ты, всякий охотно купил бы право на моё наследство, и ждать ему пришлось бы не больше, чем час с четвертью.

Меркуцио. Безголовый ты малый!

Бенволио. Клянусь моей головой, сюда идут Капулетти.

Меркуцио. Клянусь моей пяткой, мне это совершенно безразлично.

Входят Тибальт и другие.

Тибальт

За мной, друзья, заговорю я с ними. —
Синьоры, добрый день! Мне очень надо
Сказать словечко одному из вас.

Меркуцио. Как, словечко одному из нас — и только? Прибавьте к словечку ещё что-нибудь. Ну, хотя бы удар.

Тибальт. Я всегда готов это сделать, синьор, если вы подадите мне повод.

Меркуцио. Неужели вам трудно самому найти повод?

Тибальт. Меркуцио, ты поёшь в один голос с Ромео!

Меркуцио. Пою в один голос? Что это значит? Ты из нас хочешь сделать странствующих музыкантов? Берегись, можешь

услышать очень нестройные звуки. Вот мой смычок. Он тебя заставит поплясать. Чёрт поberi! Пою в один голос!

Бенволио

Мы разговор на улице ведём.
Не лучше ль нам отсюда удалиться
И разобрать обиды хладнокровно
Иль разойтись? Тут все на нас глазеют.

Меркуцио

Затем глаза даны им: пусть глазеют,
Отсюда я ни для кого не сдвинусь.

Входит Ромео.

Тибальт

Бог с вами! Вот пришёл мой человек.

Меркуцио

Ого, синьор, пускай меня повесят,
Коль он в ливрее вашей. Отправляйтесь
На поле — так за вами он пойдёт!
Поймёте там, что он за человек.

Тибальт

Ромео, ненависть моя к тебе
Другого слова не найдёт: ты подлый!

Ромео

Но у меня, Тибальт, причина есть
Любить тебя; она тебе прощает
Всю ярость гневных слов. Я не подлец.
Прощай! Я вижу, ты меня не знаешь.
(Хочет уйти.)

Тибальт

Мальчишка, это извинить не может
Обид, тобою нанесённых мне.
Сейчас вернись и обнажи свой меч!

Ромео

Клянусь, что я тебя не оскорблял!
Люблю тебя сильнее, чем можешь думать,
Пока любви причину не узнаешь.
Так, милый Капулетти мой, чьё имя
Мне дорого, как и моё. Прощай!

Меркуцио

О низкое, презренное смирение!
Его загладит лишь *alla stoccata*¹.

(Обнажает шпагу.)

Тибальт, ты, крысолов, — что ж, выходи!

Тибальт

Чего ты хочешь от меня?

Меркуцио. Любезный кошачий царь, я хочу взять всего лишь одну из ваших девяти жизней, а затем, если понадобится, выколотить из вас и остальные восемь. Угодно вам вытащить вашу шпагу за уши из футляра? Поторопитесь, а не то моя раньше отрежет вам оба уха.

Тибальт. К вашим услугам. (Обнажает шпагу.)

Ромео. Меркуцио, друг, вложи свой меч в ножны!

Меркуцио. Пожалуйста, синьор, — удар за вами.

Дерутся.

Ромео

Бенволио, обнажим и мы мечи,
Чтоб их разнять. — Синьоры, примиритесь!
Тибальт, Меркуцио, герцог запретил
На улицах Вероны столкновенья!
Тибальт, оставь! Меркуцио, друг!

Тибальт из-под руки Ромео ранит Меркуцио и убегает
со своими спутниками.

Меркуцио

Я ранен!

Чума на оба ваши дома! Я пропал.
А он ужель остался цел?

¹ *Alla stoccata* (колющий удар) — итальянский фехтовальный термин.

Бенволио
Ты ранен?

Меркуцио
Царапина, царапина пустая;
Но и её довольно. Где мой паж?
Скорей беги, негодный, за врачом!

Паж уходит.

Ромео. Друг, ободрись. Ведь рана не опасна.

Меркуцио. Да, она не так глубока, как колодезь, и не так широка, как церковные ворота. Но и этого хватит: она своё дело сделает. Приходи завтра, и ты найдёшь меня спокойным человеком. Из этого мира я получил отставку, ручаюсь. Чума на оба ваши дома! Чёрт возьми! Собака, крыса, мышь, кошка исцарапала человека насмерть! Хвостун, мерзавец, негодяй, который дерётся по правилам арифметики! Какого дьявола ты сунулся между нами? Он меня ранил из-под твоей руки!

Ромео
Я думал сделать лучше.

Меркуцио
Бенволио, сведи меня ты в дом
Куда-нибудь, иль я лишусь сознания.
Чума, чума на оба ваши дома!
Я из-за них пойду червям на пищу,
Пропал, погиб. Чума на оба ваши дома!

Бенволио уводит Меркуцио.

Ромео
Меркуцио, близкий герцогскому дому,
Мой лучший друг, — и что ж, смертельно ранен
Из-за меня! Тибальтом честь моя
Поругана! Тибальтом — тем, с которым
Я породнился час тому назад!
Моя Джульетта, красота твоя
Женоподобным сделала меня
И чести сталь в душе моей смягчила!

Входит Бенволио.

Бенволио
Ромео, смелый наш Меркуцио умер.
Вознёсся к небу благородный дух,
Презревший слишком рано эту землю.

Ромео
О чёрный день! Он лишь начало бед!
Придут за ним ещё другие вслед.

Входит Тибальт.

Бенволио
Опять Тибальт спешит к нам разъярённый!

Ромео
Жив, торжествует, — а наш друг убит!
Лети ж на небо, благодная кротость!
Будь мне вождём, пламенноокий гнев! —
Тибальт, возьми назад ты слово «подлый»,
Что кинул мне в лицо. Душа Меркуцио
Ещё недалеко от нас витает
И хочет в спутницы себе — твою.
Ты, я иль оба — с ним должны пойти.

Тибальт
Мальчишка, здесь ты был с ним неразлучен —
Так будь и там!

Ромео
А это меч решит!

Дерутся. Тибальт падает.

Бенволио
Ромео, прочь, спасайся!
Народ бежит сюда! Тибальт убит!
Беги, не стой, как камень! Или герцог
Велит тебя казнить! Беги, ну что ж?

Ромео
Судьба играет мной!

Бенволио
Чего ты ждёшь?

Поединок Ромео с Тибальтом. Художник Ф.Д. Константинов. 1951—1952 гг.

Ромео убегает.
Входят горожане.

Первый горожанин
Куда бежал тот, кто убил Меркуцио?
Куда Тибальт-убийца убежал?

Бенволио
Вот здесь лежит Тибальт.

Первый горожанин
Синьор, за мной!
Ты арестован именем закона.

Входят герцог, свита, Монтекки и Капулетти
с жёнами и другие.

Герцог
Где гнусные зачинщики резни?

Бенволио
Мой государь, известны мне они:
Сражён рукой Ромео, здесь лежит
Тот, кем Меркуцио доблестный убит.

Синьора Капулетти
Тибальт, родной, сын брата моего!
О герцог! Муж! Кровь пролита его!
О государь, ты будешь справедлив,
За нашу кровь Монтекки кровь пролив! —
Увы, племянник милый!

Герцог
Бенволио, кто кровавый начал бой?

Бенволио
Тибальт. Ромео он сражён рукой!
Ромео с ним заговорил учтиво,
Указывал, как пуст предлог для ссоры,
Предупреждал, что гнев ваш будет грозен, —
Всё так спокойно, кротко и смиренно, —
Но ярости его не обуздал;
И, к увещаньям глух, Тибальт направил
Свой острый меч на славного Меркуцио.
Тот вспыхнул, меч свой также обнажил;
В воинственном пылу одной рукою
Смерть отражал, другой — грозил он смертью
Тибальту, столь же ловкому в защите.
«Друзья, довольно вам!» — Ромео крикнул,
Быстрее слов своей рукой проворной
Развёл он роковые их клинки
И кинулся меж них. Удар коварный

Из-под его руки нанёс Тибальт
Меркуцио храброму и убежал.
Но вскоре возвратился он к Ромео,
Который загорелся жаждой мести.
Молниеносно вспыхнул бой меж ними.
Я не успел разнять их, как Ромео
Сразил Тибальта насмерть и бежал.
Пусть я умру, коль что-нибудь солгал.

Синьора Капулетти
Он лжёт, он лжёт, он родственник Монтекки:
Пристрастье дружбы в этом человеке!
Их двадцать на Тибальта здесь пошли
И только одного убить могли.
Иль правосудья нету в нашем веке?
За жизнь его отдай мне жизнь Монтекки!

Герцог
Тибальт рукой Ромео был сражён,
Но раньше сам убил Меркуцио он, —
С кого же мне за кровь причтётся плата?

Монтекки
Ужель с Ромео? Он любил, как брата,
Меркуцио, и то свершил лишь он,
К чему и так бы присудил закон:
Тибальта он казнил.

Герцог
И в наказание
Его мы осуждаем на изгнание.
Затронут вашею враждой и я:
За вашей распрей — льётся кровь моя.
Но вам грозит жестокая расплата,
И будет всем горька моя утрата.
Я буду глух и к просьбам и к словам.
Не тратьте ж их: я им цены не дам.
Ромео — прочь! Коль он отъезд затянет,
Здесь лишний час его последним станет.
Труп унести! Ждать моего решения.
Прощать убийство — то же преступление.

Уходят.

<...>

АКТ V <...>

СЦЕНА 3

Кладбище, склеп Капулетти.

Входят Парис и его паж, несущий цветы и факел.

Парис

Дай факел, мальчик. Отойди подальше.
Иль нет — задуй, а то меня увидят.
Ступай же в чащу тисовых деревьев,
Ложись там и к земле припринки ухом,
Так, чтоб малейший шаг по этой почве,
Нетвёрдой, рыхлой от рытья могил,
Услышал ты; тогда погромче свистни —
Я буду знать, что кто-нибудь идёт.
Дай мне цветы. Исполни, что сказал я.

Паж (*в сторону*). Мне страшно оставаться одному на кладбище, но всё же я решусь. (*Уходит.*)

Парис

Цветы — цветку на брачную кровать.
Увы, твой балдахин — земля и камни.
Когда воды не хватит поливать,
То для цветов даст влагу слёз тоска мне.
Мне каждой ночью будет долг святой
Носить цветы и плакать над тобой.

Паж свистит.

Входят Ромео и Бальтазар с факелами и ломом.

Ромео

Подай мне заступ и железный лом,
Возьми письмо и завтра рано утром
Вручи его ты моему отцу.
Дай факел мне. Смотри, под страхом смерти,
Что б ты ни увидал и ни услышал, —
Стой вдалеке и мне не смей мешать.
Затем хочу сойти в обитель смерти,
Чтоб увидеть ещё мою супругу;
Но главное — чтоб снять с её руки
Бесценный перстень. Он необходим мне

Для важной цели. Уходи теперь.
Но, если ты подсматривать посмеешь,
Выслеживать, что я здесь буду делать, —
Клянусь, я разорву тебя на части
И кладбище голодное усею
Останками твоими. Место, время,
Моё решение — грозны и зловещи;
Они ужаснее, чем тигр голодный,
Они грозней, чем бурный океан.

Бальтазар

Я ухожу, синьор, я повинуюсь.

Ромео

Ты этим мне свою любовь докажешь.
Возьми.

(Даёт ему деньги.)

Живи, будь счастлив и прощай.

Бальтазар

(в сторону)

Я всё же спрячусь здесь: меня страшит
И замысел его, и грозный вид.

(Уходит.)

Ромео

Проклятая утроба, чрево смерти,
Пожравшее прекраснейшее в мире!
Я пасть твою прогнившую раскрою
И накормлю тебя ещё — насильно.

(Выламывает дверь склепа.)

Парис

Как, это изгнанный гордец Монтекки!
Моей невесты брата он убил;
Она же, это нежное создание, —
Как слышал я, от горя умерла.
Сюда пришёл он, верно, надругаться
Над милым прахом. Я схвачу его!

(Выходит вперёд.)

Брось свой преступный замысел, Монтекки!
Ужели месть живёт и после смерти?
Ты осуждён — тебя я арестую.
Иди за мной: ты должен умереть.

Ромео

Да, должен, и затем пришёл сюда.
О милый юноша, не искушай
Отчаянья души моей — беги.
Оставь меня, подумай об умерших;
Пусть это устршит тебя. Молю,
Не вовлекай меня ты в новый грех.
Тебя люблю я больше, чем себя:
Я лишь против себя вооружился.
Беги отсюда и скажи потом:
Он спас меня в безумии своём.

Парис

Я презираю все твои мольбы.
Злодей! Тебя на бой я вызываю.

Ромео

Ты хочешь драться? Берегись же, мальчик!

Они дерутся.

Паж

Мой Бог, дерутся! Побегу за стражей.
(Убегает.)

Парис

(падая)

О, я убит! Когда ты милосерден —
Вскрой склеп и положи меня с Джульеттой.
(Умирает.)

Ромео

Я обещаю. Погляжу в лицо.
Как! Родственник Меркуцио! Граф Парис!
Что говорил слуга мой по дороге,
Когда его я слушал, не внимая?
Как будто был Парис жених Джульетты, —
Сказал он так иль это мне приснилось?
Иль, слушая о ней, в своём безумье
Вообразил я это? Дай же руку,
Товарищ мой, записанный со мною
В одной и той же книге злой судьбы!
Я схороню твой прах в могиле пышной.
В могиле? Нет, в чертоге лучезарном.

О юноша, ведь здесь лежит Джульетта,
И эти своды красота её
В блестящий тронный зал преобразует.
(Кладёт Париса в склеп.)

Лежи здесь, смерть: тебя мертвец хоронит.
Нередко люди в свой последний час
Бывают веселы. Зовут сиделки
Веселье это «молнией пред смертью».

Ужели это «молния» моя? —

О ты, любовь моя, моя супруга!
Смерть выпила мёд твоего дыхания,
Но красотой твоей не овладела.

Ты не побеждена. Ещё румянец

Красой уста и щёки озаряет,

И смерти знамя бледное не веет. —

И ты, Тибальт, здесь в саване кровавом.

Что больше мог бы для тебя я сделать,

Чем этой же рукой, убившей юность

Твою, убить и твоего врага?

Прости мне, брат! О милая Джульетта!

Зачем ты так прекрасна? Можно думать,

Что смерть бесплотная в тебя влюбилась,

Что страшное чудовище здесь прячет

Во мраке, как любовницу, тебя!

Так лучше я останусь здесь с тобой:

Из этого дворца зловещей ночи

Я больше не уйду; здесь, здесь останусь,

С могильными червями, что отныне —

Прислужники твои. О, здесь себе

Найду покой, навеки нерушимый;

Стряхну я иго несчастливых звёзд

С моей усталой плоти! — Ну, взгляните

В последний раз, глаза мои! Вы, руки,

В последний раз объятия раскройте!

А вы, мои уста, врата дыхания,

Священным поцелуем закрепите

Союз бессрочный со скупою смертью!

Сюда, мой горький спутник, проводник

Зловещий мой, отчаянный мой кормчий!

Разбей о скалы мой усталый чели!

Любовь моя, пью за тебя!

(Пьёт.)

О честный
Аптекарь! Быстро действует твой яд.
Вот так я умираю с поцелуем.
(Умирает.)

Входит с другой стороны кладбища брат Лоренцо с фонарём,
ломом и заступом.

Брат Лоренцо
Святой Франциск, мне помоги! Всё время
Я старыми ногами спотыкаюсь
О насыпи могильные. — Кто тут?

Бальтазар
(выступая вперёд)
Свой человек, вам хорошо знакомый.

Брат Лоренцо
Спаси вас Бог! Скажите мне, чей факел
Я вижу там, что свет дарит напрасно
Одним червям и черепакам безглазым?
Огонь сияет в склепе Капулетти...

Бальтазар
Да, мой отец; и там мой господин,
Любимый вами.

Брат Лоренцо
Кто такой?

Бальтазар
Ромео!

Брат Лоренцо
Давно ль он здесь?

Бальтазар
Уж добрых полчаса.

Брат Лоренцо
Войдём со мною в склеп.

Бальтазар
Отец, не смею;
Мой господин не знает, что я здесь;
Он угрожал мне страшной смертью, если
Я здесь останусь, чтоб следить за ним.

Брат Лоренцо
Остапсья, я пойду один. Мне жутко:
Предчувствую ужасную беду.

Бальтазар
Я спал под тисом здесь, и мне приснилось,
Что господин мой с кем-то здесь сражался,
Что он убил противника.

Брат Лоренцо
(подходит к склепу)
Ромео!

Увы! Но чья же обагрывает кровь
Ступени этой каменной могилы?
Кем брошены кровавые мечи
Здесь, на пороге вечного покоя?
(Входит в склеп.)
Ромео — бледный как мертвец! Парис!
И весь в крови! Какой недобрый час
Виною этих роковых событий?

Джульетта просыпается.

Она пошевелилась.

Джульетта
Ах, отец мой!
Мой утешитель! Где же мой супруг?
Я помню всё, и где я быть должна.
И вот я здесь. Но где же мой Ромео?

Шум за сценой.

Брат Лоренцо
Шум слышу я. Уйдём же из гнезда
Заразы, смерти, тягостного сна.
Противиться нельзя нам высшей воле:
Надежды все разрушны. Идём!
У ног твоих лежит супруг твой, мёртвый;
И с ним Парис. Идём, идём, я скрою
Тебя в обители святых монахинь.
Не спрашивай, бежим, уж близко стража.
Бежим, Джульетта, медлить мне нельзя.

Дж у л ь е т т а
Иди, иди же. Здесь останусь я.

Брат Лоренцо уходит.

Что вижу я! В руке Ромео склянка!
Так яд принёс безвременную смерть.
О жадный! Выпил всё и не оставил
Ни капли милосердной мне на помощь!
Тебя я прямо в губы поцелую.
Быть может, яд на них ещё остался, —
Он мне поможет умереть блаженно.

(Целует Ромео.)

Уста твои теплы.

Первый стражник
(за сценой)
Веди нас, мальчик.

Дж у л ь е т т а
Сюда идут? Я поспешу. Как кстати —
Кинжал Ромео!

(Хватает кинжал Ромео.)

Вот твои ножны!

(Закалывает себя.)

Останься в них и дай мне умереть.
(Падает на труп Ромео и умирает.)

Входит стража с пажом Париса.

П а ж
Здесь это было — где пылает факел.

Первый стражник
Кровь на земле! — Эй, обыскать кладбище!
Ступайте. Всех, кто встретится, хватайте.

Несколько стражников уходят.

Нашли мы место страшных происшествий;
Но верную причину всех несчастий
Без следствия узнать нам невозможно.

Часть стражи возвращается с Бальтазаром.

Второй стражник
Вот, мы слугу Ромео здесь нашли.

Первый стражник
Пока его под стражею держите.

Другая часть стражи возвращается с братом Лоренцо.

Третий стражник
Вот тут монах — дрожит, вздыхает, плачет.
При нём нашли и взяли заступ с ломом,
Когда он шёл с того конца кладбища.

Первый стражник
Да, здесь улика. Задержать монаха.
Входят герцог и свита.

Герцог
Что за несчастье рано так случилось,
Чтобы смутить наш утренний покой?

Входят Капулетти, синьора Капулетти и другие.

Капулетти
Что тут за шум и крики? Что случилось?

Синьора Капулетти
На улицах народ кричит: «Ромео!» —
«Джульетта!» — «Граф Парис!» — и все бегут
В ту сторону, где наш фамильный склеп.

Герцог
Какой здесь ужас нам смущает слух?

Первый стражник
Вот, государь; здесь граф лежит убитый,
Ромео мёртвый и Джульетта рядом.
Покойница ещё совсем тепла,
Она, как видно, только что убита.

Герцог
Немедленно ищите, разузнайте,
Как страшные убийства совершились!

Первый стражник
Вот здесь монах; а здесь — слуга Ромео,
При них нашли орудия для взлома.

Капулетти
О небеса! Взгляни, жена моя,
Как наша дочь здесь истекает кровью!
Кинжал ошибся! Вот его жилище
Висит пустым на поясе Ромео,
А он попал в грудь дочери моей!

Синьора Капулетти
О, эта смерть, как погребальный звон,
Зовёт меня в холодную могилу!

Входят Монтекки и другие.

Герцог
Сюда, Монтекки! Встал ты нынче рано,
Чтоб увидеть, как рано лёг твой сын.

Монтекки
Сегодня в ночь жена моя скончалась —
О сыне грусть свела её в могилу.
Какая скорбь ещё мне угрожает
На склоне лет?

Герцог
Взгляни — и ты увидишь.

Монтекки
Мой сын! Зачем же ты забыл приличие
И ранее отца спешишь в могилу?

Герцог
Замкни уста отчаянью на время,
Пока не разъяснили мы событий —
Источник их, начало и конец.
Тогда вождём я стану вашей скорби,
Опорой вам до смерти; а пока
Пускай печаль терпению покорится.
Я допрошу всех тех, кто в подозренье.

Брат Лоренцо

Я больше всех быть должен в подозренье,
Хоть меньше всех для этого гожусь.
Но час и место — всё против меня
В убийствах этих. Я стою пред вами,
Чтоб обвинять себя и оправдаться, —
Свой обвинитель и защитник вместе.

Герцог

Так говори скорее всё, что знаешь.

Брат Лоренцо

Я буду кратким. Дней моих остаток
Короче, чем рассказ об их несчастьях.
Ромео, что лежит здесь мёртвый, был
С покойною Джульеттою обвенчан:
Она была ему женой законной;
Я их венчал. День тайного их брака
Был для Тибальта роковым; в тот день
Был из Вероны изгнан новобрачный;
О нём — не о Тибальте — были слёзы.
Вы, чтоб её избавить от печали,
Решили с графом обвенчать насильно;
Тогда она пришла ко мне в тоске,
С безумным взором и меня молила
От двоемужия спасти её —
Не то себя убить грозила тут же.
Тогда я ей, руководясь наукой,
Дал сонного питья; его лишь выпив,
Она мгновенно погрузилась в сон,
Подобный смерти. Я послал к Ромео,
Чтоб он её из временной могилы
Освободить явился к той минуте,
Как перестанет действовать питьё.
Но мой посол случайно был задержан
И возвратил вчера моё письмо.
Тогда один, в тот час, когда проснуться
Должна была она, сюда пришёл я,
Чтобы её из склепа увести;
Хотел её в своей я спрятать келье
И отвезти её потом к Ромео.

Когда ж сюда пришёл я — за минуту
До пробуждения её, — увидел,
Что мёртвыми лежат передо мной
Ромео верный и Парис достойный.
Она проснулась. Я её молил
Уйти со мной и покориться небу.
Но шум меня заставил склеп покинуть,
Она ж в отчаянье не захотела
Пойти со мной и, как я полагаю,
Покончила с собой. Вот всё, что знаю.
Кормилице был брак её известен.
И если я отчасти хоть виновен
Во всём, — пускай жизнь старая моя
Падёт немного раньше срока жертвой
Суровейшего нашего закона.

Герцог

Твоё всегда мы знали благочестье, —
Но где слуга Ромео? Что он скажет?

Бальтазар

Я господину весть принёс о смерти
Джульетты, и из Мантуи тогда же
Он кинулся сюда — и прямо к склепу.
Письмо отцу велел вручить он утром,
А в склеп спускаясь, угрожал мне смертью,
Коль одного его я не оставлю.

Герцог

Дай мне письмо — я сам его прочту.
Где графа паж, сюда приведший стражу?

Паж Париса подходит к герцогу.

Скажи, что делал здесь твой господин?

Паж

Принёс цветов на гроб своей невесты,
А мне велел подальше отойти.
Вдруг кто-то с факелом явился к склепу.
Тут господин мой выхватил свой меч —
И я скорее побежал за стражей.

Герцог

Письмо рассказ монаха подтверждает,
Течение их любви и весть о смерти;
И дальше пишет он о том, что яду
У нищего аптекаря купил
И в склеп пришёл, чтоб лечь с Джульеттой
рядом. —

А где ж враги — Монтекки, Капулетти?
Вас бич небес за ненависть карает,
Лишив вас счастья силою любви!
А я за то, что ваш раздор терпел,
Утратою родных наказан также.

Капулетти

О брат Монтекки, дай свою мне руку.
Вот вдовья часть Джульетты; я другой
Просить не стану.

Монтекки

Дам тебе я больше:
Из золота ей статую воздвигну.
Пусть людям всем, пока стоит Верона,
Та статуя напоминает вновь
Джульетты бедной верность и любовь.

Капулетти

Ромео статую воздвигну рядом:
Ведь оба нашим сгублены разладом.

Герцог

Нам грустный мир приносит дня светило —
Лик прячет с горя в облаках густых.
Идём, рассудим обо всём, что было.
Одних — прощенье, кара ждёт других.
Но нет печальней повести на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Уходят.

1595

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Поговорим о прочитанном

Пьеса «Ромео и Джульетта» была необыкновенно популярна среди современников драматурга. Вот лишь один факт: в читальном зале Оксфордского университета, в фолианте, где находился текст пьесы, наиболее затёрты уголки страниц именно этой трагедии, и особенно те из них, где напечатана сцена ночного свидания.

Старинная вражда двух семей, Монтекки и Капулетти, препятствует браку любящих. Вся абсурдность этой слепой, бессмысленной вражды подчёркивается тем, что никто уже не помнит её причин. Оба старика, главы домов, в душе тяготятся этой враждой. Но вражда не прекращается, и всегда находятся горячие головы, особенно из числа молодёжи (например, Тибальт), готовые по любому поводу снова её разжечь, — и тогда льётся кровь, снова кипят дикие страсти и нарушается здоровая, нормальная жизнь города.

Это старое, средневековое начало. Оно восходит к типичной для дофеодального общества родовой вражде и кровной мести, напоминает картину эгоистического своеволия феодальных баронов, воссозданную Шекспиром не только в трагедии, но и в хрониках. Носителем здорового начала, пытающимся обуздать этот разгул, выступает монарх, веронский герцог, обрекающий на изгнание всякого, кто возьмётся за оружие.

Воплощённое в тёмной распре двух семей злое начало противопоставлено идеям любви и добра, человечности, воплощённым в образах Ромео и Джульетты.

Существенным для этой трагической поэмы любви является то, что помимо раскрытия всей силы и очарования юной страсти Шекспир показывает её развивающее и обогащающее действие на человеческую личность.

На глазах зрителя Ромео проходит несколько стадий духовного развития. До встречи с Джульеттой Ромео — наивный юноша, ещё сам не понимающий своей натуры и своих запросов. Он хочет быть как все и внушает себе, что влюблён в черноглазую Розалину, по которой томно вздыхает. На самом же деле это не любовь, а, скорее, игра ума. Перерождение героя происходит при первой же встрече с Джульеттой. Наступает мгновенное понимание: Джульетта — его избранница, и его судьба связана именно с ней. Это осознание заставляет его действовать. Отныне его слова и поступки полны энергии и решительности, а вместе с тем

большой внутренней простоты и искренности. Наконец, когда Ромео получает ложное известие о смерти Джульетты, он ещё раз пре-ображается. Он чувствует, что для него жизнь кончена; он как бы поднимается над собой и всем окружающим, чтобы посмотреть на мир извне, с большей высоты. Ромео приобретает ту проницательность и мудрость, ту отрешённость и объективность, которые свойственны иногда старым людям, многое испытавшим и продумавшим. Теперь Ромео начинает понимать мир лучше, чем раньше. В эту минуту высшего страдания и высшей ясности мысли Ромео, покупая у аптекаря яд, называет золото, которое даёт ему, «ядом похуже», чем полученное им зелье. Когда затем, у гробницы Джульетты, он встречает Париса, этот молодой аристократ с благородными, но неглубокими чувствами кажется Ромео ребёнком по сравнению с ним, и он называет его «юношей».

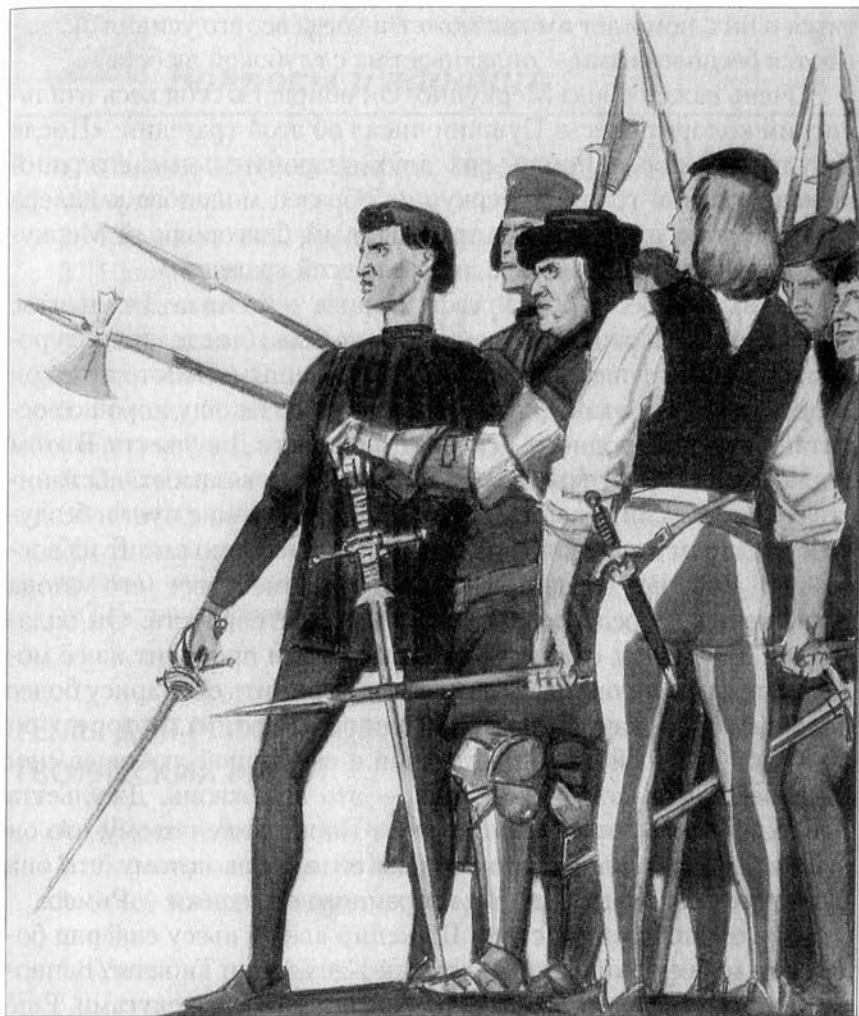
Таким же образом, под влиянием овладевшего ею всепоглощающего чувства, преобразается в пьесе и Джульетта. Из кроткой и наивной девочки, какой она показана вначале, она превращается в подлинную героиню, идущую на всё ради своего чувства. Она порывает со своей семьёй, со своими привычками и обстановкой жизни ради любимого. Во имя своей любви она подвергает себя величайшей опасности, когда решается выпить снотворный напиток. Достаточно прочесть её замечательный монолог по этому поводу, чтобы понять тот ужас, который она испытывает, и всю силу проявленного ею мужества. Наконец, она решительно принимает смерть, чтобы уйти из жизни вместе с Ромео.

Джульетта на протяжении всей пьесы проявляет гораздо больше энергии и инициативы, чем Ромео, борясь со своей судьбой или активно устремляясь навстречу судьбе. Ведь ей, юной девушке, гораздо труднее оторваться от родной семьи, бежать из отцовского дома, чем молодому человеку. Ромео же изначально обособлен от родителей, и им приходится лишь издали следить за его судьбой, узнавать о его действиях и чувствах не непосредственно от него, а от его друзей, например от Бенволио. Джульетта сердечнее, теплее, душевно богаче, чем её избранник. Он риторически сравнивает себя со школьником, тогда как первая её мысль — об опасности, которой он подвергается во владениях её отца. Не Ромео, а Джульетта отвергает клятвы. Не он, а она говорит простые слова: «Хотела бы приличье соблюсти... Но нет, прочь лицемерье! Меня ты лю-

Монтекки и Капулетти

бишь?» Ей, а не ему принадлежит столь характерное для всего образа мыслей Шекспира рассуждение: «Монтекки — что такое это значит? Ведь это не рука и не нога и не лицо твоё... О, возьми другое имя! Что в имени? То, что зовём мы розой, и под другим названием сохранило б свой сладкий запах!» Джульетта более цельная натура, она богаче оттенками чувства, деятельнее. Это очевидно, если ощутить разницу между горячностью её речей, бесед, обращённых к Ромео, кормилице, брату Лоренцо, и сдержанностью, уклончивостью её с родителями или с Пари-

Художник Д.А. Шмаринов. 1959 г.

сом. Не случайно в заключительной строке трагедии у Шекспира (в оригинале) сказано не «повесть о Ромео и Джульетте», а «повесть о Джульетте и её Ромео».

Главные герои трагедии окружены целым рядом образов, которые оттеняют и усиливают основную мысль пьесы. И в первую очередь это монах Лоренцо, помощник влюблённых в борьбе с враждебным окружением. Лоренцо — олицетворение мудрости, естественности и доброты. За добро, которое он творит, он не получает даже слова благодарности. Он сочувствует любящим, забо-

тится о них, помогает им как может, а когда все его усилия оказываются бесполезными — оплакивает их с глубокой любовью.

Очень важен образ Меркуцио. Он вбирает в себя весь итальянский колорит пьесы. Пушкин писал об этой трагедии: «После Джульетты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркуцио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркуцио, есть замечательнейшее лицо из всей трагедии».

Очень интересен образ графа Париса — жениха Джульетты, назначенного ей отцом. Шекспиру легко было бы сделать его уродом, стариком, существом грубым и низменным. Вместо этого он обрисовал Париса как красивого и изящного юношу, хорошо воспитанного, благородного, искренне любящего Джульетту. В этом заключена главная мысль. При всех своих видимых достоинствах Парис, если сравнить его с Ромео, внутренне пуст и бездушен. Недаром кормилица говорит, что он «словно вылит из воска». В нём нет огненного чувства Ромео, все его слова и движения посредственны, лишены значительности. Он оплакивает Джульетту, считая, что она умерла, и приносит на её могилу цветы, но он оказывается в силах пережить её. Парису более подошла бы в качестве возлюбленной Розалина, которую он окружил бы своей благопристойной и спокойной любовью, чем Джульетта, для которой любовь — это вся жизнь. Джульетта приходит в ужас от мысли о браке с Парисом не потому, что он был чем-нибудь плох или противен ей, а лишь потому, что она может любить только одного, избранного ею навеки — Ромео.

Для оживления действия Шекспир ввёл в пьесу ещё ряд более или менее ярких фигур (старый Капулетти, Тибальт, Бенволио и другие). Очень забавны шутовские сцены со слугами. Ещё больше веселья, хотя и другого рода, несёт с собой образ кормилицы — натуры грубой и достаточно пошлой, но не лишённой здравого смысла и своеобразного юмора. Очень живо передана также атмосфера итальянского города, залитого солнцем, от горячих лучей которого мысль работает быстрее и страсти разгораются с ещё большей силой.

«Ромео и Джульетта» — одна из тех пьес Шекспира, которые наиболее богаты красками. В ней много разных тонов, от весёлой улыбки до дикого отчаяния, от нежной любви до лютой злобы. Но над всем преобладает любовь к жизни и вера в победу правды и добра.

По А.А. Смирнову

Вопросы и задания

1. Найдите в тексте эпитеты, характеризующие любовь Ромео и Джульетты.
2. Каков основной конфликт пьесы? Почему её исход трагичен?
3. Назовите эпизоды, которые наиболее значимы для понимания идеи трагедии.
- 4*. Определите все элементы фабулы трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».
5. Почему У. Шекспир называет своё повествование «печальной повестью»?
6. Дайте характеристику одному из действующих лиц трагедии (по вашему выбору).
- 7*. В каких произведениях культуры встречается сюжет, хоть отдалённо напоминающий историю семейств Монтекки и Капулетти? Историю Ромео и Джульетты?

ТЕМЫ ДЛЯ РЕФЕРАТОВ, СООБЩЕНИЙ, ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

1. «Ромео и Джульетта» на театральной сцене и в кино.
2. Быт и нравы Вероны и Мантуи (по страницам пьесы Шекспира).
3. «Всё в мире движимо любовью» (по страницам пьесы Шекспира).
4. Умеют ли так любить сегодня?

После уроков

Проведите дискуссию на тему «Примиряющая сила — любовь или смерть?» (по трагедии Шекспира). Предварительно запишите несколько основных тезисов, которые вы выдвинете в качестве основы для доказательств.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС СААВЕДРА

1547—1616

Мигель де Сервантес Сааведра родился 29 сентября в семье лекаря, бедного идалго. Нужда преследовала его всю жизнь. Образование он получил в коллегии иезуитов города Вальядолида в 1557—1561 годах, затем переехал в Мадрид, где продолжил учение. Состоял в свите папского легата и вместе с ним посетил Италию. Далее началась жизнь, полная неожиданностей и приключений. В 1562 году Сервантес был уже солдатом испанской армии. Он отличился в битве европейского флота с турками при Лепанто 7 октября 1571 года, был ранен в грудь и левую руку. В результате рука на всю жизнь осталась парализованной, но увечье не побудило его оставить военную службу.

На этом злоключения не прекратились. Возвращаясь летом 1575 года морем на родину, Сервантес был захвачен пиратами и продан в рабство алжирскому паше. Четыре раза он пытался бежать, но неудачно. Лишь в 1580 году его выкупили миссионеры.

В 1587 году в Севилье Сервантес поступает на государственную службу вначале комиссаром по закупке провианта для армии, а позже — сборщиком недоимок. Служит до 1603 года, но гражданская служба оказывается не более удачной, чем военная. Небрежность в отчётах приводит к тому, что его обвиняют в сокрытии и растрате сборов. Трижды Сервантес попадает в тюрьму — в 1592, 1597 и 1602 годах. Именно в севильской тюрьме он начал работать над романом «Дон Кихот».

Сервантес написал роман «Галатея», затем издал «Назидательные новеллы», поэму «Путешествие на Парнас», сборник «Восемь комедий и интермедий». Но главным произведением его стал роман «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский». В 2005 году исполнилось 400 лет первому изданию романа. Он принёс писателю мировую славу — такую громкую, что некий автор под псевдо-

нимом А. Фернандеса де Авельянеду в 1614 году выпустил «подложное» окончание «Дон Кихота». Сервантес был возмущён и разгневан подделкой и, самое главное, искажением его замысла и опубликовал свою вторую часть романа в 1615 году.

Сервантес умер 23 апреля 1616 года, а его великое произведение продолжает свою жизнь в мировой культуре.

«Во всём мире нет глубже и сильнее этого сочинения. Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли, это самая горькая ирония, которую только мог выразить человек, и если бы кончилась земля и спросили там где-нибудь людей: „Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?“ — то человек мог бы молча подать Дон Кихота: „Вот моё заключение о жизни — и можете ли вы за него судить меня?“ Эту самую грустную из книг не забудет взять с собою человек на последний суд Божий. Он укажет на сообщённую в ней глубочайшую и роковую тайну человека и человечества...»

Ф.М. Достоевский

Титульный лист первого испанского издания романа «Дон Кихот». Мадрид. 1605 г.

Портрет Сервантеса. Художник Хуан де Хуарегга. 1600 г.

1. Каким вы представляете себе Сервантеса?
2. Что необычного было в судьбе писателя?
3. Как вы поняли слова Ф.М. Достоевского о романе Сервантеса?

ХИТРОУМНЫЙ ИДАЛЬГО ДОН КИХОТ ЛАМАНЧСКИЙ¹ (Фрагмент)

ГЛАВА VIII

О славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основою нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли — значит верой и правдой послужить Богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вон они, с громадными руками, — отвечал его господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

— Помилуйте, сеньор, — возразил Санчо, — то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы; то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного искателя приключений, — заметил Дон Кихот, — это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

¹ Изучаются отдельные главы по усмотрению учителя.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

— Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул легкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарей¹, и тогда пришлось бы вам поплатиться!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсинеи, обратился к ней с мольбою помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копье в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что господин его не может пошевелиться — так тяжело упал он с Росинанта.

— Ах ты, Господи! — воскликнул Санчо. — Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее, что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же, я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, дабы лишить меня плодов победы, — так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча.

— Это уж как Бог даст, — заметил Санчо Панса.

Он помог Дон Кихоту встать и усадил его на Росинанта, который тоже был чуть жив. Продолжая обсуждать недавнее происшествие, они поехали по дороге к Ущелью Лаписе, ибо Дон

¹ Бриарей (миф.) — сторукий великан.

Дон Кихот. Художник Н.И. Пискарев. 1922 г.

Кихот не мог упустить множество разнообразных приключений, какое, по его словам, на этом людном месте их ожидало; одно лишь огорчало его — то, что он лишился копья, и, поведав горе своё оруженосцу, он сказал:

— Помнится, я читал, что один испанский рыцарь по имени Дьего Перес де Варгас¹, утратив в бою свой меч, отломил от дуба громадный сук и отдубасил и перебил в этот день столько мавров, что ему потом дали прозвище Дубас, и с тех пор он и его потомки именуются Варгас-Дубас. Всё это я говорю к тому, что я тоже намерен отломить сук от первого же дуба, который попадётся мне по дороге, всё равно — обыкновенного или каменного,

¹ Дьего Перес де Варгас — толедский рыцарь; служил в войсках Фернандо III; отличался необычайной храбростью и мужеством в боях с маврами.

такой же величины, какой, я себе представляю, долженствовал быть у Варгаса, и при помощи этого сука совершить такие подвиги, что ты почтёшь себя избранником судьбы, ибо удостоился чести быть очевидцем и свидетелем деяний, которые впоследствии могут показаться невероятными.

— Всё в руках Божиих, — заметил Санчо. — Я верю всему, что говорит ваша милость. Только сядьте прямее, а то вы всё как будто съезжаете набок, — верно, оттого, что ушиблись, когда падали.

— Твоя правда, — сказал Дон Кихот, — и если я не стону от боли, то единственно потому, что странствующим рыцарям в случае какого-либо ранения стонать не положено, хотя бы у них вываливались кишки.

— Коли так, то мне возразить нечего, — сказал Санчо, — но одному Богу известно, как бы я был рад, если б вы, ваша милость, пожаловались, когда у вас что-нибудь заболит. А уж доведись до меня, так я начну стонать от самой пустячной боли, если только этот закон не распространяется и на оруженосцев странствующих рыцарей.

Дон Кихот не мог не посмеяться простодушию своего оруженосца, а затем объявил, что тот волен стонать, когда и сколько ему вздумается, как по необходимости, так и без всякой необходимости, ибо в рыцарском уставе ничего на сей предмет не сказано. Санчо напомнил Дон Кихоту, что пора закусить. Дон Кихот сказал, что ему пока не хочется, а что Санчо может есть, когда ему заблагорассудится. Получив позволение, Санчо со всеми удобствами расположился на осле, вынул из сумки её содержимое и

Санчо Панса. Художник С.Г. Бродский. 1976 г.

принялся закусывать; он плёлся шажком за своим господином и время от времени с таким смаком потягивал из бурдюка, что ему позавидовали бы даже малагские трактирщики, а ведь у них по части вина раздолье. И пока Санчо отхлёбывал понемножку, у него вылетели из головы все обещания, какие ему надавал Дон Кихот, а поиски приключений, пусть даже опасных, казались ему уже не тяжкой повинностью, но сплошным праздником.

Эту ночь они провели под деревьями; от одного из них Дон Кихот отломил засохший сук и приставил к нему железный наконечник — таким образом у него получилось нечто вроде копья. Стараясь во всём подражать рыцарям, которые, как это ему было известно из книг, не спали почей в лесах и пустынях, тешась мечтой о своих повелительницах, Дон Кихот всю ночь не смыкал глаз и думал о госпоже своей Дульсинее. Совсем по-иному провел её Санчо Панса: наполнив себе брюхо отнюдь не цикорной водой¹, он мёртвым сном проспал до утра, и, не разбуди его Дон Кихот, он ещё не скоро проснулся бы, хотя солнце давно уже било ему прямо в глаза, а множество птиц весёлым щебетом приветствовало наступивший день. Наконец Санчо встал и, не замедлив глотнуть из бурдюка, обнаружил, что бурдюк слегка осунулся со вчерашнего дня; это было для него весьма огорчительно, ибо он понимал, что в ближайшее время вряд ли могла ему представиться возможность пополнить запас. Дон Кихот не пожелал завтракать, — как уже было сказано, он питался одними сладкими мечтами. Оба выехали на дорогу, и около трёх часов пополудни вдаль показалось Ущелье Лаписе.

— Здесь, брат Санчо, — завидев ущелье, сказал Дон Кихот, — мы, что называется, по локоть запустим руки в приключения. Но упрещаю: какая бы опасность мне ни грозила, ты не должен браться за меч, разве только ты увидишь, что на меня нападают смерды, люди низкого звания: в сём случае ты волен оказать мне помощь. Если же это будут рыцари, то по законам рыцарства ты не должен и не имеешь никакого права за меня вступаться, пока ты ещё не посвящён в рыцари.

— Насчёт этого можете быть уверены, сеньор: я из повиновения не выйду, — сказал Санчо. — Тем более нрав у меня тихий; лезть в драку, затевать перепалку — это не моё дело. Вот если кто-нибудь затронет мою особу, тут уж я, по правде сказать, на

¹ *Цикорная вода* — медицина того времени считала цикорный напиток средством, вызывающим лёгкий и спокойный сон.

рыцарские законы не погляжу: ведь и божеские и человеческие законы никому не воспрещают обороняться.

— С этим я вполне согласен, — сказал Дон Кихот. — Тебе придётся сдерживать естественные свои порывы только в том случае, если на меня нападут рыцари.

— Непременно сдержу, — сказал Санчо, — для меня это установление будет священно, как воскресный отдых.

Они всё ещё продолжали беседовать, когда впереди показались два монаха-бенедиктинца верхом на верблюдах, именно на верблюдах, иначе не скажешь, — такой невероятной величины достигали их мулы. Монахи были в дорожных очках¹ и под зонтиками. Двое слуг шли пешком и погоняли мулов, а позади ехала карета в сопровождении не то четырёх, не то пяти верховых. Как выяснилось впоследствии, в карете сидела дама из Бискайи, — ехала она в Севилью, к мужу, который собирался в Америку, где его ожидала весьма почётная должность, монахи же были её случайными спутниками, а вовсе не провожатыми. Но Дон Кихот, едва завидев их, тотчас же сказал своему оруженосцу:

— Если я не ошибаюсь, нас ожидает самое удивительное приключение, какое только можно себе представить. Вон те чёрные страшилища, что показались вдаль, — это, само собой разумеется, волшебники: они похитили принцессу и увозят её в карете, мне же во что бы то ни стало надлежит расстроить этот злой умысел.

— Как бы не вышло хуже, чем с ветряными мельницами, — заметил Санчо. — Полноте, сеньор, да ведь это братья бенедиктинцы, а в карете, уж верно, едут какие-нибудь путешественники. Право, ваша милость, послушайте вы меня и одумайтесь, а то вас опять лукавый попутает.

— Я уже говорил тебе, Санчо, что ты ещё ничего не смыслишь в приключениях, — возразил Дон Кихот. — Я совершенно прав, и сейчас ты в этом удостоверись.

Тут он выехал вперёд, остановился посреди дороги и, когда монахи очутились на таком близком расстоянии, что им должно было быть слышно его, громким голосом заговорил:

— Бесноватые чудища! Сей же час освободите благородных принцесс, которых вы насильно увозите в карете! А не то готовьтесь принять скорую смерть как достойную кару за свои злодеяния!

Идр. Купцам пи

¹ *Дорожные очки* — маски с вставленными в них стёклами для защиты глаз от пыли и солнечных лучей.

Монахи натянули поводья и, устрашённые видом Дон Кихота и речами его, ответили ему так:

— Сеньор кавальеро! Мы не бесноватые чудища, мы бенедиктинские иноки, едем по своим надобностям и, есть ли в карете похищенные принцессы или нет, — про то мы не ведаем.

— Сладкими речами вы меня не улестите. Знаю я вас, вероломных негодяев, — сказал Дон Кихот.

Не дожидаясь ответа, он прищпорил Росинанта и с копьём наперевес, вне себя от ярости, отважно ринулся на одного из монахов, так что если б тот загодя не слетел с мула, то он принудил бы его к этому силой да ещё вдобавок тяжело ранил бы его, а может, и просто убил. Другой монах, видя, как обходятся с его спутником, вонзил пятки в бока доброго своего мула и помчался легче ветра.

Тем временем Санчо Панса мигом соскочил с осла, кинулся к лежавшему на земле человеку и принялся снимать с него одеяние. В ту же секунду к нему подбежали два погонщика и спросили, зачем он раздевает его. Санчо Панса ответил, что эти трофеи по праву принадлежат ему, ибо сражение выиграл его господин Дон Кихот. Погонщики шуток не понимали и не имели ни малейшего представления о том, что такое сражение и трофеи; воспользовавшись тем, что Дон Кихот подъехал к карете и заговорил с путешественницей, они бросились на Санчо, сшибли его с ног и, не оставив в его бороде ни единого волоса, надавали ему таких пинков, что он, бесчувственный и бездыханный, остался лежать на земле. Перепуганный же и оторопелый монах, бледный как полотно, не теряя драгоценного времени, сел на своего мула и поскакал туда, где, издали наблюдая за всей этой кутерьмой, поджидал его спутник, а затем оба, не дожидаясь развязки, поехали дальше и при этом так усердно крестились, точно по пятам за ними гнался сам дьявол.

Между тем Дон Кихот, как уже было сказано, вступил в разговор с сидевшей в карете дамой.

— Сеньора! — так начал он. — Ваше великолепие может теперь располагать собою как ему заблагорассудится, ибо заносчивость ваших похитителей сметена и повержена в прах мощной моей дланью. А дабы вы не мучились тем, что не знаете имени своего избавителя, я вам скажу, что я — Дон Кихот Ламанчский, странствующий рыцарь и искатель приключений, прельщённый несравненною красавицей Дульсинеей Тобоскою. И в награду за оказанную вам услугу я хочу одного: поезжайте в Тобосо к моей госпоже, скажите ей, что вы от меня, и поведайте ей всё, что я совершил, добиваясь вашего освобождения.

Едва успел Дон Кихот вымолвить это, как один из слуг, сопровождавших даму, родом бискаец, видя, что Дон Кихот не пропускает карету и требует, чтобы они возвращались обратно и сжали в Тобосо, приблизился к нему и, схватившись за его копье, на дурном кастильском и отвратительном бискайском наречиях сказал ему следующее:

— Ходи прочь, кавальеро, чтоб тебе нет пути! Клянусь Создателем: не выпускать карету, так я тебя убью, не будь я бискаец! Дон Кихот прекрасно понял его.

— Если б ты был не жалкий смерд, а кавальеро, — невозможно заметил он, — я бы тебя наказал за твоё безрассудство и наглость.

Бискаец же ему на это сказал:

— Я не кавальеро? Клянусь богом, ты врешь, как христианин. А ну, бросай копье, хватай меч — будем смотреть, кого кто! Бискаец — он тебе и на суше, и на море, и чёрт его знает где идальго. Наоборот скажешь — враль будешь.

— Ну, это мы ещё посмотрим, как сказал Аграхес¹, — молвил Дон Кихот.

Швырнув копье наземь, он выхватил меч, заградился щитом и с твёрдым намерением уложить бискайца на месте бросился на него. Бискаец же, смекнув, что дело принимает дурной оборот, хотел было спешиться, ибо мул, на котором он путешествовал, скверный наёмный мул, не внушал ему доверия, но он успел только выхватить меч; по счастливой случайности он находился возле самой кареты; воспользовавшись этим, он вытащил подушку и прикрылся ею, как щитом, а затем они оба ринулись в бой, как два заклятых врага. Те, кто при сём присутствовал, тщетно пытались их помирить, — бискаец кричал на своём ломаном языке, что если ему не дадут сразиться, то он убьёт свою госпожу и всех, кто станет ему поперёк дороги. Сидевшая в карете дама, поражённая и напуганная происходящим, велела кучеру отъехать в сторону и стала издали наблюдать за жестокой битвой, в пылу которой бискаец так хватил Дон Кихота по плечу, что, если б не щит, он рассёк бы его до пояса. Восчувствовав силу этого страшного удара, Дон Кихот громко воскликнул:

¹ Ну, это мы ещё посмотрим, как сказал Аграхес... — Это выражение, заключающее в себе угрозу, часто встречается в рыцарских романах, откуда и вошло в поговорку. Оно связано с именем Аграхеса, одного из персонажей романа «Амадис Галльский».

— О Дульсинея, владычица моего сердца, цвет красоты! Придите на помощь вашему рыцарю, который в угоду несказанной доброте вашей столь суровому испытанию себя подвергает!

Произнести эти слова, схватить меч, как можно лучше заградиться щитом и устремиться на врага — всё это было делом секунды для нашего рыцаря, задумавшего одним смелым ударом покопчить с бискайцем.

Решительный вид, с каким Дон Кихот перешёл в наступление, красноречиво свидетельствовал об охватившем его гневе, а потому бискаец почёл за нужное изготавиться к обороне. Он прижал подушку к груди, но с места не сдвинулся, ибо ни туда ни сюда не мог повернуть своего мула, который, по причине крайнего утомления и от непривычки к подобного рода дурачествам, не в силах был пошевелить ногой. Словом, как уже было сказано, Дон Кихот, высоко подняв меч, дабы разрубить изворотливого бискайца пополам, наступал на него; бискаец защитился подушкой и тоже высоко поднял меч; испуганные зрители с замиранием сердца ждали, что будет, когда опустятся эти мечи, сокрушительным ударом грозившие один другому, меж тем как дама в карете вместе со своими служанками призывала на помощь силы небесные и давала Богу обещание пожертвовать на все святыни и внести вклад во все испанские монастыри, только бы он отвёл от бискайца и от них самих столь великую опасность. Но тут, к величайшему нашему сожалению, первый летописец Дон Кихота, сославшись на то, что о дальнейших его подвигах история умалчивает, прерывает описание поединка и ставит точку. Однако ж второй его биограф, откровенно говоря, не мог допустить, чтобы эти достойные внимания события были преданы забвению и чтобы ламанчские писатели оказались настолько нелюбознательными, что не сохранили у себя в архивах или же в письменных столах каких-либо рукописей, к славному нашему рыцарю относящихся; оттого-то, утешаясь этою мыслью, и не терял он надежды отыскать конец занятой этой истории, и точно: небу угодно было, чтобы он его нашёл, а уж каким образом — об этом будет рассказано во второй части¹.

¹ *...об этом будет рассказано во второй части.* — Первое издание первой книги «Дон Кихота» (1605) делилось на четыре части. Вторую книгу «Дон Кихота», выпущенную в 1615 году, Сервантес назвал второй, а не пятой частью, не желая подражать Авельянеде. *Алонсо Фернандес де Авельянеда* — псевдоним автора подложного «Дон Кихота» (изд. в 1614 г.). Личность автора не установлена. Роман Авельянеды носит пародийный характер и содержит резкие выпады против Сервантеса. Во второй части своего «Дон Кихота» Сервантес, в свою очередь, даёт резкую отповедь Авельянеде.

Великий роман Сервантеса «Дон Кихот» возник из скромного замысла — высмеять модные в его время новорыцарские романы, которых в Испании в то время выходило множество.

Основу ситуации «Дон Кихота» составляет противопоставление центральной пары «безумцев» — единственно активных и деятельных персонажей — «трезвому», расчётливому и самодовольному их окружению. Внутри этой пары рыцарь-мечтатель, идеалист Дон Кихот противопоставлен спутнику-«реалисту» Санчо Пансе. Герои постоянно попадают в нелепые с точки зрения здравого смысла положения и ситуации, но эта их наивная нелепость оказывается возвышенной и чище любой «трезвости» здравого смысла и расчёта. Сочувственно смеясь над центральными героями, читатель с горечью смеётся и над непробудной обыденностью и пошлостью всех остальных.

Иллюстрация к французскому изданию романа «Дон Кихот». Художник Г. Доре. 1863 г.

На протяжении веков менялось восприятие романа. В XVII веке «Дон Кихот» считался лишь литературно-пародийным и чисто сатирическим произведением.

Но уже в XIX столетии, в период зарождения и расцвета романтизма в мировой и русской литературе, читатели восторгались непревзойдённой поэтизацией Сервантесом разлада между мечтой и действительностью как высшей кризисной жизненной ситуацией. Немецкий писатель-романтик и философ Ф. Шеллинг усматривал в «Дон Кихоте» «...самую универсальную, содержательную и живописную картину жизни», в его сюжете — «...целую мифологию, созданную гением одного человека», в Дон Кихоте и Санчо Пансе — «мифологизированные лица для всего культурного человечества». Высоко оценивал роман и Г. Гейне, называя его «величайшей сатирой на человеческую восторженность» и «величайшим образцом романа».

В XX веке образы Дон Кихота и Санчо Пансы духовно сближаются и воспринимаются как две стороны единого целого. Растёт понимание того, что бескорыстность, романтический максимализм Дон Кихота и бытовая, почти крестьянская заземлённость Санчо Пансы (вне друг друга эти персонажи не мыслятся) взаимообогащаются, тем более что реальная польза от «деяний» Санчо Пансы немногим большая, чем от «неумений» Дон Кихота.

Донкихотство становится словом нарицательным и далеко не всегда несёт в себе отрицательный оттенок. Скорее наоборот. В.Г. Белинский, например, утверждал, что «каждый человек немножко Дон Кихот».

И.С. Тургенев в 1860 году выступил с речью (позже оформленной в статью) «Гамлет и Дон Кихот», где противопоставил шекспировского и сервантесовского героев как мыслителя и деятеля, скептика и энтузиаста, эгоиста и альтруиста, рассматривая их в качестве вечных «полюсов» человеческой природы.

В России первый незаконченный перевод романа был сделан ещё в 1769 году (И. Гейльс), завершён — в 1791-м (Н. Осипов). Переводчиками были В.А. Жуковский, К. Масальский, В. Карелин, Г. Лазинский, К. Мочульский, Н. Любимов.

<http://iurokum.ru>

Дон Кихот и Санчо Панса. Художник Пабло Пикассо. 1955 г.

Вопросы и задания

?

1. Расскажите, как изменялось восприятие романа «Дон Кихот» от века к веку.
2. Рыцарский роман невозможен без романтической любовной истории и борьбы. Какие сюжеты в «Дон Кихоте» внешне напоминают эти черты рыцарского романа?
3. Смешон ли Дон Кихот тем, что идеализирует возлюбленную? Может быть, само состояние влюблённости достойно уважения? Обсудите эту проблему.

4. Символом чего для Дон Кихота является ветряная мельница? Почему он борется с нею неистово и яростно? Имеет ли герой шансы на успех? Осознаёт ли он, что его борьба бесперспективна? Почему для него важна эта борьба?

5*. Как Санчо Панса оказался губернатором? Что дало герою его губернаторство и чем оно обернулось для жителей?

6. Обратите внимание на манеру общения героев с другими персонажами и на то, как они разговаривают между собой. Какие выводы из своих наблюдений вы можете сделать?

7*. Что означает определение Шеллинга: «мифологизированные лица для всего культурного человечества»?

8. Согласны ли вы с утверждением Ф.М. Достоевского? Как вы думаете, почему он называет роман Сервантеса «самой грустной из книг»?

9*. Как вы понимаете термин «донкихотство»? Есть ли оно в нашей жизни и нужно ли оно человеку и человечеству? Рассуждая, приводите примеры из жизни.

Живое слово

Подготовьте сообщение на тему «Роман Сервантеса в изобразительном и сценическом искусстве».

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Из устного народного творчества

«В тёмном лесе, в тёмном лесе...», «Уж ты ночка, ты ноченька, темна...», «Ивушка, ивушка, зелёная моя!..».

Из древнерусской литературы

Моление Даниила Заточника.

Поход князя Игоря Святославовича Новгородского на половцев.

Из литературы XIX века

И.А. Крылов. *Кошка и Соловей.*

К.Ф. Рылеев. *Державин.*

П.А. Вяземский. *Тройка.*

Е.А. Баратынский. «Мой дар убог, и голос мой негромок...».
Муза.

А.С. Пушкин. *Муза. Золото и булат. Другьям.* «...Вновь я посетил...».

М.Ю. Лермонтов. *Дары Терека. Маскарад.*

Н.В. Гоголь. *Портрет.*

И.С. Тургенев. *Три встречи. Вешние воды. Первая любовь.*

Н.А. Некрасов. *Коробейники.* «Душно! без счастья и воли...». «Ты всегда хороша несравненно...». *Дедушка.*

А.А. Фет. «На заре ты её не буди...». «Буря на небе вечернем...». «Я жду... Соловьиное эхо...».

Л.Н. Толстой. *Холстомер.*

Из литературы XX века

М. Горький. *Сказки об Италии.*

А.А. Ахматова. *Вечером.* «Вечерние столы, часы перед столом...». «Проводила друга до передней...».

М.И. Цветаева. *Генералам 1812 года.*

С.А. Есенин. *Письмо матери.*

Б.Л. Пастернак. «Быть знаменитым некрасиво...».

А. Грин. *Бегущая по волнам. Алые паруса.*

В.П. Астафьев. *Ангел-хранитель.*
Я.В. Смеляков. *Хорошая девочка Лида.*
В.Т. Шаламов. *Детский сад.*
В.М. Шукшин. *Гришка Малюгин. Волки.*
В.Ф. Тендряков. *Весенние перевёртыши.*
Д.С. Лихачёв. *Заметки о русском.*

Из зарубежной литературы

В.М. Гюго. *Девяносто третий год.*

СЛОВАРЬ ИМЁН

Абашидзе Григол Григорьевич (1914–1994) — советский грузинский поэт.

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1880–1925) — русский писатель, сатирик, театральный критик.

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) — русский публицист, поэт, литературный критик, историк и лингвист, идеолог славянофильства.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — русский писатель и общественный деятель, литературный и театральный критик.

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) — русский писатель, представитель Серебряного века русской литературы.

Анненский Иннокентий Фёдорович (1855–1909) — русский поэт, драматург, переводчик.

Байрон Джордж Гордон (1788–1824) — английский поэт-романтик.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) — поэт-символист, переводчик, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века.

Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844) — русский поэт, друг А.С. Пушкина.

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) — русский поэт, предшественник А.С. Пушкина.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) — известный русский критик, писатель, публицист, философ.

Белый Андрей (настоящее имя — Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) — русский писатель, теоретик символизма.

Берг Николай Васильевич (1823—1884) — русский поэт, переводчик, журналист, историк.

Бестужев Александр Александрович (1797—1837) — русский писатель, критик, публицист, декабрист.

Блок Александр Александрович (1880—1921) — русский поэт-символист.

Бомарше Пьер Огюстен Карон (1732—1799) — французский драматург.

Боткин Василий Петрович (1812—1869) — русский очеркист, литературный критик, переводчик.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — русский поэт-символист, прозаик, драматург, переводчик, литературовед, литературный критик и историк.

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — русский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Вельтман Александр Фомич (1800—1870) — русский писатель-романтик.

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) — русский поэт-романтик, переводчик, философ.

Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.) — древнеримский поэт.

Вознесенский Андрей Андреевич (1933—2010) — русский поэт, прозаик.

Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — русский поэт, переводчик, литературный критик, художник-пейзажист.

Высоцкий Владимир Семёнович (1938—1980) — советский поэт, бард, актёр.

Вяземский Пётр Андреевич (1792—1878) — русский поэт, литературный критик.

Гейне Христиан Иоганн Генрих (1797—1856) — немецкий поэт, публицист и критик.

Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий писатель, мыслитель, историк культуры.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — русский писатель, публицист, философ, революционер.

Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749–1832) — великий немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель.

Глинка Фёдор Николаевич (1786–1880) — русский писатель, критик, публицист.

Гнедич Николай Иванович (1784–1833) — русский поэт, переводчик.

Гончаров Иван Александрович (1812–1891) — русский писатель.

Гораций (полное имя Квинт Гораций Флакк; 65–8 до н. э.) — римский поэт; автор сатир, од и посланий.

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776–1822) — немецкий писатель-романтик, композитор.

Грей Томас (1716–1771) — английский поэт-сентименталист.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) — русский драматург, поэт, композитор, дипломат.

Григорovich Дмитрий Васильевич (1822–1899) — русский писатель.

Гумилёв Николай Степанович (1886–1921) — русский поэт Серебряного века, переводчик, литературный критик, создатель школы акмеизма.

Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) — русский поэт, партизан, герой Отечественной войны 1812 года.

Давыдов Дмитрий Павлович (1811–1888) — русский этнограф, поэт и учитель, племянник поэта Д.В. Давыдова.

Даль Владимир Иванович (1801–1872) — русский учёный, писатель, автор прославленного «Толкового словаря живого великорусского языка».

Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт, один из основателей литературного итальянского языка.

Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) — русский поэт, критик, журналист, друг и однокашник А.С. Пушкина.

Державин Гавриил Романович (1743–1816) — крупнейший русский поэт XVIII века.

Диккенс Чарлз (1812–1870) — английский романист.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец, представитель русского сентиментализма, государственный деятель.

Достоевский Фёдор Михайлович (1821—1881) — великий русский писатель, мыслитель.

Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — русский писатель, литературный критик, переводчик.

Дурова Надежда Андреевна (1783—1866) — русская писательница, первая в русской армии женщина-офицер, участница Отечественной войны 1812 года.

Жорж Санд (настоящее имя — Амандина Аврора Люсиль Дюпен; 1804—1876) — французская писательница.

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — русский писатель, участник Отечественной войны 1812 года.

Каверин Вениамин Александрович (1902—1989) — русский советский писатель.

Катулл Гай Валерий (ок. 87 — ок. 54 до н.э.) — древнеримский поэт.

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — русский историк, критик.

Квитка-Основьяненко Григорий Фёдорович (настоящая фамилия — Квитка; 1778—1843) — украинский писатель.

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — русский религиозный философ, критик, публицист.

Киреевский Пётр Васильевич (1808—1856) — русский публицист, фольклорист, переводчик, видный деятель славянофильства.

Княжнин Яков Борисович (1742 /1740?—1791) — русский драматург, поэт, переводчик.

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — русский поэт.

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — русский писатель, журналист, публицист, общественный деятель.

Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — русский поэт, баснописец, переводчик, журналист.

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — русский писатель.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — русский поэт, общественный деятель, друг А.С. Пушкина; декабрист, участник восстания на Сенатской площади 1825 года.

Лафонтен Жан де (1621—1695) — знаменитый французский баснописец.

Леонов Леонид Максимович (1899—1994) — русский советский писатель.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — русский просветитель, учёный-энциклопедист мирового значения, поэт, переводчик; автор известной теории трёх штилей.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897) — русский поэт, переводчик.

Марциал Марк Валерий (ок. 40 — ок. 104 н. э.) — римский поэт.

Мицкевич Адам Бернард (1798—1855) — польский поэт, политический публицист.

Мольер (настоящее имя — Жан Батист Поклеен; 1622—1673) — французский драматург, актёр, театральный деятель.

Мур Томас (1779—1852) — ирландский поэт-романтик, песенник.

Нагибин Юрий Маркович (1920—1994) — русский прозаик, сценарист, журналист.

Никитин Иван Саввич (1824—1861) — русский поэт.

Новиков Николай Иванович (1744—1818) — русский писатель, общественный деятель, журналист, издатель.

Овидий Публий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт.

Огарёв Николай Платонович (1813—1877) — русский поэт, публицист, революционер.

Одоевский Александр Иванович (1802—1839) — русский поэт, декабрист.

Одоевский Владимир Фёдорович (1803—1869) — русский писатель, журналист, философ, музыковед.

Павлова Каролина Карловна (1807—1893) — русская поэтесса, переводчица.

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — русский писатель, журналист, литературный критик.

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — поэт, прозаик, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Петрарка Франческо (1304—1374) — итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения; автор знаменитых сонетов о любви.

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — публицист, литературный критик.

Плетнёв Пётр Александрович (1791—1865) — русский критик.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — русский поэт, переводчик.

Полежаев Александр Иванович (1804—1838) — русский поэт.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — русский поэт и прозаик.

Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — русский писатель, философ, общественный деятель.

Расин Жан (1639—1699) — французский драматург.

Родиславский Владимир Иванович (1828—1885) — русский писатель.

Руссо Жан Жак (1712—1778) — французский писатель, мыслитель, композитор.

Руставели Шота (1160—1166 — 1216) — грузинский государственный деятель, поэт.

Саути Роберт (1774—1843) — английский поэт-романтик.

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) — советский поэт, драматург.

Свиньин Павел Петрович (1787—1839) — русский писатель, художник, историк, географ.

Сенковский Осип Иванович (1800—1852) — писатель, редактор, журналист, востоковед.

Сковорода Григорий Саввич (1722—1794) — украинский философ, поэт, педагог.

Скотт Вальтер (1771—1832) — английский писатель, историк; считается основоположником жанра исторического романа.

Слуцкий Борис Абрамович (1919—1986) — советский поэт.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822—1899) — русский поэт, генерал.

Стерн Лоренс (1713—1768) — английский романист.

Сумароков Александр Петрович (1717—1777) — русский поэт, драматург.

Суриков Иван Захарович (1841—1880) — русский поэт, представитель «крестьянского» направления в русской литературе.

Тарковский Арсений Александрович (1907—1989) — поэт, прозаик, переводчик.

Тибулл Альбий (ок. 50—19 до н. э.) — древнеримский поэт.

Тиртей (VII в. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор воинственных песен.

Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — русский поэт, прозаик, драматург.

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1769) — русский поэт, переводчик.

Тургенев Александр Иванович (1784—1846) — русский писатель, историк, общественный деятель.

Тютчев Фёдор Иванович (1803—1873) — русский поэт, дипломат, публицист.

Уланд Людвиг (1787—1862) — немецкий поэт-романтик, историк литературы.

Федин Константин Александрович (1892—1977) — советский писатель, общественный деятель.

Филдинг Генри (1707—1754) — английский романист и драматург, публицист.

Флориан Жан Пьер (1755—1794) — популярный в XVIII веке французский писатель-классицист.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — драматург, создатель русской бытовой комедии, публицист.

Хелемский Яков Айзикович (1914 — 2003) — писатель, переводчик, автор многих популярных песен.

Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807) — русский поэт, прозаик, драматург.

Хлебников Велимир (настоящее имя — Виктор Владимирович; 1885—1922) — русский поэт и прозаик Серебряного века.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — русский поэт и критик.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — русский поэт, публицист, богослов, философ, один из основоположников славянофильства.

Чаадаев Пётр Яковлевич (1794—1856) — русский писатель, философ, публицист.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский писатель, философ, публицист, литературный критик.

Чехов Антон Павлович (1860—1904) — русский прозаик, драматург.

Чуковский Корней Иванович (1882—1969) — советский поэт, публицист, переводчик и литературовед.

Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург, историк, теоретик искусства, философ.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) — русский поэт.

КРАТКИЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Амбрé — благоухание.

Ама́лик — вождь амаликян, древнего племени, занимавшего территорию между Палестиной и Египтом, враждовавшего с иудеями и оказавшего им сильное сопротивление.

Ара́пник — ременный кнут.

Ассигно́вать — выделить (деньги).

Аттестова́ть — здесь: обнаружить свой характер, вести себя.

Благове́рные — знатные люди царского или княжеского происхождения, которые угодили Богу своей праведной жизнью.

Благочи́ние — здесь: соблюдение приличий, порядка.

Брандску́гель — зажигательный снаряд корабельной артиллерии.

Богоуго́дные заведения — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы «угодить Богу»).

Болга́ры — здесь: волжские болгары, племена, поселившиеся в VII веке н. э. на Средней Волге.

Бонто́н — хороший тон, светская учтивость (от фр. bon ton).

Ббртничать — здесь: 1) платить дань мёдом; 2) заниматься пчеловодством.

Ботфо́рты — высокие сапоги с раструбами выше колен.

Бурта́сы — одно из мордовских племён.

Варя́жское море — Балтийское море.

Вельмо́жа — знатный и богатый сановник.

Вертопра́х — легкомысленный, ветреный человек (устар.).

Вист — карточная игра между четырьмя партнёрами.

Волтериáнцы (правильно: *вольтерианцы*) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера,

борца против феодального строя. «Вольгерианцами» невежды и реакционеры называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к властям.

Воя жи́рб вка — путешествие.

Вя́да — удмурты.

Габерсу́п — овсяный суп.

Галанте́рёйный — галантный, любезный, вежливый (*разг.*).

Гармо́ния — 1) отдел теории музыки, излагающий построение аккордов; 2) согласованность, стройность в сочетании чего-нибудь.

Гарни́за — гарнизонные солдаты.

Гауптва́хта — помещение для караула.

Голова́ — городской голова — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

Городни́чий — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

Горя́чка — лихорадка.

Гражда́нство — население (*устар.*).

Грацио́зная — изящная.

Гумани́зм — человеколюбие.

Дагероти́пный — фотография, выполненная на металлической пластинке.

Де́вичья — комната для девушек-служанок.

Департа́мент — отдел министерства.

Де́спот — 1) верховный правитель, пользующийся неограниченной властью; 2) самовластный человек, попирающий чужие желания, не считающийся ни с кем; самодур.

Деспо́тизм — жестокий произвол, подавление свободной воли.

Деся́тский — служитель при полиции: выбирался из городских жителей (от каждых десяти домов).

Диапазо́н — здесь: объём знаний, широта интересов.

Дилета́нт — занимающийся наукой или искусством без специальной подготовки, обладая только поверхностными знаниями.

Дла́нь — ладонь (*устар.*).

Дне́сь — ныне, сегодня, сей день (*устар.*).

Дро́жки — лёгкий четырёхколёсный экипаж.

Ды́ба — в старину орудие пытки, на котором растягивали истязуемого.

Дышу́чее море — Белое море и Ледовитый океан.

Егерский полк — стрелковый полк.

Екиво́к (экивок) — двусмысленность, намёк.

Елистра́тишка — искажённое *регистратор*. Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин в царской России (XIV класса).

Ендóва — посуда для вина.

Епитрахíлия (епитрахиль) — верхняя одежда священнослужителя.

Есау́л гребеньско́й — помощник атамана.

Жуи́ровать — развлекаться, вести весёлую жизнь.

Земля Ижбо́рская — область по берегам Невы и побережью Финского залива.

Золотой бунчу́к — древко с привязанным конским хвостом, служившее в старину знаком власти.

Ида́льго — испанский дворянин.

Иди́ллия — 1) поэтическое произведение, изображающее безмятежную жизнь на лоне природы; 2) мирное, счастливое существование.

Иезуи́т — здесь: член монашеского ордена Римско-католической церкви.

Иера́рхия — порядок подчинения низшего высшему; порядок соответствий (в искусстве), например, лексики жанру в системе классицизма.

Иконо́м (эконо́м) — управляющий хозяйством.

Империа́л — русская золотая монета в 10 руб.; после 1897 года — 15 руб.

Импровизи́ровать — создавать художественное произведение в момент исполнения, без подготовки.

Инко́гнито — тайно.

Инохо́дец — лошадь, которая бежит иноходью — сначала выносит обе правые, затем обе левые ноги.

Инти́мный — глубоко личный, сокровенный, душевный.

Инфлуэ́нца (инфлюэ́нца) — острое простудное воспаление дыхательных путей.

Историо́граф — специалист по истории; историк.

Кавале́р — здесь: бывалый солдат.

Казачи́й круг — форма самоуправления у казаков.

Камерге́р — почётное придворное звание.

Карбона́рий — член тайной революционной организации в Италии в начале XIX века; вообще обозначение человека с революционными взглядами.

Карту́з — здесь: бумажный мешочек для табака.

Ке́лья (лицейская) — спальня лицеиста.

Киво́т (киот) — подставка для иконы.

Клю́чница — служанка, ведавшая съестными припасами семьи.

Колле́гия — здесь: высшее учебное заведение.

Колле́жский асе́ссор — гражданский чин VIII класса, до 1845 года данный чин давал титул потомственного дворянства, потом только личного.

Кочеды́жк, кочеды́жка — инструмент для плетения лаптей (обл.).

Краснодерёвщи́к — столяр, специалист по дорогим изделиям.

Кува́лда — тяжёлый ручной молот.

Кума́ться — от глагола кумиться — водиться, знаться, вступать в приятельские отношения.

Купидо́н (Аму́р) — в древнеримской мифологии божество любви. Соответствует греческому Эроту.

Лабарда́н — свежепросоленная треска.

Лега́т — дипломатический представитель папы римского.

Ливре́я — форменная парадная одежда для лакеев, швейцаров, кучеров.

Лихора́дка — болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом; горячка.

Ломовы́е — ломовые извозчики (занимавшиеся перевозкой тяжестей).

Мавр — в Средние века: мусульманское население Пиренейского полуострова.

Ме́х (мехи́) — специальное устройство для нагнетания воздуха и раздувания огня в кузнечном горне.

Министе́рия — здесь: правительство.

Мирт — род южных вечнозелёных растений.

Миссионе́р — проповедник, посылаемый Церковью для религиозной пропаганды среди неверующих и иноверных и обращения их в христианскую веру.

Многотира́жка — печатная газета предприятия или учреждения, издающаяся значительным тиражом.

Моавита́не — здесь: монголо-татары, враждебные Руси.

Мовето́н — здесь: человек дурного тона (от фр. mauvais ton).

Мурза́ — титул феодальной знати в татарских государствах в XV веке, а также лицо, носившее этот титул.

Надво́рный советник — гражданский чин VII класса.

Назида́тельность — поучительность.

Народово́лец — член политической организации «Народная воля», действовавшей в России в конце XIX — начале XX века.

Непту́н — один из древнейших римских богов. Культ Нептуна всегда был связан с водой. Праздник Нептуна справлялся 23 июня с целью предотвращения засухи.

Но́тиция — письменное извещение.

Ока́лина — окисел, образующийся на поверхности раскалённого металла при ковке или прокате.

Опо́йковые сапоги — сапоги из опойка — тонкой кожи, выделанной из шкуры молодых телят.

Ориги́нал — здесь: подлинник, прототип.

Па́левый — бледно-жёлтый.

Пансио́н — в дореволюционной России и в Западной Европе — закрытое учебное заведение с общежитием.

Партикуля́рный — штатский, невоенный.

Пасса́ж — случай, происшествие.

Патриа́рхальный — верный отжившей старине, традиционный.

Па́фос — страстное воодушевление, подъём, энтузиазм.

Пёнтюх — неуклюжий, грубоватый человек (*просторечн.*).

Подоро́жная — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определённым количеством почтовых лошадей.

Подпо́ручник — офицерский чин ниже поручика в царской армии.

Полити́чный — вежливый, обходительный (*просторечн.*)

Полоча́нин — житель города Полоцка.

Понти́йское море — Чёрное море.

Попечи́тель — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

Порту́бея — ременная перевязь, перекинута через плечо, для ношения оружия.

Почтме́йстер — начальник почтовой конторы (ведал пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

Пра́порщик — самый младший офицерский чин в царской армии.

Предво́дитель — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

Предуве́домить — предупредить.

Преподобные — люди, которые удалились от мирской жизни в обществе и угодили Богу, пребывая в девстве (то есть не вступая в брак), посте и молитве, живя в пустыни и монастырях.

Прешпéкт — искажённое *проспект*.

Привáтно — частным образом.

Прису́тственное место — казённое учреждение. Здесь: уездный суд.

Прогóны — плата за проезд на почтовых лошадях.

Просвети́тельство — идейное движение западноевропейской прогрессивной буржуазии XVII—XVIII веков. В России — движение русской и славянской передовой общественной мысли XVIII—XIX веков.

Просвещéние — эпоха Просвещения: период развития прогрессивной буржуазной науки и культуры в Западной Европе XVII—XVIII веков.

Профинти́ть — истратить зря (*разг.*).

Публíчность — наличие публики, общества (*устар.*)

Пю́совый — тёмно-коричневый (*устар.*).

Радика́льный — решительный, коренной, придерживающийся крайних взглядов.

Разночи́нцы — «люди разного чина и звания»; в России конца XVIII—XIX века межсословная категория населения, выходцы из среды духовенства, купечества, мещанства, мелких чиновников.

Ра́ка — гробница с мощами святого угодника.

Рамéна — плечи (*устар.*).

Растрúб — расширение.

Рáтник — воин.

Рáут — торжественный званый вечер.

Рационали́зм — 1) философское направление, отрывающее мышление от чувственного опыта и считающее единственным источником познания разум; 2) рассудочное отношение к жизни.

Рéвность — здесь: старание.

Резонёр — человек, любящий вести пространные рассуждения нравоучительного характера.

Репрессíровать — подвергнуть наказанию, карательным мерам государственными органами.

Репримáнд — здесь: неприятность (от *фр. réprimande* — буквально: выговор).

Рiмляне — здесь: шведы, названы римлянами по признаку католического вероисповедания.

Ристáлище — площадь для гимнастических, конных и других состязаний, а также само состязание.

Рифéй — Урал.

Салóн — комната (зала) для приёма гостей.

Сан — звание, связанное с почётным положением.

Сидéлец — приказчик в магазине, лавке (*устар.*).

Скепті́ческий — относящийся ко всему критически-недоверчиво.

Скí петр — жезл с драгоценными камнями и резьбой — знак царской власти.

Слúжба — здесь: солдаты и низшие полицейские чины.

Смотрі́тель — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

Сослóбие — в дореволюционной России: группа лиц, объединённых по профессиональному или имущественному признаку.

Ссылно́поселё́нец — человек, отправленный на принудительное поселение; ссыльный.

Ста́до — здесь: сообщество единомышленников, единоверцев: христианское стадо; монахи в монастыре, паства.

Сто́лпотво́ре́ние — смешение языков, происшедшее, по библейским преданиям, с жителями Вавилона в наказание за то, что они попытались построить башню до неба.

Супоста́т — противник, недруг.

Та́ть — вор, мошенник, грабитель.

Съё́зжая — помещение при полиции для арестованных.

Титуля́рный советник — гражданский чин IX класса.

Тиúны — судьи; здесь: некоторые бояре — сторонники немцев во Пскове.

Тойми́нцы — племя, жившее по рекам Верхней и Нижней Тойме, притокам Северной Двины.

Туру́сы — выдумка, враньё.

Тьма — 1) в Древней Руси — десять тысяч; 2) великое, бесчисленное множество.

У́гры — венгры.

У́стюг — город и земля по притоку Северной Двины — Сухоне.

Фа́ворі́т — любимец высокопоставленного лица, получающий выгоды и преимущества от его покровительства.

Фельдъё́герь — правительственный или военный курьер.

Фероньёрка — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

Филистер — человек с узким, ограниченным умственным кругозором и ханжеским поведением; мещанин, обыватель.

Филистимляне — древний народ, населявший приморскую часть Палестины.

Финтирлюшка (финтифлюшка) — глупость, пустяк.

Фриштик — завтрак (*нем.*).

Фрейлина — придворная дама.

Фриз — толстая, грубая ткань.

Холоп — подневольный, зависимый человек.

Хоругвь — 1) войсковое знамя; 2) принадлежность церковных шествий — укреплённое на длинном древке большое полотнище с изображением святых.

Цензура — просмотр произведений, предназначенных для печати, для постановки на сцене и т.п., иногда также корреспонденции в целях надзора.

Частный пристав — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

Цирюльник — парикмахер.

Челó — лоб (*устар.*).

Червлёный — багряный, тёмно-красный.

Черемисы — марийцы.

Чудское озеро (Гдовское, Пейпус) — расположено на границе Псковской области и Эстонии.

Шантрёт — шатен (*устар.*).

Шасьт — внезапно войдёт (*просторечн.*).

Широмыжник — искажённое *шаромыжник* — человек, живущий на чужой счёт.

Шпицрутены — прутья или палки, которыми били наказываемых.

Штандарт — военное знамя (*устар.*). Здесь имеется в виду юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

Штрипка — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

Щелкопёр — бумагомаратель, писака, враль (*устар.*).

Эволюция — постепенное развитие.

Эмансипация — освобождение.

Эмиграция — вынужденное или добровольное переселение из своего Отечества в другую страну.

Эмпи́рей — в древнегреческой мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов. В **эмпи́реях** — в блаженстве.

Эполёты — парадные офицерские погоны.

Эштафе́та — искажённое *эстафета* — здесь: срочная почта.

Юпи́тер — в древнеримской мифологии — бог неба, дневного света, грозы; царь богов, отождествляющийся с греческим Зевсом.

Ю́рьев (Дерпт) — теперь город Тарту, Эстония.

Якоби́нец — 1) представитель революционно-демократических слоев французской буржуазной революции конца XVIII века, обычно член Якобинского клуба; 2) человек крайних политических убеждений, революционер.

Ятви́ги (ятвя́ги) — литовское племя.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Аллего́рия — изображение отвлечённого понятия или явления через конкретный образ.

Аллите́ра́ция — повторение однородных согласных звуков в стихе.

Анекдо́т — до середины XIX века — короткий рассказ о незначительном, но характерном происшествии из жизни исторического лица. С середины XIX века понимается как краткий устный рассказ с остроумной концовкой. Анекдоты могут иметь сатирическую или шутливую окраску.

Антоло́гия — название сборников, содержащих избранные отрывки, стихи, изречения разных авторов. В первой половине XIX века в России антологиями называли лишь сборники античной поэзии.

Антологиче́ские стихи — стихи, написанные на темы и в манере античной литературы.

Ассона́нс — повторение в стихе однородных гласных звуков.

Балла́да — жанр лирической поэзии повествовательного характера. Основными признаками баллады являются наличие фабульных элементов, ирреальный (фантастический) сюжет и относительно большой объём.

Беллетри́стика — повествовательная художественная литература.

Были́на — фольклорная героическая песня повествовательного характера, возникшая как выражение исторического сознания русского народа в эпоху IX—XIII столетий. Былина отразила историческую действительность в образах, жизненная, реальная основа которых обогащена фантастическим вымыслом.

Водеви́ль — небольшая пьеса с пением куплетов.

Града́ция — расположение ряда выражений, относящихся к одному предмету, в последовательном порядке повышающейся или понижающейся смысловой или эмоциональной значимости членов ряда.

Дра́ма — 1) один из основных родов художественной литературы, наряду с лирикой и эпосом. Предназначена, как правило, для постановки на сцене; 2) один из жанров драматургии, пьеса с острым конфликтом, который, однако, в отличие от трагического, не столь возвышен, обычен и разрешим.

Дума — народная лиро-эпическая песня, исполняемая мелодическим речитативом под музыкальный аккомпанемент.

Жити́е — жизнеописание святых.

Идиллия — одна из основных форм в античной поэзии. В русской литературе XIX века — небольшое стихотворение, изображающее вечно прекрасную природу, идеализированную жизнь на лоне природы.

Исторические песни — эпические и лирические произведения, в которых отражается понимание народом исторических событий и явлений, выражается отношение к ним.

Каламбу́р — шутка, основанная на комическом использовании сходно звучащих, но разных по значению слов.

Коме́дия — один из жанров драмы, в котором основной сюжет и характеры даны в формах смешного или проникнуты комическим.

Лейтмоти́в — основная (повторяющаяся) тема.

Ли́ро-эпи́ческий жанр — сочетает в себе особенности изображения действительности, присущие и эпосу и лирике (баллада-роман в стихах, отдельные поэмы), представляя собой их органическое, качественно новое сочетание.

Литерату́рное направле́ние — художественный метод в литературе; устойчивый и повторяющийся в течение определённого времени исторического развития литературы целостный и органически связанный круг основных особенностей литературного творчества, выражающийся в ха-

рактуре отбора явлений действительности и их эстетической трактовке.

Медитативная лирика — лирика раздумий, размышлений.

Неологизм — новообразованное слово, словосочетание.

Ода — торжественное, патетическое стихотворное произведение.

Пародия — вид сатирического произведения, целью которого является осмеяние тех или иных фактов или явлений в литературе.

Пафос — основное настроение художественного произведения.

Повесть — эпический прозаический жанр.

Послание — жанр в поэзии и публицистике; произведение, написанное в форме письма или обращения к какому-либо лицу.

Поэма — большая форма лиро-эпического жанра; стихотворное произведение с повествовательным характером сюжета.

Поэтика — наука о строении литературных произведений и системе эстетических средств, которые в них используются.

Пробраз (прототип) — реальная личность или литературный персонаж, послуживший основой для создания художественного образа.

Публицистика — род произведений, посвящённых актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества.

Роман — большая форма эпического жанра литературы.

Романист — автор произведений в жанре романа.

Романтизм — литературное направление в европейских литературах, в том числе и в России, в начале XIX века.

Романтик — автор литературных произведений, пишущий в эстетике романтизма.

Сатира — 1) отдельное художественное произведение, содержащее насмешку или издёвку над отрицательными явлениями или отдельными лицами; 2) вид литературы, имеющей обличительный характер.

Сказание — поэтическое произведение, относящееся к группе по преимуществу прозаических повествований с историческим или легендарным содержанием.

Слово — художественное произведение поучительного характера в древнерусской литературе.

Стиль — 1) совокупность признаков, характеризующих искусство определённого времени и направления или индивидуальную манеру художника в отношении содержания и художественной формы; 2) совокупность приёмов использования средств языка, характерная для какого-либо писателя или литературного произведения, направления, жанра; особенности в построении речи и словоупотребления, манера словесного изложения.

Строфа́ — группа стихов, объединённых каким-либо формальным признаком, периодически повторяющимся из группы в группу.

Трагедия́ — один из жанров драмы, в основе которого лежит особо напряжённый, непримиримый конфликт, оканчивающийся чаще всего гибелью героя.

Тради́ция ли́терату́рная — передающийся последующим поколениям и эпохам эстетический опыт, накопленный либо в определённую литературную эпоху, либо в творчестве писателя.

Фелье́тон — жанр художественно-публицистической литературы, представленный преимущественно в газетах и журналах; имеет, как правило, сатирическую направленность.

Филосо́фская поэ́зия — поэзия, представляющая в особой эстетической системе объяснение мира.

Хро́ника — вид художественного произведения, рассказывающий о жизни и событиях страны или отдельных исторических персонажей по годам.

Цикл — несколько художественных произведений, объединённых общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом; в лирике — настроением и местом действия.

Эле́гия — жанр лирического стихотворения, проникнутого грустью, размышлениями о жизни и смерти, природе и человеке. В элегии преобладают мотивы личных переживаний.

Эпигра́мма — один из видов сатирической поэзии; небольшое стихотворение, зло высмеивающее какое-либо лицо или общественное явление.

**Список книг, использованных при составлении
изобразительного ряда учебника**

Николай Васильевич Гоголь в изобразительном искусстве и театре. М., 1952.

Pushkin A. Lahija del capitan. М., 1953.

Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество: гражданское зодчество. М., 1983.

Из истории советской литературы 1920—1930-х годов: новые материалы и исследования: литературное наследство. Т. 93. М., 1983.

Пиросмани. Избранные произведения. М., 1986.

Искусство книги. Вып. 10. 1972—1980. М., 1987.

А.С. Пушкин в русской и советской иллюстрации: в 2 т. М., 1987.

Советское искусство 20—30-х годов: Государственный Русский музей. Л., 1988.

Виктор Михайлович Васнецов: Государственная Третьяковская галерея. Л., 1990.

Л.Н. Толстой: документы, фотографии, рукописи. М., 1995.

Романтизм в России: к 100-летию Государственного Русского музея. СПб., 1995.

Берлин — Москва. М.; Мюнхен; Нью-Йорк, 1996.

Дементий Алексеевич Шмаринов: к 90-летию со дня рождения. М., 1997.

Коллекции Государственного музея А.С. Пушкина. М., 1999.

А.С. Пушкин и его современники в портретах: Музей Пушкинского Дома. СПб., 1999.

Сервантес Сааведра Мигель де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. С прибавлением «Лжедонкихота» Авельянеды: в 2 т. М., 2003.

Минувшее меня объемлет живо: мемориальная Пушкиниана Государственного музея А.С. Пушкина. М., 2003.

Государственный литературный музей. М., 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Сергеевич Тургенев	3
Ася	5
Николай Алексеевич Некрасов	59
«Внимая ужасам войны...»	60
Зелёный шум	65
Афанасий Афанасьевич Фет	69
«Целый мир от красоты...»	73
«Учись у них — у дуба, у берёзы...»	73
Александр Николаевич Островский	76
Снегурочка. <i>Весенняя сказка (Фрагмент)</i>	83
Лев Николаевич Толстой	105
Отрочество (<i>Главы</i>)	107
После бала	117

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Максим Горький	138
Макар Чудра	140
Мой спутник	153
Владимир Владимирович Маяковский	182
Хорошее отношение к лошадям	188
Надежда Александровна Тэффи	191
Свои и чужие	193
Михаил Михайлович Зощенко	198
Обезьяний язык	200
Николай Алексеевич Заболоцкий	200
«Я не ищу гармонии в природе...»	210
Некрасивая девочка	212
Михаил Васильевич Исаковский	214
Катюша	218
Враги сожгли родную хату	223
Три ровесницы	225

Александр Трифонович Твардовский	231
За далью — даль (<i>Главы из поэмы</i>)	237
Виктор Петрович Астафьев	252
Фотография, на которой меня нет (<i>В сокращении</i>) ...	254
Валентин Григорьевич Распутин	273
Уроки французского	276

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уильям Шекспир	307
Ромео и Джульетта (<i>Фрагменты</i>)	309
Мигель де Сервантес Сааведра	346
Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский (<i>Фрагмент</i>)	348

Справочный раздел

Советуем прочитать	361
Словарь имён.	362
Краткий толковый словарь	369
Краткий словарь литературоведческих терминов и понятий	377
Список книг, использованных при составлении изобразительного ряда учебника	381

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Учебник

для общеобразовательных учреждений

В двух частях

Часть II

Автор-составитель

Меркин Геннадий Самуйлович

Художественное оформление, макет,
составление иллюстративного ряда,
подбор иллюстраций — **И.Г. Ордынский**

В оформлении переплёта использованы:
иллюстрации С.В. Чехонина к книге А.В. Луначарского
«Фауст и Город». 1918 г.;
портрет Л.Н. Толстого. Художник А.В. Николаев.
Начало 1970-х гг.

Заведующий редакцией литературы **А.В. Фёдоров**
Редакторы **Е.Ю. Петухова, И.Л. Тимашева, Н.В. Умрюхина**
Художественный редактор **И.Г. Ордынский**
Корректоры **Т.Г. Люборец, М.Г. Курносенкова**
Вёрстка **Н.Б. Поповой, И.Д. Петровской**

Подписано в печать 22.01.13. Формат 60 x 90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитуры *ПТ* Петербург, *PT* FreeSet.
Усл. печ. л. 24 + 0,5 (вкл.). Доп. тираж 20 000 экз. Заказ № 33823.
Изд. № 02093.

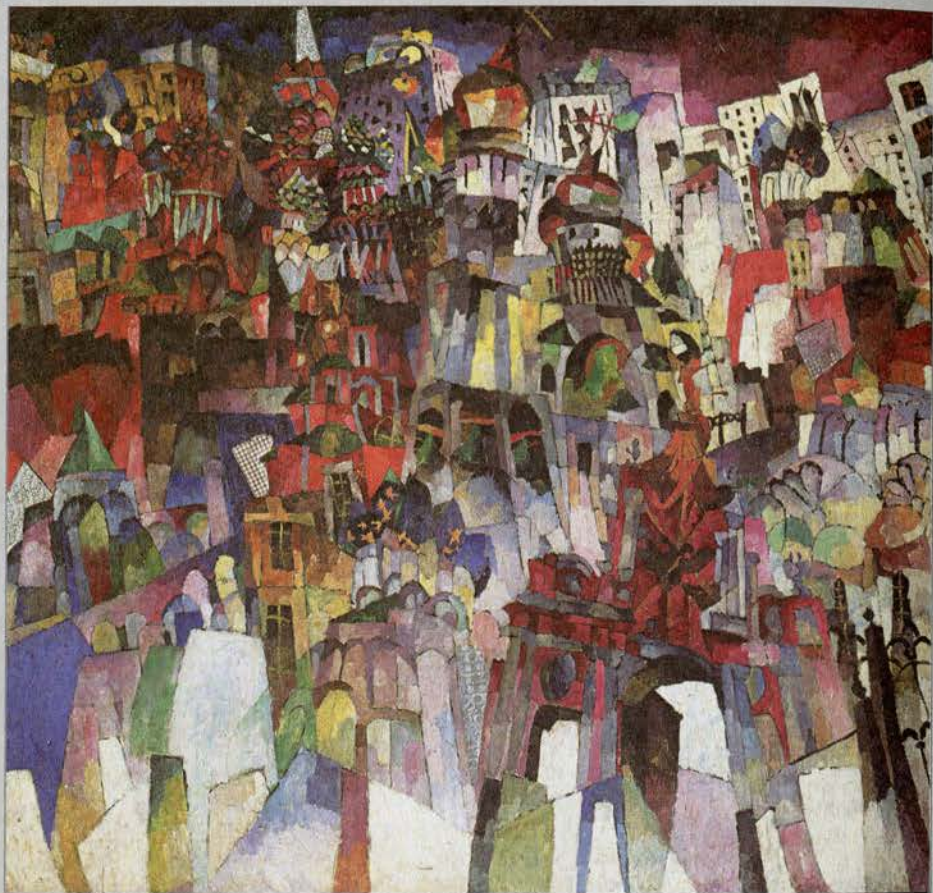
ООО «Русское слово — учебник».
125009, Москва, ул. Тверская, д. 9/17, стр. 5.
Тел.: (495) 969-24-54, 940-65-56.

ISBN 978-5-91218-782-7

9 785912 187827

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством
электронных носителей
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

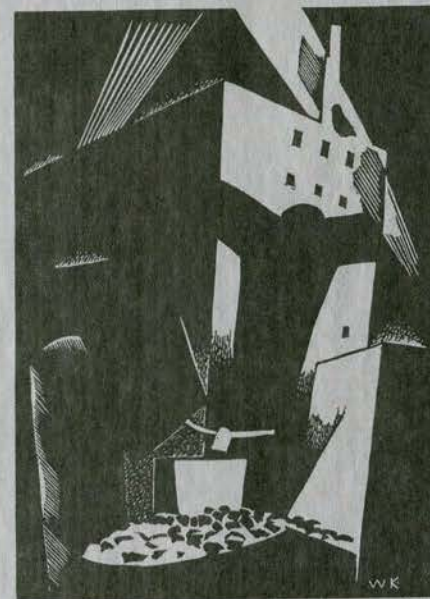

Москва. Художник А.В. Лентулов. 1913 г.

Портрет поэта
Владимира Владимировича
Маяковского.
Художник Л.Ф. Жегин (Шехтель).
1913 г. Иллюстрация
к первому рукописному сборнику
стихов Маяковского «Я!»

Крюков канал. Художник А.П. Остроумова-Лебедева. 1910 г.

Митинг.
Художник
В.И. Козлинский.
1919 г.

ЛИТЕРАТУРА

История развивается по своим законам,
литература — по своим,
хотя законы эти взаимодействуют.
Литературное развитие не внеисторично,
но влияние истории чаще всего
многогранное и сложное.
В основе естественного,
нормального развития литературы
лежит изменение представлений
о прекрасном.

«РУССКОЕ СЛОВО»